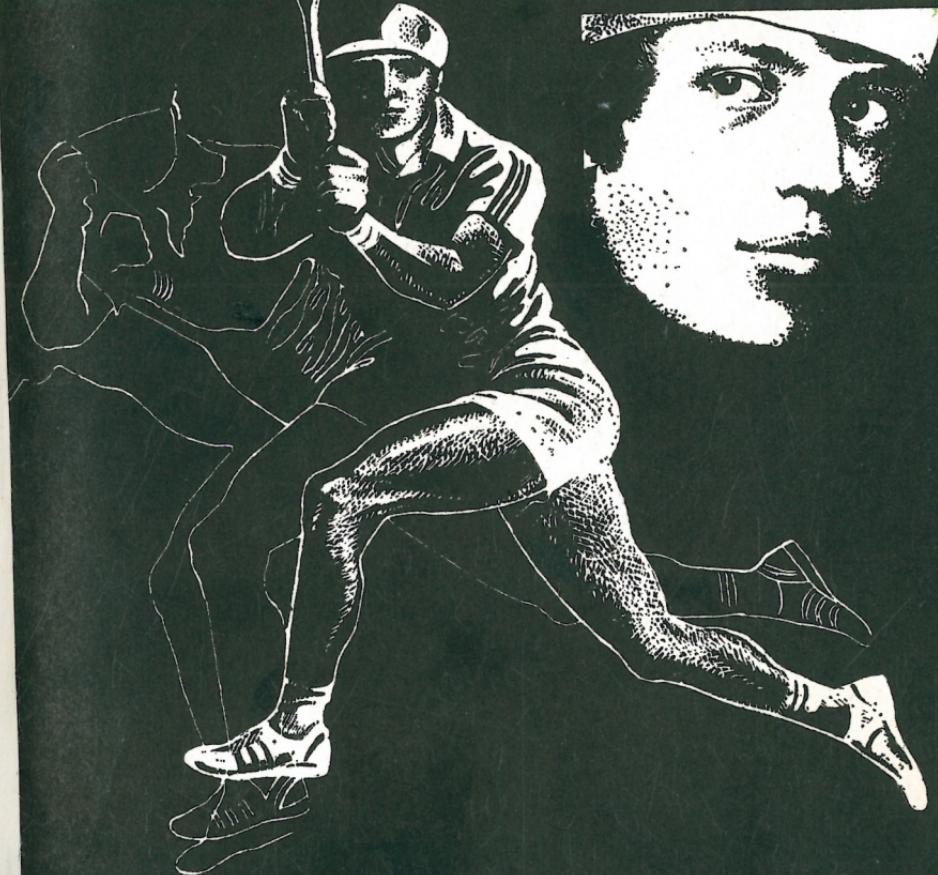

БЕЛЫЕ Линии КОРТА

ФЕЛИКС
ГАЛЬПЕРИН

W7

ФЕ

Е

ПОВ

*В 82-19
320*

ФЕЛИКС ГАЛЬПЕРИН

БЕЛЫЕ ЛИНИИ КОРТА

КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ЛКСМУ
МОЛОДЬ
1982

P2
Г17

2020139541

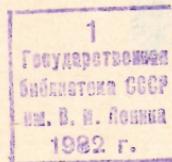
Рецензент: В. И. Кава

Гальперин Ф. Я.
Г17 Белые линии корта: Повесть. — К.: Молодь,
1982.— 240 с.

Книга затрагивает сложные нравственные проблемы, которые приходится решать юношам на пути в большой спорт. В центре образ молодого теннисиста Антона Ставко, человека целесустримленного и честного. Малые и большие победы в спорте даются нелегко, но еще труднее завоевать авторитет у товарищей и сохранить дружбу на долгие годы.

60902—100
Г _____ 66.82 4702010200.
М228(04)—82

P2

Феликс Яковлевич Гальперин. БЕЛЫЕ ЛИНИИ КОРТА. Повесть. Киев,
«Молодь», 1982

Художественное оформление Т. Т. КУЗНЕЦОВОЙ. Редактор Н. Б. МУРЧЕНКО.
Художественный редактор О. М. КОСЛА. Технический редактор
С. Г. ОРЛОВА. Корректоры И. А. БОНДАРЕНКО, З. М. КЛЕЩЕНКО.

Информ. бланк № 1361

Сдано в набор 11.03.82. Подписано к печати 13.08.82. БФ 46748. Формат
70×108½. Бумага газетная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. лист. 10,5. Усл. краскоотт. 10,76. Уч.-изд. лист. 11,44. Тираж 30 000.
Зак. № 162. Цена 70 к. Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», 252119, Киев-119,
Пархоменко, 38-44. Белоцерковская книжная фабрика, 256400 г. Белая Церковь, ул. Карла Маркса, 4.

© Издательство «Молодь», 1982

Глава первая

АНТОН по обыкновению проснулся рано. Полежал несколько минут с открытыми глазами, прогоняя остатки сна. Включил транзисторный приемник, стоявший на тумбочке у изголовья кровати. Зазвучала музыка. Антон встал и медленно подошел к окну. Небо чистое, ветра нет, солнце еще пряталось за многоэтажными домами, но он чувствовал, что день будет прохладным. Накануне слушал сводку погоды особенно внимательно. Сегодня ему необходим нежаркий, безветренный день. Нужна не просто хорошая погода — идеальная.

Музыка смолкла. Антон глянул на часы — без двух минут семь. Слова диктора: «Передаем сводку погоды...» заставили напрячься. А вдруг циклон или антициклон? За ночь в атмосфере многое могло произойти, природа — дама капризная. «...Безоблачно, ветер слабый, температура плюс двадцать два градуса. К концу дня ветер усилится, возможны небольшие кратковременные осадки», — произжал приятный женский голос.

Вторая половина дня его нисколечко не интересовала. Стъ гремит гром, сверкает молния, дождь льет как из ведра. Он уже будет под крышей, среди друзей и позвоует себе впервые в жизни выпить рюмку коньяка за осуществление мечты.

А не слишком ли он самоуверен? Может быть, успех дут праздновать соперники, а не они с Леней? Антон сразу отогнал эту предательскую мысль. Сейчас ровно

семь, в одиннадцать они с Леней выйдут на корт и уйдут чемпионами страны. Он долго ждал этого дня, шел к нему не широкой столбовой дорогой, а карабкался узкими крутыми тропками, набивая синяки и шишки. И теперь, выступая на родном корте, где, как известно, и стены помогают, он не упустит победу. Просто не имеет права прогреть.

Антон переключил транзистор с первой программы на «Маяк» и принялся под попурри из советских оперетт делать гимнастику. Обычно он проделывал это в парке, начиная разминку трехкилометровой пробежкой, но сегодня решил ограничиться легкими упражнениями, а перед финалом на стадионе размяться основательно. Ведь хорошая разминка всегда помогала снять предстартовое волнение, чтобы, не раскачиваясь, сразу повести в стремительном темпе, подавив соперника в первом же сете.

Уборка постели, душ, завтрак — Антон быстро входил в привычный ритм жизни. Тщательно собрал форму, медленно застегнул молнию на вместительной спортивной сумке. Присел на секунду перед дорогой и быстро вышел.

Июльское солнце ударило в глаза, и Антон поспешил надел темные очки. Ничто не должно раздражать, надо беречь каждую частичку нервной энергии, именно ее может не хватить для победы. Показалась поливальная машина, Антон посторонился, чтобы не попасть под сверкающие на солнце струи-усы. Увидел номер машины и довольно улыбнулся: «Счастливый».

Неизвестно, кем и когда была пущена в ход примета. Если, направляясь на соревнования, ты встретил машину с номером, где сумма двух первых цифр равна сумме двух последних, то непременно победишь. Антон относился к этому скептически, и когда в первый день чемпионата ему возле дома повстречался «Жигуленок» с номером 41—23, то не придал этому значения, хотя жребий послал им с

Леней очень сильную пару. Но выиграли они на удивление легко и быстро. Антон рассказал Лене о счастливом номере, и Леня, обычно подтрунивавший над всякими приметами, на этот раз отнесся серьезно.

— Можно верить в примету, если она придает тебе бодрость и оптимизм, — сказал он. — Моральная инъекция. Это неплохо.

А сегодня, в день решающей встречи за золотые медали чемпионов страны, такая примета просто дар судьбы. Антон глянул на часы — ровно восемь. Надо позвонить Лене, рассказать о счастливом номере. Он сунул руку в карман, вытащил горсть мелочи. Новенькая двухкопеечная поблескивала среди тусклых, давно бывших в употреблении серебряных монет. Удача! Будка с телефоном-автоматом, вопреки закону злосчастия, была свободна, и никто не «висел» на проводе Ленинного аппарата. Цепная реакция удач продолжалась и должна была закончиться в финале чемпионата страны. Он в этом уже ни на мгновение не сомневался.

— Доброе утро, Антон, — голос Лениной мамы звучал, как всегда, приветливо. — Сейчас позову. Ты везучий. Он уже у порога. Позвонил бы на несколько секунд позже...

Антон крутнул головой, словно его ужалила в шею оса. Ну и денек. Точно говорят, если везет, так везет.

— Привет, привет, — зазвучал в трубке Ленин баритон. — В полном порядке.

Когда Антон сообщил ему о счастливом номере, Леня радостно захохотал.

— Здорово! Значит, фортуна за нас.

— Ты приходи пораньше, — попросил Антон. — Фортуна фортуной, но поговорим обстоятельно, обсудим...

— Не волнуйся и не гони картину. Зря болтаться возле кортов ни к чему. Я буду вовремя. Салют!

Антон повесил трубку.

В принципе Леня прав. Приехать на стадион за час до

начала встречи дело вполне нормальное. Длительное ожидание на месте соревнований действует на многих игроков отрицательно, он в этом не раз убеждался. Большинство предпочитает ждать в гостинице или гулять в парке, чтобы не «перегореть».

Антона ничто так не успокаивало и не настраивало на поединок, как привычная обстановка теннисных кортов. Он поехал на стадион.

На трибунах — пусто, никого за судейским столиком и в раздевалке. Корт полностью готов к встрече, двое рабочих подметали забеги. Антон поздоровался и сел на скамейку, с затаенным волнением глядя на белые линии корта. Что бы он делал, если бы на свете не существовало кортов и тенниса? Ему даже стало не по себе от этой мысли. Но ведь живут же люди, которые не играют в теннис и даже понятия не имеют об этой игре. Живут. И он раньше жил...

Знакомые такты «Подмосковных вечеров» нарушили тишину. Из репродуктора громко прозвучали шесть сигналов.

— Московское время — девять часов! «Маяк» о спорте!

Ясно, пришел радиостартер и проверяет готовность аппаратуры. Диктор неторопливо перечислял важнейшие спортивные события дня.

— Сегодня мы узнаем имена новых чемпионов страны по теннису. Особый интерес представляет встреча мужских пар. Впервые в финал вышли молодые теннисисты Антон Ставко и Леонид Гадоха. Они чемпионы республики, победители международных турниров. В нынешнем чемпионате Ставко и Гадоха демонстрируют острую, изобретательную игру, которой так недостает многим нашим ведущим мастерам, что мешает им добиваться успехов в важных международных соревнованиях. Специалисты считают, что в лице Ставко и Гадохи сборная страны получит достойное пополнение...

С теннисом Антон по-настоящему познакомился будущий шестиклассником. В маленьком городке, где он родился и вырос, главной игрой у мальчишек летом был футбол, а зимой хоккей. А теннис? О нем мало кто знал, по телевизору его показывают редко. Мелькнет на экране несколько кадров — ничего не разберешь.

На окраине городка, за рекою, находилась воинская часть. И когда на зеленой поляне возле нее соорудили футбольное поле, волейбольную площадку и гимнастический городок, туда зачастали городские ребята. Ради того, чтобы забить мяч в настоящие футбольные ворота с сеткой (в городе на стадион их не пускали), они не ленились прошагать пять километров, разделявших домики местных жителей и воинские строения.

В футбол Антон играл неплохо, в команде своей улицы за него закрепилось постоянное место правого крайнего. Когда ребята шли на воинский стадион, то всегда звали Антона. Он охотно откликался, бросал все дела, иногда даже уроки. В тот день они шли смотреть, как своя команда (они уже успели познакомиться и подружиться с солдатами) будет играть с футболистами областного центра.

Корт Антон увидел сразу. Его построили за те два дня, что он не приходил сюда. На темно-желтой поверхности площадки четко выделялись белые линии. Просто из земли вырастала туго натянутая сетка и делила корт пополам, на две равные части. Эти белые линии словно магнитом притянули Антона. В ответ на приглашение друзей смотреть футбол, он буркнул, что сейчас придет, и быстро зашагал к корту.

Походил вокруг, потрогал сетку, подошел к деревянной, выкрашенной в зеленый цвет стенке. Эти стенки (их чаще делают из металлической сетки) не позволяют мячу улететь с площадки, помогают игрокам лучше разглядеть маленький белый мячик. Теннисисты называют их фоном.

Корт был пуст, но все казалось необычным, даже торжественным. Антон сел на невысокий заборчик, отделявший корт от поляны, и смотрел на белые линии. Впервые его не тянуло на футбольное поле, где, судя по крикам, уже начался матч. А ведь раньше он мог часами гонять мяч без устали и смотреть по телевизору футбол до глубокой ночи, когда транслировали международные матчи.

Антон приходил сюда еще и еще, но корт по-прежнему пустовал.

Обычно ребята в среду на воинский стадион не ходили, потому что в четверг были две математики и физика, задавали столько, что не всегда успевали все выполнить. Неожиданно заболела математичка — появилось свободное время, и кто-то предложил пойти погонять мяч. Вот тогда и увидел Антон на корте людей. По тому, как с ними почтительно здоровались, он догадался: начальство. И невысокий плотный мужчина, и худощавый седой были одеты в одинаковые темно-синие спортивные шерстяные костюмы. Ракетки хранились в одинаковых белых чехлах, и, когда они сняли спортивные костюмы, Антон несколько не удивился, увидев на них совершенно одинаковые белые трусы с красными лампасиками.

А вот играли они по-разному. Невысокий плотный, его звали Борис Нестерович, держался сдержанно, даже флегматично, но передвигался по корту с легкостью, неожиданной для его грузной фигуры, и всегда успевал отбить мячик. Борис Нестерович все время находился у задней линии, плавным размашистым ударом атакуя соперника. Худощавый, Геннадий Александрович, толстяк называл его просто Генсаныч, шумно метался по корту, весело покрикивал, отбивая удары, и огорченно поднимал руки вверх, когда мяч уходил за линию.

Антон как завороженный смотрел на игру. Он стал против сетки, чтобы хорошо видеть каждое движение партнеров. Они вошли в азарт, худощавый время от времени выкрикивал непонятно к чему относящиеся слова:

«Пятнадцать — ноль! Сорок — тридцать! Больше! Ровно!». Они настолько увлекались игрой, что не замечали Антона. Но вот от сильного удара Генсаныча мяч неожиданно полетел не к фону, а в сторону, через ограждения, и оказался за кортом.

— Дружище! — закричал он. Не сочти за труд!

Антон мигом догнал катившийся по траве белый мячик и бросил Генсанычу. Тот поймал его на ракетку и приложил руку к сердцу: благодарю. Мячи улетали с корта еще не раз, и Антон уже без всякой команды быстро догонял их и возвращал игрокам.

С того дня он охладел к футболу. Когда ребята звали смотреть встречу или поиграть, решительно отказывался и шел на корт. Борис Нестерович и Генсаныч играли каждый день, кроме четверга и воскресения. Антон приходил и в эти дни, становился на задней линии корта и мысленно точными ударами перебивал мяч через сетку. Попросить у Бориса Нестеровича или Генсаныча ракетку не решался, а они не предлагали. Но даже стоять на корте и следить за игрой доставляло ему удовольствие.

К нему привыкли, весело приветствовали: «Здравствуй, Антон!» А когда он порезал ногу и три дня не приходил, озабоченно спросили: «Ты где пропадал?»

Однажды Борис Нестерович, пытаясь достать далекий мяч, резко шагнул и, тихо ойкнув, заковылял к низенькой скамеечке, стоявшей у забора. Он коротко сообщил Генсанычу, что ничего страшного не произошло. Старая история, еще с курсантских времен. Играя в футбол, поскользнулся на мокром поле, а потом не залечил как следует. Осталось хроническое воспаление надкостницы. Он всегда носит в спортивной сумке эластичный бинт, сейчас все будет в порядке.

Борис Нестерович туго перебинтовал голеностопный сустав, снова надел шерстяной носок, завязал шнурки кеда и объявил, что готов продолжать. Но Генсаныч категорически отсоветовал.

— Отдохни маленько. — И добавил: — Мы Антона гоняем? Гоняем. Эксплуатируем. Пора бы и рассчитаться. — Подмигнув Антону, спросил: — Хочешь ракеткой попробовать?

Антон растерялся от неожиданного предложения, но поспешно кивнул головой в знак согласия. Борис Нестерович протянул ему свою ракетку, улыбнулся: веселее, мол, ничего сложного нет.

Генсаныч подал легонечко, и Антон, сильно взмахнув ракеткой, ударил навстречу летящему мячу. Тот полетел по высокой дуге и приземлился за площадкой. Остальные удары были такие же неудачные. Бил тихо — мячик попадал в сетку, старался ударить посильнее — мяч улетал к фону или за пределы корта. Борис Нестерович и Генсаныч сдерживали улыбки. Антон насупился, но ракетки не бросил и с корта не ушел. Стиснув зубы, продолжал бить, отражая удары Генсаныча, и сам бегал за мячом, улетавшим в траву.

Борис Нестерович глянул на часы и объявил, что пора уходить. Он внимательно наблюдал за Антоном во время игры и посоветовал прощаюсь:

— У стеночки надо поработать. С этого начинают.

На лице Антона было написано такое удивление, что офицеры рассмеялись. А Генсаныч пояснил:

— Бьешь мячом о стенку и тренируешь удар. Стена — отменный партнер.

Антон пробовал заинтересовать теннисом ребят, но никто из них не смотрел на игру больше пятнадцати минут. Им быстро становилось скучно, перемещения беленького мячика казались однообразными. То ли дело футбол! Антон же научился различать длинные пласированные удары и обводку, укороченные и подрезанные, его сердце замирало, когда мяч летел высоко свечой или после пушечного удара врезался в землю и отскакивал к фону. Даже в простой перекидке он улавливал скрытое напряжение борьбы, видел, как готовится выход к сетке

для решительных действий. Он мечтал соорудить у себя во дворе карт, но не находилось желающих играть, а тем более помочь ему. Теперь он приступит к делу.

На следующий день купил в спортивном отделе городского универмага два мяча, а узнав цену ракетки, загрустил. Отца у него не было, он погиб во время автомобильной катастрофы, когда Антону не исполнилось и года. А для матери, учительницы младших классов, выделить из семейного бюджета двенадцать рублей было не-просто. Антон даже не сказал ей об этом, решив за зиму скопить деньги на покупку настоящей ракетки, а пока вырезал из фанеры. На стене дома начертил синей краской линию на расстоянии метра от земли, имитируя теннисную сетку, и незамедлительно приступил к тренировкам.

Ему долго не удавалось несколько раз подряд удара-ть мячом о стенку, так, чтобы тот попадал чуть выше средней линии. Но вскоре дело пошло на лад. Он мог уже пятнадцать-двадцать раз подряд посыпать мяч в стенку, не давая ему улететь в сторону. Проделывал это часами, и ему нисколько не надоедало, а от предложений друзей погонять в футбол отмахивался, и вскоре его перестали звать.

Поиграть на корте ему удалось всего несколько раз. Больше месяца Борис Нестерович и Генсаныч отсутство-вали («Служба», — со вздохом ответил Генсаныч на вопрос Антона), почти две недели капризничала погода — дождик то моросил, то переставал на часок, от ветра гну-лись деревья. Затем начался учебный год, Антон учился во вторую смену и приходить на карт мог только в вос-кресенье.

Пока позволяла погода, тренировался у стенки своего дома, а когда зарядили дожди, стал вечерами ходить в школьный спортивный зал. Жил Антон рядом со школой. Сторожиха хорошо его знала («сын учительши») и охотно пускала в пустующий зал. («Вот умница. Не гоняет мяч по лужам, как эти оглашенные»). Утреннюю зарядку он

теперь делал с гантелями, а когда сошел снег и потеплело, по утрам бегал кроссы. Все лето играл с Генсанычем, так как Борис Несторович уехал на какие-то курсы в Москву.

Антон делал такие успехи, что Генсаныч только головой качал, повторяя: «Тренера бы тебе настоящего...» Сам он никогда по-настоящему не тренировался, его научил играть когда-то полковой врач, и теперь он гонял мячик для здоровья.

Однажды Генсаныч пришел на корт со спортивной газетой и показал объявление. Антон дважды внимательно прочитал его от начала до конца. Республиканская школа-интернат спортивного профиля приглашала на учебу ребят. Была там и теннисная группа.

— Мама не отпустит. Я у нее один, — сказал сокрушенno Антон.

Генсаныч понимающе кивнул и ничего не ответил. В этот день игра не клеилась. Генсаныч, понимая состояние Антона, не шутил и не комментировал счет, подражая голосу Николая Озерова, что у него здорово получалось. Закончили они раньше обычного и пошли к реке искупаться: душа возле корта не было. Шли молча. Антон на минуту задумался и представил себе, как мог бы тренироваться у известных тренеров, смотреть игры лучших теннисистов страны и мира. В Киеве, рассказывал ему Генсаныч, весной ежегодно проходит международный турнир, на который съезжаются мастера ракетки со всех континентов. Но тотчас рядом с этим счастливым видением встало мамине лицо с большими печальными глазами, и Антон понял, что не сможет ей сказать о своем отъезде. Мама проводила с ним все свободное время, даже в пионерский лагерь не отпускала.

И тогда подумал: «А что если попросить Генсаныча прийти и убедить маму отпустить меня учиться в спортивный интернат?» Он заговорил робко, неуверенно, но Генсаныч выслушал его внимательно, вопросов не задавал и

пришел в тот же вечер, одетый в парадную форму, с тремя рядами орденских колодок. Мать немного растерялась, упрекнула: «Как не стыдно, не предупредил, что будет такой гость. А у нас ничего нет». Антон не раз рассказывал ей о Генсаныче, так как она всегда требовала отчета: «Где был? С кем? Что делал? Куда собираешься?» И он привык ничего от нее не скрывать.

Она быстро поставила чайник и разрезала торт, который принес Генсаныч. А тот начал без всякой дипломатии, и лицо ее вмиг побледнело. Но Генсаныч, словно не замечая этого, продолжал расписывать теннисные способности Антона.

— Я не против тенниса, — прервала мать чеканную речь Генсаныча. — Но я мечтала, чтобы он стал врачом или журналистом. У него сочинения лучшие в школе.

Генсаныч глянул на портрет Чехова, висевший на стене над письменным столом, и догадался о происхождении имени Антон. Реплика матери оказалась очень свое временной, потому что Генсаныч чувствовал, что его доводы в пользу тенниса не производят нужного впечатления. Теперь появился новый аргумент.

— Значит, так или иначе ему придется уехать. В интернате прекрасные условия для учебы, опытные педагоги. Антон получит хорошие знания. В медицинском, знаете, какой конкурс?

Мать кивнула и начала разливать чай. За столом воцарилось молчание. Первым его нарушил Антон:

— Если меня примут, ты сможешь тоже отсюда уехать, и мы снова будем вместе.

Мать печально улыбнулась и обменялась быстрым взглядом с Генсанычем. Разве может мальчик понимать, что такое переезд из города в город? Но слова о прекрасных условиях и конкурсе в медицинский институт сыграли свою роль.

— Хорошо, я согласна. — Материнским инстинктом она понимала, что в судьбе ее единственного сына спор-

тивный интернат может сыграть главную роль, и быстро подавила в себе чувство эгоизма, заставляющее некоторых родителей держать детей возле себя. — Пусть будет по-вашему.

— По-нашему, — поправил Генсаныч, и Антон бросился ее обнимать.

То, что для матери было огорчением, сулило долгие месяцы одиночества в ожидании писем (Антон будет писать редко и мало, отделься чаше поздравительными открытками и телеграммами), было для него радостью, осуществлением мечты, надеждой на что-то большее.

Приехали они на рассвете, городской транспорт еще не ходил. Взяли такси, Антон ждать на вокзале не хотел, его словно магнитом тянуло в спортивный интернат. Светло-зеленая «Волга» с шашечками быстро домчала их к интернату, но двери в здание оказались запертыми; сторож предложил им посидеть на скамейке, пока придет начальство.

Ожидание затягивалось, мать заметно нервничала, волнение охватило и Антона. Мимо проходили какие-то люди, пробегали мальчишки и девчонки, с любопытством поглядывая в их сторону. Наконец пришла заведующая учебной частью, и мать торопливо последовала за ней в кабинет, жестом показав Антону, чтобы он шел за ними.

— Теннисную группу мы уже набрали, — сухо сообщила заведующая, быстро прочитав заявление, поданное матерью. Скользнула взглядом по Антону, спросила, чуть прищурив глаза: — А умеет ли ваш сын держать ракетку в руках? В юношеской спортивной школе вашего города, как я информирована, отделения тенниса нет. Где же он научился играть? Мы берем разрядников, перспективных ребят.

Антона словно жаром обдало, он растерянно глянул на мать. Но ее тирада заведующей учебной частью несколько не смущила.

— У вас нет никаких оснований считать моего сына бесперспективным! — возмутилась мать вместо того, чтобы обрадоваться и увезти Антона домой. Именно теперь она захотела, чтобы ее сын остался учиться в спортивном интернате. Обычно спокойная, даже робкая, она совершенно преобразжалась, когда предстояло преодолеть трудности, достигнуть какой-то цели.

Когда в младших классах меняли программу по математике, учителям читали специальный курс. Большинство с трудом овладевали теоремами и уравнениями — пугал забытый за многие годы преподавания в младших классах мир иксов и игреков. Но мать Антона не охала и не сетовала. Обложилась учебниками и методическими пособиями, вечерами после лекций дополнительно решала задачи и показала на экзамене отличные знания математики. Приезжий профессор долго не верил, что она по образованию филолог, и полуушутя посоветовал на прощание стать преподавателем математики.

Схватив сына за руку, она бросилась к директору. Антон даже не подозревал, сколько у нее энергии и настойчивости.

— Никто не имеет права делать выводы без предварительной проверки, особенно если речь идет о судьбе ребенка. Это непедагогично. Я сама педагог.— Она говорила сбивчиво, горячо, не обращая внимания на директорское предложение сесть и успокоиться. — Прошу немедленно пригласить специалиста и проэкзаменовать моего сына. Тогда мы решим, умеет он держать ракетку в руках или нет!

Директор дослушал ее, не перебивая, подошел к окну и, приложив ладони рупором ко рту, закричал:

— Нина Тимофеевна! На пару минут!

Антон краем глаза увидел из окна волейбольную площадку и два корта. На одном играли две девчонки. Где находилась Нина Тимофеевна, он не заметил, но она появилась в директорском кабинете молниеносно. Ракетка

в ее руке свидетельствовала, что она имеет самое непосредственное отношение к теннису.

— Абитуриент, — показал директор на Антона. — Проверьте, пожалуйста.

Пока шли коридором, Антон волновался, но привычные белые линии корта подействовали на него успокаивающе. Он спокойно отразил подачу Нины Тимофеевны, затем уверенно вышел вперед и с лета сильно пробил. Девчонки — они бросили играть и смотрели на их поединок — восхищенно ойкнули. Но Нина Тимофеевна и бровью не повела. Она проверяла Антона справа и слева, погоняла по всему корту, а потом затягивала нудный кач. Мяч медленно летал из стороны в сторону, Нина Тимофеевна невозмутимо смотрела на Антона. Когда он применил резаную подачу снизу, которой его обучил Генсаныч, лицо ее ожило. Она попросила повторить подачу несколько раз, но ничего не сказала. Антон так и не понял, нравится его подача этой строгой женщине или нет.

Вдруг во время кача она укоротила удар, так что мяч, едва перелетев сетку, опустился на площадку Антона. Когда-то такой удар называли «жулик», считая неприличным обманывать партнера, получался он почти всегда случайно. Но затем научились так управлять мячом, что он падал на том участке корта, где желал игрок. Антон птицей бросился к мячу и сумел поднять его, а затем у него хватило сил рвануться обратно к задней линии, чтобы достать мяч, без промедления посланный туда Ниной Тимофеевной.

— Посидите на воздухе, — сказала она матери и Антону. — Я мигом.

Только много лет спустя Антон узнал, что Нина Тимофеевна с трудом сдержала восхищение. Наметанный тренерский глаз ее разглядел упорство, трудолюбие и хорошие бойцовские качества мальчика. Много раз она экзаминовала ребят, все они в большей или меньшей степе-

ни волновались, терялись, делали простые ошибки. Антон старался показать все, что умел, и это ему удалось.

Миг затягивался, Нина Тимофеевна не приходила. Мать уже было собралась снова пойти к директору, но в эту минуту появилась Нина Тимофеевна. В кабинете директора ей довелось выдержать нелегкий бой, потому что группу теннисистов уже укомплектовали и заведующая учебной частью упорно противилась принять еще одного.

— Ну разве мы не знаем положения на местах? Откуда в этой дыре может быть теннисный талант? Вас просто задавила настырная мамаша.

Нину Тимофеевну поддержал директор, он знал ее давно и верил ее тренерской интуиции и опыту.

— Приняли, — коротко сообщила она матери Антона и повела их показывать спальный корпус, столовую и душевые, а потом уже кабинеты и классы. Она хорошо понимала, что для матери, которая оставляет своего сына здесь, важнее всего, будет ли ее ребенок накормлен и в каких условиях он будет жить.

Уже после недельного пребывания в интернате Антон понял слова Генсаныча о настоящем тренере. Нина Тимофеевна учила ребят техническим приемам и развивала тактическое мышление. Учила держать «длину» мяча, не допускать рискованных необоснованных ударов, не торопиться при розыгрыше и не «мазать» верных мячей. Ее слушали молча, только Сергей Грачев, чернявый, длинноносый мальчишка, которого все запросто называли Грач, иногда возражал, выстреливая именами знаменитых теннисистов. Он здорово знал историю тенниса и не упускал возможности щегольнуть этим.

От него Антон впервые услыхал фамилию: Швайдецкий. Сергей напомнил, как этот спортсмен, проигрывая два сета, гнул все-таки свою линию и «заломил» соперника потом в трех сетах подряд, как новичка. Нина Тимофеевна в ответ заметила, что надо иметь такой волей справа, как у Швайдецкого, и такую подачу — мощную

и безошибочную. А Грачев на подаче нередко делает двойные ошибки, так что ему на Швайдецкого равняться рановато.

Когда начались дожди и тренировки перенесли в зал, стиль занятий изменился. Корта в зале не было, в основном играли у стенки. Дело это скучное, нравилось далеко не всем, а Грачев даже не скрывал своего отношения, мечтательно повторял: «Жили бы мы на экваторе, где нет зимы. Круглый год гоняли бы на кортах. Красота! А эта стенка...» Но Антон тренировался так же увлеченно и созабвенно, и даже нещедрая на похвалы Нина Тимофеевна ставила его в пример. А однажды она на него рассердилась.

Вся школа отправилась на балет «Ромео и Джульетта». Нина Тимофеевна дежурила по интернату и обходила здание. Ее внимание привлек свет в спортивном зале, она вошла и увидела Антона.

— Ты почему не в театре?

— У меня удар слева не получается, — объяснил Антон. — Вы сами не раз говорили. На общей тренировке народа много, как следует не поработаешь. А сейчас хорошо, свободно.

Он посмотрел на Нину Тимофеевну, ожидая похвалы, но она заговорила неожиданно резко, даже слегка повысив голос. Стремление Антона исправлять свои ошибки она одобрила, но способ он выбрал не из лучших. Нельзя ограничивать свою жизнь только теннисом. Ракетка и мяч могут заслонить от него весь мир. Чтобы стать чемпионом, добиться успеха, порой надо от чего-то отказываться, таковы законы большого спорта. Но совершенно лишать себя радостей жизни — это уж слишком.

Антон стоял совсем обескураженный, молчал. Нина Тимофеевна смягчилась.

— Нехорошо от ребят отставать, понимаешь? Так недолго и одному остаться. Разве можно жить без друзей? Ни мяч, ни корт, ни победы на самых престижных сорев-

нованиях не принесут тебе полной радости в жизни, если ты один. Запомни, Антон, ничто не может заменить друзей.

Мальчик растерялся: он ожидал поощрения, а дело приняло совсем другой оборот. Ему еще не приходилось видеть Нину Тимофеевну такой взволнованной. До этого был уверен, что ее главным образом интересует, как он осваивает теннисную технику, умеет быстро разгадывать замысел соперника и принимать правильное решение. А ей, оказывается, не безразлично, с кем он дружит, что читает и где проводит свободное время. А может, она это только для виду?

Через неделю объявили о новом культпоходе, на этот раз в драматический театр, и Антон убедился, что это не так. Нина Тимофеевна специально напомнила ему о культпоходе, строго предупредив: «Никаких дополнительных тренировок». Потом лицо ее подобрело, она приняла заговорщицкий вид и, лукаво прищурив глаза, добавила:

— Пьеса хорошая — «Пиквикский клуб» Диккенса. А главное, там играет Швайдецкий.

Грачев, рассказывая о знаменитых теннисистах, детально перечислял их удары, тонкие тактические ходы, вдавался в подробности тренировок и многое другое, но никогда не упоминал об их профессии. И то, что неоднократный чемпион Союза, непревзойденный мастер, как уверял Грачев, и по сей день сокрушительного удара справа был артистом, оказалось для Антона ошеломляющей новостью.

В городке, где родился и жил Антон, театра не было. Игру артистов он видел только по телевизору, поэтому отправился в театр с большим интересом. Швайдецкий играл кучера Джо, об этом сообщил, размахивая программкой, Грачев. Актер пробыл на сцене недолго. Его лица Антон почти не разглядел. Стоял Швайдецкий большую часть своей роли боком к зрительному залу, и как

Антон ни старался — они сидели в четвертом ряду второго яруса, — толком ничего не увидел и лица артиста не запомнил...

Музыка внезапно смолкла. Громкие такты «Подмосковных вечеров» и резкие сигналы времени прервали воспоминания.

— Московское время — девять часов тридцать минут! На волне «Маяка» международный обзор, — бесстрастным тоном объявил диктор.

Появились первые зрители. Это заядлые болельщики, завсегдатаи теннисных соревнований. Места на трибунах не нумерованные, и они торопились устроиться получше, поближе к корту, чтобы не только хорошо видеть, но и слышать реплики игроков, которыми иногда сопровождается удачный удар или непростительный мазок. Они здоровались с Антоном — знают его не первый год. Многие помнили его отличную игру еще в юношеских турнирах.

— «Маяк» начинает концерт эстрадной музыки.

Антон посмотрел на аллею, ведущую к корту. Сейчас появится директор стадиона, чтобы лично проверить, все ли на кортах в порядке. Восьмой день идет чемпионат страны, и каждое утро все совершается по заведенному ритуалу. С Антоном поздоровались, он повернулся, чтобы ответить. О, директор спортивного интерната. Через несколько часов он будет иметь полное основание писать в отчетах, что в их интернате начинал свой путь чемпион страны. И это его законное право. Директор приложил немало усилий и старания, чтобы ребята имели отличные условия для тренировок и учебы. Антон искренне рад его приходу. Он глянул на аллею, чтобы поприветствовать директора стадиона, и увидел... Швайдецкого. Обычно Герард Васильевич приходил за полчаса до начала, когда они с Леней начинали разминку. Все было продумано заранее, отработано на тренировках, времени, чтобы

уточнить детали, хватало. Но сегодня и он не усидел дома.

— Доброе утро, Антон, — рукопожатие у него энергичное, на лице ни тени волнения. Швайдецкий умел скрывать свои чувства. — Как ты?

— В полном порядке, Герард Васильевич.

Он кивнул, показывая Антону, что все понимает, слова здесь ни к чему. Улыбнулся и поклонился трибунам. Завсегдатай активно приветствовали Швайдецкого. Гера, так любовно называли его зрители, был всеобщим любимцем и когда выступал на кортах, и теперь, в роли тренера. Антон хорошо понимал, что поддержка большинства зрителей, которая помогает ему не первый год, связана в определенной мере с авторитетом Швайдецкого. Это его нисколько не обижало, а наоборот, было даже приятно. С тех пор, как Швайдецкий перестал выступать, ни один теннисист в городе не сумел завоевать звание чемпиона страны. Болельщики считали Антона преемником Швайдецкого, требовали, чтобы он вернул городу теннисную славу.

Швайдецкий посмотрел на корт, потом на Антона. И Антон ответил ему понимающим взглядом. На этом корте они впервые встретились лицом к лицу. Это было в конце первого учебного года, проведенного Антоном в спортивном интернате.

Едва весенне солнце подсушило землю, Нина Тимофеевна вывела свою группу на корты. Все тренировались охотно, стараясь подольше поиграть у сетки — за зиму зал порядочно надоел.

В воскресение Нина Тимофеевна занятия отменила.

— Начинается первенство города. Участвуют мастера. Будете подавать мячи.

Ребята обрадовались. Подавать мячи на соревнованиях, где выступают мастера, мечта каждого юного тенниси-

систа. Сколько ни рассказывает тренер, как скрупулезно ни демонстрирует он тот или иной удар, ссылаясь на известного чемпиона, все это бледнеет перед исполнением самого мастера. Тем более в ходе острого бескомпромиссного поединка, а не на тренировке. Нина Тимофеевна попросила всех быть внимательными. Каждый обязан потом рассказать, что он увидел для себя нового, интересного, почему выиграл или проиграл тот или иной игрок.

Воскресное утро выдалось солнечным, безветренным, точно как сейчас. На кортах было малолюдно. Трибуны пустовали, первые поединки, где жребий сводит сильного и слабого — сильных перед жеребьевкой специально рассеивают, — не привлекают зрителей. Главный секретарь соревнований быстро распределил ребят по кортам. Антону достался пятый, Грачеву — четвертый. Антон хотел попроситься на один корт с Грачевым, но не решился. У главного секретаря все было подготовлено заранее, он сделал отметки в своем блокноте и приказал ребятам поторапливаться: вот-вот начнут играть.

На пятом корте разминались. На одной стороне подавал мячи мальчик в белой футболке, на груди крупные буквы — ДЮСШ-1. «Значит, не только наши пришли», — подумал Антон и поторопился на свободную половину. Он поспел вовремя. Судья встречи уже медленно взбирался на вышку. Уселся поудобнее, но игры не начинал, ждал второго судью на линии — того, который должен был прийти на половину Антона. Наконец появился высокий худой старик в очках с выпуклыми линзами. Он кивком поздоровался и приложил руку к сердцу, извиняясь за опоздание. Судья на вышке шутливо погрозил ему пальцем и представил участников:

— Слева — Клинак, справа — Кириченко.

Поединок проходил неинтересно. Клинак действовал энергично, быстро набирал очки, а Кириченко играл вяло, словно спал на ходу. Он уступил первый сет и безнадежно проигрывал второй. Все закончилось бы скоро, но

внезапно возник спор. Кливак не согласился с судьей, который предложил переиграть мяч.

— В поле, в поле, — доказывал он, зло сверля глазами старика, который с опозданием просигналил судье на вышке, что мяч приземлился за линией, и дал тому повод сперва засчитать мяч. Он требовал, чтобы ему приплюсовали очко, намекая на плохое зрение старого судьи. Антона это удивило. Зачем Кливак так упорствует? Издавна ведется, если мяч сомнительный, его переигрывают. В ситуации, где все складывалось в пользу Кливака, потеря одного мяча не имела большого значения. Ну, продлится встреча еще несколько минут. Ведь Кириченко почти прекратил сопротивление.

Но Кливак был, видно, иного мнения. По требованию судьи он занял место на корте, чтобы продолжать встречу, но считал такое решение несправедливым. Об игре он уже не думал, а бросал злые взгляды то на судью на вышке, то на судью на линии, мысленно продолжая с ними спор. Совершал двойные ошибки на подаче, терял очки одно за другим. Исчезла точность ударов, пропала осмысленность действий, он позволил Кириченко без труда набирать очки и выровнять счет.

Кливак уже не кривился как раньше, когда совершал досадный промах, играл вяло, словно по принуждению. Антону хотелось приободрить его, успокоить, сказать, что Нина Тимофеевна учит их бороться до последней секунды встречи. Но он не решился заговорить с незнакомым человеком, тем более давать советы старшему. Не прошло и часа, как, угрюмо опустив голову, Кливак покинул корт. Старый судья с сожалением посмотрел ему вслед.

— Обиделся. Меня виноватым считает. Запомни, сынок, если хочешь побеждать на корте, никогда на судью не вали. Вот Швайдецкий умеет себя держать. Настоящий игрок. Вон на четвертый корт идет.

Антон проследил за рукой судьи и увидел высокого, атлетически сложенного человека. В роли кучера Джо он

двигался по сцене вперевалку, казался обрюзгшим, мешковатым, а сейчас шагал непринужденно и легко. В нем все было красиво. Мужественное, с волевым подбородком лицо, слегка выющиеся, с сединой волосы, тонкой вязки снежно-белый свитер, белые туфли и белые шорты. Ракетки импортные, «данлоповские». Антон уже знал толк в ракетках, мячах и экипировке теннисиста.

Старый судья смотрел на Швайдецкого с тем же восхищением, что и Антон, и, не дожидаясь вопросов, сообщил, что Гера — артист драматического театра (Антон в этом лично убедился), четырнадцать раз был чемпионом Советского Союза в личном, парном и смешанном разрядах (об этом Антону рассказывал Грачев), по мнению не только наших, но и зарубежных специалистов у него сейчас такой удар справа... Судья вздохнул.

— Швайдецкий — эпоха в теннисе. Его видеть надо...

От последних слов судьи Антон вздрогнул. Конечно, надо видеть. Но как? Ему не повезло, определенно не повезло. Почему Герард Швайдецкий играет не на его корте? А вот Грачеву и тому плотному, даже толстому мальчишке в майке ДЮСШ-1 посчастливилось. Антон не знал, что надо было посмотреть турнирную сетку и узнать, кто на каком корте играет. Теперь ему оставалось только наблюдать, как Швайдецкий начинал разминку, и завидовать Грачу и тому белобрысому толстяку из ДЮСШ-1. От природы гордый и самолюбивый, Антон не умел просить, но сейчас стал решительным и настойчивым. Через несколько секунд он уже стоял возле Грачева, который что-то оживленно говорил белобрысому. Тот, запрокинув голову, заразительно смеялся.

Меняться Грачев категорически отказался. Подмигнув белобрысому, сказал:

— Нашел дурака. Верно, Леха?

Но белобрысый внимательно посмотрел на Антона, на лице которого после отказа Грачева отразилось беспредельное отчаяние, и деловито сказал:

— Давай со мной махнем. Я Гере сто раз подавал.
А ты откуда?

Антон и рта раскрыть не успел, как вмешался Грачев:

— Антон — парень, что надо. Меня на первенстве спортивинтерната чисто обыграл. Осеню на первенстве города он многим испортит настроение. Вспомнишь мое слово.

— Заливаешь, Грач, — прищурился белобрысый.

Грачев вспыхнул, стал торопливо рассказывать, что случайно подслушал разговор Нины Тимофеевны с директором спортивинтерната, она уверяла его, что Антон через год будет чемпионом республики среди юношей.

Антон густо покраснел, но белобрысого треп Грачева забавлял. Добродушно улыбаясь, он вытащил из кармана шортов горсть леденцов, дал Грачеву. Тот, набив полный рот, захрустел. Белобрысый воспользовался паузой и протянул руку Антону.

— Леня. Дома меня зовут Лесик, — представился.— Угощайся.

Антон ликовал, тут же дал себе слово обязательно сделать для него что-нибудь хорошее. Что именно, еще не знал, но обязательно хорошее. В это время Грачев дожевал леденцы и снова сел на своего любимого конька. Сыпал именами знаменитых теннисистов, перечислял их коронные удары и легендарные победы. Но Леня не дал ему развернуться.

— Разбежались. Сейчас начнут. — Тронул Антона за локоть. — Присмотрись к Гере. Справа лупит, как из пушки. Смеш экстра-класса. Не зевай.

Антон так и не успел поблагодарить Леня, решив, что сделает это после игры. А заодно и узнает, почему он так запросто называет Швайдецкого Герой.

Швайдецкий уверенно и мощно бил справа и слева, точно обводил соперника, мчавшегося к сетке, тонко атаковал по линии. Соперник ему попался не сильный, но он не позволял себе расслабляться, боролся за каждый

мяч с полным напряжением сил. Его лицо оставалось спокойным даже тогда, когда он доставал безнадежный, казалось бы, мяч или красивым ударом выигрывал очко. После удара в сетку или аут Швайдецкий чуть виновато улыбался, словно просил у зрителей прощения за ошибку.

Антон, когда Швайдецкий играл на его стороне, старался изо всех сил. Молнией бросался за мячом, подавал быстро и точно, прямо в руки, так что Швайдецкому не приходилось делать лишнего шага. Он думал, что Швайдецкий так поглощен игрой, что не замечает этого. Но когда закончилась встреча, Швайдецкий поблагодарил судей, а потом протянул руку Антону и сказал, что если у него есть время, то он был бы рад видеть его, когда будет играть микст.

Игры смешанных пар, когда на корте выступают мужчина и женщина, явление своеобразное. При игре в паре партнеры не всегда делят нагрузку матча поровну. А в смешанной паре чаще львиную долю нагрузки берет на себя мужчина. У него и удары посильнее, он и темп задает, и тактику может менять.

Теннисистка, выступающая в миксте, находится в трудном положении. Соперник по ту сторону сетки, перехватив мяч, может распорядиться им, как ему вздумается. Может направить на мужчину, а может на ту сторону площадки, где в этот момент находится женщина. Бывает, что мяч попадает не в площадку, а в теннисистку, и это очень больно. Многие спортсменки боятся этого.

До Швайдецкого Антон подавал мяч смешаннымарам, где играли супруги. Рядом снова оказался старый судья, который уже успел ему рассказать, что супружеские пары в миксте очень распространенное явление, хотя это не гарантия согласия и взаимопонимания на корте. Антон в этом сразу убедился: у обеих пар шла словесная перепалка, слышались упреки за ошибки, игроки излишне нервничали, доказывая свою правоту. Но ни в одну из

женщии мяч ни разу не попал — мужья взаимно жалели жен.

У Швайдецкого все сложилось по-иному. Его партнерша почти не передвигалась по корту — судья сообщил Антону, что она еще полностью не оправилась от травмы, — и Швайдецкий взял игру на себя. Когда партнерша «мазала», он лишь подбодряюще улыбался и старался немедленно выиграть мяч таким красивым ударом, что она не успевала даже огорчиться. Во второй партии — первую они выиграли — он принял мяч и грозно размахнулся для своего коронного удара справа. Соперница, высокая, крепкого сложения девушка, не присела и не убежала с корта. То ли хотела продемонстрировать свою смелость, то ли оцепенела, а может, решила, что Швайдецкий направит мяч в другую сторону?

Но тот в азарте поединка послал мяч прямо в девушку. Она скривилась от боли, присела, но тотчас встала. Швайдецкий виновато улыбнулся, извиняясь, развел руками: «Что поделаешь, спорт есть спорт!» Все получилось красиво, естественно, непринужденно. Но девушка посмотрела на него зло и презрительно.

Победил Швайдецкий со своей партнершей. Соперники после игры поблагодарили их словно по принуждению, а он улыбался широко, открыто. Провожая партнершу к раздевалке, нес ее ракетки и всю остальную амуницию.

«Правильно ли поступил Швайдецкий? — думал Антон, возвращаясь в интернат. — Девушке, конечно, было больно, но настоящий спортсмен должен уметь переносить боль. И напрасно она злилась. А может, не напрасно? Ведь были у Швайдецкого и другие пути для выигрыша очка. И стоит ли ради очка причинять кому-нибудь боль? Теннис, конечно, не бокс, можно и без боли обойтись, но если вышел на корт, будь готов ко всему. Швайдецкий старался и за себя и за партнершу, так как знал, что после травмы она еще не в форме. Поступил, как

джентльмен. Не раз закрывал партнеришу. Надо было и его сопернику быть порасторопнее...»

Антон поймал себя на мысли, что старается найти смягчающие обстоятельства этим игровым эпизодам, значит, где-то в глубине души считает, что можно было сыграть иначе. А как бы поступил он? Предпочел бы «подарить» очко, чтобы не причинять боли? Или действовал бы по принципу: «Спорт — это борьба, умей, переносить трудности и даже боль»?

Поговорить с Ниной Тимофеевной Антон не решался, а с Грачевым душевного разговора не получилось. Тот рассуждать не любил. Посмотрев снисходительно на Антона, посоветовал не забивать голову чепухой и начал приводить примеры из биографий великих теннисистов. Антон слушал Грачева, изредка кивал головой, давая понять, что соглашается, но так и остался со своими сомнениями. Он твердо решил больше ни с кем в спортивинтернате об этом не говорить. После экзаменов поедет домой, там с Генсанычем все обсудит и, конечно же, получит ответ. Год, прожитый вдали от дома, в новой обстановке, среди новых людей, заставил острее подумать о будущем. Накопилось много впечатлений, оценить которые Антон самостоятельно не мог.

Мать при встрече заплакала, словно не виделись они лет пять, а не десять месяцев, и поэтому на ее вопрос о том, сколько он пробудет дома, Антон ответил уклончиво, неопределенno. Не мог говорить в этот радостный миг встречи о предстоящей разлуке. Но прошла неделя, высохли слезы на глазах матери, притупился интерес к общению с одноклассниками и друзьями по улице, Генсана-чы не было, уехал в длительную командировку, когда вернется, никто не знал, и Антон заскучал за уже ставшей привычной жизнью в спортивинтернате.

Он видел затаенную печаль в глазах матери в день отъезда, шевельнулась мысль: «Может, остаться на пару деньков?» Но сразу возникла другая: «Что делать завт-

ра?» А ведь пройдет только одна ночь, он заснет под стук вагонных колес и утром прямо с вокзала сможет поехать на корты. Ракетки и мячики с собой, партнеры всегда найдутся.

На перроне мать заплакала. У Антона защемило в груди, сдавило горло. Пообещав писать чаще, он торопливо попрощался и поднялся в вагон, чтобы сократить расставание.

«Может, надо было все-таки еще задержаться? — мучился сомнениями и долго не мог уснуть, ворочаясь на полке. — Ладно, в конце августа, перед началом учебного года, обязательно вырвусь на недельку. И на зимние каникулы непременно съезжу домой».

В прошлом году он остался на лыжный сбор, но теперь ничто его не задержит. А что его ждет в спортивинтернате? До отъезда в тренировочный спортивный лагерь осталось десять дней. Они целиком в его распоряжении. Уроков нет. Значит, можно с утра идти на Центральный стадион. Вдруг посчастливится с кем-нибудь из мастеров сыграть? Бывает, что у них нет партнера и они приглашают кого-нибудь из юных спортсменов. Он даже представил, как на карт приходит чемпион города, а его партнера все нет и нет. А тут рядом он с ракеткой в руке, и они начинают играть. Чемпион проводит свою любимую комбинацию, но он достает и неожиданно для мастера, который не принимает юного теннисиста всерьез, бьет по диагонали слева.

Картинки теннисного поединка, где желаемое смешивалось с действительностью, отеснили грустные воспоминания о родном городке. Антон успокоился и под мерный стук колес крепко заснул.

— Московское время — десять часов! Работает «Маяк»! — Антон встал и забросил привычным жестом спортивную сумку на плечо. Пора в раздевалку переодеваться.

ся. По аллее двигались к корту люди: зрители, не занятые в поединках игроки, судьи, тренеры, спортивные работники, корреспонденты. В конце аллеи показалась знакомая фигура в синем тренировочном костюме. «Леня!» — чуть не заорал Антон и сделал два шага навстречу, но сразу остановился. Обознался. Теперь в каждом плотного сложения парне, облаченном в синий тренировочный костюм, ему мерещился Леня. С минуты на минуту он появится на аллее. Должен появиться. Обязан. Ведь сегодня у них главный день в жизни. Хотя они шли к нему разными путями.

Жизнь в спортивном лагере Антона полностью устраивала. Ребята, правда, ворчали, что киномеханик привозит старые картины, на танцах крутят одни и те же пластинки, а в библиотеке не достанешь интересных книг. Но Антона это мало огорчало. Шесть новеньких кортов, две стенки, волейбольные и баскетбольные площадки, наливной бассейн с подогретой водой, гимнастический городок — лучших условий для тренировок не придумаешь. Над одним из кортов укрепили прожекторы — вечером играли отдыхающие из соседнего санатория, и Антон охотнее ходил смотреть на их поединки, чем на танцы. Тем более, что среди них встречались сильные в прошлом игроки. Технике у них можно было поучиться и сейчас.

Когда вернулся из спортивного лагеря, стал готовиться к первенству города, поэтому ни о какой поездке домой уже не могло быть и речи. Все мысли были направлены на то, чтобы хорошо сыграть в соревнованиях. Проверкой стала матчевая встреча спортинтерната с командой ДЮСШ-1. Придя на стадион, Антон узнал, что по жребию ему предстоит поединок с Леней. Он обрадовался — они не виделись с того самого дня, когда Леня поменялся с ним местом на кортах.

— Здорово, стариk, — сказал Леня, протягивая руку Антону.

Он заканчивал школу, готовился поступать в медицинский. По его совсем не загорелому лицу было видно, что все лето он просидел над учебниками, на кортах почти не появлялся. «Через два года и мне предстоит то же, — подумал Антон. — Чтобы пройти по конкурсу в медицинский, надо подковаться на четыре ноги. А теннис? Как все совместить? Ладно, не надо об этом. Еще есть время. Сейчас главное — знать, в какой форме Леня, как с ним играть?»

— Что нового? — Леня добродушно улыбался, угостил Антона леденцами. В спортивной сумке у него лежал целый кулек. Антон подумал, что толстяку Лене не следовало бы есть так много сладостей. Сам он взял только одну конфетку из вежливости, потому что очень следил за своим весом. Леню это мало волновало. Когда подтрунивали над его грузной фигурой, он быстро и находчиво парировал, неизменно добавляя: «Все свое ношу с собой».

Судья возвестил о начале встречи, и Леня подал так мощно, что сразу выиграл мяч. Антона это не смущило, план игры он наметил заранее, Нина Тимофеевна его одобрила. Он несколько раз удачно вышел к сетке, точно выбирая место, и повел в счете. Но потом позволил себя несколько раз обвести, ударил в аут и растерялся. Им овладела неуверенность, показалось, что игра не пошла. Может, оттянуться к сетке? Нина Тимофеевна простудилась и лежала дома с температурой, второй преподаватель интерната находился на корте, где сражался его ученик. Кто подскажет?

Игра шла с переменным успехом, становилась напряженнее. Пришло время «добавить игру», усилить удары. Нина Тимофеевна часто напоминала об этом на тренировках и Антон готовился к такой ситуации. Однако сила ударов повлияла на точность. Леня тоже попадал в сетку и бил мимо площадки, но Антон свои неудачи воспринимал острее и решил ослабить игру, будучи не в силах

справиться с волнением. Он начал подавать снизу, осторожничать. Но резаная подача снизу у него не получалась, мяч взлетел слишком высоко от земли и попадал Лене под удар. Расправиться с такой подачей не составляло особого труда, Леня убил почти все мячи Антона и взял гейм. А на своей подаче стал полным хозяином положения. Подействовали на Антона и крики зрителей, очевидно, Лениных одноклассников. За Антона почти никто не болел: все его интернатские друзья сражались на кортах или готовились к очередной встрече.

Леня разнообразием ударов не отличался, но справа был не хуже взрослых опытных теннисистов. Он вообще умел не много, но то, что умел, делал отлично. Под градом его ударов справа Антон «сломался», как говорят боксеры, — «поплыл». В одно мгновение он забыл все, что умел, уши забивал истошный крик Лениных болельщиков. Он то отчаянно рвался вперед, то выжидал на задней линии, но не мог ничего противопоставить мощи Лениных ударов. Теплилась слабая надежда, что Леня начнет ошибаться и он сможет перехватить инициативу, но и она погасла к концу второго сета. Антон доиграл его по инерции и скрепя сердце зашагал к сетке, чтобы поздравить Леню. Затем неторопливо покинул корт, с трудом найдя в себе силы, чтобы сдержаться и опрометью не удрать со стадиона. Болельщики, к счастью, забыли о нем. Едва кончился поединок, они окружили Леню, горя что поздравляли. А у Антона, не привыкшего играть при зрителях, еще стоял в ушах их крик, враждебный, даже злой, как ему казалось.

Широкая аллея вела со стадиона вниз, к реке. Антон нашел на берегу самодельную скамеечку, которую смастерили рыбаки, чтобы удобно было ловить рыбу, сел и расплакался. Было обидно и горько. «Почему так случилось?» — спрашивал себя и не находил ответа. Слезы не приносили облегчения. Когда он в начале весны проиграл кандидату в мастера спорта, тоже переживал, но не стра-

дал. А теперь мучило то, что Леня играет ничуть не лучше его. Он даже умеет больше — и слева бьет, и подкручивает, но не смог показать этого в поединке. Не повезло. А может, это не невезение, а закономерность? И так будет с ним всегда?

От этой мысли Антону стало жарко, он даже перестал плакать. От Грачева наслышался историй о теннисных неудачниках, о несостоявшихся чемпионах, которые на тренировках умели буквально все, а на соревнованиях ошибались в простейших ситуациях.

«Неужели мне уготована судьба неудачника? — Антон оглянулся по сторонам, словно искал человека, который мог определенно ответить на волновавший его вопрос. — Неужели меня ждет судьба человека, не умеющего реализовать свои возможности, показать все, на что способен?»

Он сидел задумавшись, не замечая ничего вокруг, и вздрогнул от чьих-то быстрых шагов. Подняв голову, увидел Грачева, запыхавшегося от быстрого бега и грозившего ему кулаком.

— Я с ног сбился, ищу, а он рекой любуется. Забыл, что парную играешь?

В первую минуту появление Грачева смущило и даже испугало Антона. Но у Грачева хватило такта не обратить внимания на его заплаканное лицо, он ни слова не сказал о поражении Антона.

— Потопали. Скоро начало.

— Пошли. — Антону сразу стало легче. Если бы Грачев начал ехидничать, насмехаться, он мог бы пустить в ход кулаки. И никуда бы не пошел. Но его звали соревноваться, защищать честь команды, помочь товарищам. Чувство товарищества у Антона было развито высоко, это притупило горечь обиды.

«Как я мог забыть, что еще парная? — упрекнул себя Антон. Быстро вскочил, побежал к реке, умыл лицо. — Что ребята подумают? Надо поторопиться, а не то опоздаем и судья зачтет нам поражение».

— Как наши? — шагая рядом с Грачевым, спросил Антон.

Грачев подмигнул, лицо его лукаво сморщилось.

— Не поверишь. Пока пять-пять. Я с Верой микст выиграл у Лехи.

Антон даже остановился. Грачев выступал в смешанной паре с Верой Тузиковой. Зимой она болела гриппом, много пропустила и была в плохой спортивной форме. В личных соревнованиях ее решили не выставлять, предложили выступить партнершей Грачева, но на успех этой пары никто не надеялся. Нина Тимофеевна говорила, что им надо еще сыграться. А Леня со своей партнершей играл год, все у них получалось неплохо, никто не сомневался, что эта пара принесет команде очко.

— Они нас всерьез не принимали, — заливался тоненьkim смешком Грачев. — С холодочком играли. Первую партию сдули, а потом как взялись, мы на нулях проехали. В третьей они ведут пять-три, на своей подаче сорок-ноль. Леха перехватил мой мяч у сетки и как замахнется... А перед ним Верка. Он побоялся в нее попасть, ударили в сторону.

Антон представил, как Леня замахивается на невысокую тоненькую Веру, и подумал: «Молодец, парень».

— Ирка Казакова, что с ним играла, окрысилась, — уже без смеха продолжал Грачев. — Один удар — и победа. А он Верку пожалел.

— А ты пожалел бы?

Грачев неопределенно пожал плечами.

— Так ведь спорт — это борьба, сам понимаешь... Не убил бы он ее. Похлюпала б немножко, и все дела. А мы за этот мячик зацепились и гейм выиграли. Тогда пошло. Ирка начала нудить, ругать Леху за каждую ошибку. А он рассстроился и мажет один мяч за другим. Мы выиграли сет семь-пять. И игра за нами. Выходит, его добрая принесла нам очко. А залепи он в Верку — очко у его команды. — Грачев ускорил шаг, на стадион они почти

вбежали. На корте, где им предстояло соревноваться, уже разминались соперники. Антон окончательно успокоился.

Поединок начался с двойной ошибки Грачева на подаче, потом он не принял простой мяч. Антон увидел, что Грачев волнуется, сам занервничал и прозевал несложную комбинацию, которую провели соперники. Неужели все повторяется? Если он не сумеет себя показать в парной встрече, тогда ему нечего делать на корте. Искоса глянул на Грачева, тот виновато улыбался, игра у него совсем разладилась. «Да игрок я, черт возьми, или не игрок, — подбадривал себя Антон. — Если у товарища не клеится, надо взять игру на себя. Сражаться за двоих».

Исчезли сомнения, огорчения недавнего проигрыша, Антон заиграл смело, уверенно, без колебаний шел к сетке, не боялся применять сильную подачу, бросался за любым мячом, даже безнадежным. Его азарт и желание победить передались Грачеву, который тоже стал действовать увереннее, меньше ошибался, а в последних двух геймах показал себя просто молодцом.

Они победили красиво, им хлопали даже болельщики ДЮСШ-1. Все поздравляли почему-то Антона, хотя он играл вместе с Грачевым, но тот ничуть не обижался и сам хвалил партнера. Подошел Леня. Единственный из команды соперников пожал Антону руку. Обидный проигрыш в миксте не испортил ему настроения. Он добродушно улыбался, предлагал всем леденцы. Вне корта для него не существовало своих и интернатских. Он со всеми чувствовал себя легко и просто. Забрасывая в рот очередную порцию леденцов, спросил у Антона:

— Тебя на первенство города выставят?

Антон немного смущился и на минуту задумался. Когда сидел у реки после обидного проигрыша Лене, даже не мечтал о первенстве города. Тревожила мысль, что могут отчислить из интерната. Грачев сообщил ему под большим секретом, что есть указание отчислять всех бесперспективных спортсменов. Пока, правда, еще никого не

отчислили, но Грачев непонятно откуда всегда все знал наперед. И Антон ему верил. Теперь, после хорошей игры в парной встрече, он воспрянул духом, почувствовал уверенность в своих силах. Но это еще не гарантировало ему места в команде.

— Наверно, — ответил он с напускным равнодушием, но сразу же испугался, что Леня сочтет его хвастуном, и поторопился уточнить: — Поработаю по-черному на тренировках. Время еще есть. Тогда, может, выставят.

Антон не ошибся в своих предположениях. Его старательность на тренировках не прошла незамеченной. Нина Тимофеевна уделяла ему много внимания, бросала мячи чаще, чем другим. Антон понимал, она верит в него, и дал себе слово сделать все, чтобы на первенстве города выступить успешно.

К доске, где была вывешена турнирная таблица, он подошел вместе с Грачевым. Интересно было узнать, как «посеялся», с кем предстоит играть в первой встрече и дальше. Себя Антон нашел сразу. А где Леня? Вот он. Жеребьевка поставила их на противоположных концах сетки, он может встретиться с Леней только в финале. А пробьется ли он в финал?

Грачев сразу догадался о сокровенных мыслях Антона снова встретиться с Леней. Для Антона это пока мечта, а для Грачева почти реальность. В первой встрече ему выпал соперник из ДЮСШ-1 совсем зеленый, первый год на соревнованиях. В своей победе Грачев не сомневался, и, значит, его вторым соперником будет Леня. Победит Леня, мечта Антона осуществится — они встретятся в финале. А если проиграет?

Взгляды Антона и Грачева скрестились, точно шпаги в фехтовальном поединке, они понимали друг друга без слов.

— Хочешь, я лягу под Леху? Мне особенно ничего не светит.

— Брось трепаться, — покраснел Антон. — Чего при-

думал. А где гарантия, что я выйду в финал? Или он «сломается» по дороге...

Грачев зажмурил левый глаз, состроил рожицу, постучал ракеткой о доску, где висела турнирная сетка.

— Тук-тук. Заколдовано. Ты будешь в финале. И... я.— Он громко захохотал. — Испугался? Не робей, Еремей, ходи веселей.

Грачев балагурил и кривлялся, так как не любил прямо и открыто говорить о своих планах. Но он мечтал победить в первенстве города, чтобы попасть на чемпионат республики. Все лето тренировал удары, чтобы мяч шел сопернику под левую руку. У большинства теннисистов удар слева значительно слабее удара справа, и Грачев надеялся, что это поможет ему побеждать. Но в первой же встрече с новичком, который очень волновался, потому что впервые играл в официальных соревнованиях, его теория потерпела крах. Новичок значительно уступал Грачеву, но обладал хорошо поставленным ударом слева. Он и предположить не мог, что ему все время будут бить под левую руку. Грачев проиграл первый сет и с ужасом убедился, что его мечта о звании чемпиона города может вдребезги разбиться уже сейчас, в поединке против новичка. Он попытался изменить тактику, но оказалось это не так просто. Ведь настроил себя, что все пойдет по его плану, а получилось наоборот.

— Вот видишь, я тебя заколдовал, — балагурил Грачев, поздравляя Антона с победой. Но Антон видел, что веселость его напускная. Ему стало жаль Грачева, захотелось как-то утешить, но он не умел. А тот тараторил, что открыл Лехе дорогу в финал, потому что «слабачка» Леха запросто сделает. И Антон непременно будет там. Значит...

— Если я завтра выиграю, — Антон осторожно прервал поток грачевского красноречия, — то нам надо вместе к Лене как следует присмотреться. И решим, как в финале против него играть. Идет?

— О чем разговор! — Грачев сразу стал серьезным, шутовство с него словно ветром сдуло. — Мы его, как рентгеном, просветим, наш будет!

Перед Антоном стоял совершенно другой человек. Его просьба оказалась тем самым утешением, в котором Грачев больше всего нуждался. Жалеть он себя никому не позволял, шуточками скрывая болезненное самолюбие. Но Антон его не жалел, а приглашал на роль тренера, советовался, значит, он чего-то стоит, нужен, значит, он снова в бою. Пусть не на корте с ракеткой в руках, но зато, а это главное, не в роли пассивного наблюдателя.

Он обнял Антона, сказал просто, искренне, как никогда еще не говорил:

— Все продумаем до мелочей. Я где-то читал, что дураки учатся на собственных ошибках, а умные на ошибках других. Ты не будешь дураком. Уж помяни мое слово!

На следующий день Антон быстро выиграл свою встречу — соперник сопротивлялся только в первом сете, а потом скис и второй отдал почти без борьбы — и поспешил на корт, где выступал Леня. Ему повезло, Леня играл во второй паре, игра только началась. Антон уселся на трибуне рядом с Грачевым. Тот был сосредоточен, немного хмур, на коленях у него лежал большой блокнот. Он быстро делал карандашом какие-то пометки, что-то буркнул в ответ на приветствие Антона, не отрывая глаз от корта.

Игра шла вяло, Антон ничего особенного в игре Лени не видел. Судья скучным голосом объявлял счет, который медленно, но верно рос в Ленину пользу. А Грачев что-то черкал, рисовал в своем блокноте. Антон не решался его спросить, очень важный у него был вид. Вдруг Грачев сам толкнул его острым локтем в бок.

— Присмотрись, как подает. Повнимательнее. Усек?

Нет, не зря Антон попросил Грачева ему помочь, глаз у него оказался острым. Он сразу обратил внимание, что Леня при подаче на какое-то мгновение концентрировал

взгляд на мяче и терял соперника из виду. Грачев зафиксировал это в своем блокноте, а потом, когда встреча закончилась (Леня легко ее выиграл шесть-три, шесть-три), повел Антона в угол стадиона, где всегда пусто и можно спокойно поговорить.

Грачев быстро нарисовал в блокноте план корта и неторопливо, подражая в интонациях Нине Тимофеевне, стал выкладывать свои соображения. Когда Леня увидел взгляд в сторону, надо уйти вбок, к самой линии коридора. Хотя половина площадки Антона будет незащищенной, но зато он займет очень удобное положение для удара справа.

— У тебя удар справа в порядке. Значит, возьмешь и Лехины очки на его подаче. А на своей и сам бог велел. Усек?

Антон согласился с Грачевым, придумал тот здорово. Взял у него блокнот, нарисовал корт и, немного пугаясь пришедшей ему в голову мысли, тихо сказал:

— Грач, а что если в коридор уходить? Еще удобнее будет.

Грачев все схватывал на лету, он с уважением глянул на Антона.

— Силен, ничего не скажешь. Котелок у тебя варит. А риск?

— Без риска не бывает победы.

Грачев кивнул. В роли тренера он чувствовал себя прекрасно. Игру понимал и мог рассказать, как в подобной ситуации сыграли Сантана или Гонсалес, Негребецкий или Озеров. Сейчас он промолчал, видно, не нашел подходящего примера. Но Антон ждал от него ответа, сам в глубине души лобаиваясь смелости своего решения.

— Ну, как? Одобряешь?

Грачев встал со скамейки, до хруста развел руки назад. Засиделись они с Антоном.

— Корт покажет. Не робей, Еремей, ходи веселей. Французы говорят, кто не рискует, тот не пьет шампан-

ское, — с напускным превосходством закончил разговор Грачев. Он любил, чтобы последнее слово оставалось за ним.

Расчет Грачева оказался точным, в финал вышли Антон и Леня. В день перед финалом Антон проснулся рано. Поднялся с постели, хотел было одеться, но раздумал. До завтрака больше трех часов, что делать? Лег, усталился в потолок и представил себе четкие линии корта. Вот коридор, куда ему предстоит убегать, чтобы сильным ударом наверняка выиграть мяч. А что предпримет Леня, когда увидит, что проигрывает на своей подаче? Он попытался представить себя на месте Лени, но ничего не мог придумать. Это немного тревожило, не окажется ли все, что они задумали с Грачевым, мыльным пузырем?

В первом сете Антону удалось выполнить все. В считанные доли секунды, когда Леня при подаче уводил взгляд в сторону и куда-то вверх, он стремительно бежал с корта в коридор и сильно бил справа в дальний угол. Лене не всегда удавалось отразить такой мяч, а если он и доставал его, то с большим трудом. В этом случае мяч летел под удар Антону, и он убивал его так сильно, что мяч падал в густые кусты, которые росли за забегами. Лене приходилось вытаскивать его оттуда порой с большими усилиями, так как мяч застревал основательно.

Во втором сете Леня перешел на подачу снизу, площадку из поля зрения не терял. Антону сразу пришлось туго. Леня быстро уловил, что Антон слева бьет слабо, и стал посыпать ему мячи под левую руку. Бил сильно, Антон все чаще и чаще не успевал забегать под удар справа. Леня начал выходить вперед, чтобы у сетки пресекать все замыслы Антона. Выходы готовил тщательно, подбегая к сетке. И теперь в кусты за мячом все чаще и чаще приходилось бегать Антону.

Грачев сидел на скамеечке рядом с Ниной Тимофеевной. Он пристально следил за перемещениями мяча, пе-

реживая все удачи и промахи Антона. Когда Антон при смене площадок проходил мимо него, Грачев сделал такое движение рукой, словно поднял что-то с земли.

Антон от радости чуть не крикнул. Ах, Грач, ах, моло-дец. Ну ясно — надо бросать свечи. Высокому удару через сетку — теннисисты зовут его свечой — Антона учил еще Генсаныч. Но он редко им пользовался, неохотно его тренировал. Антон любил приложиться к мячу как следует, чтобы мяч отскочил от земли под самое небо. А после того как Грачев рассказал ему, что австралийцы, законодатели мод в мировом теннисе, главным ударом считают смеш, большую часть времени посвящал разучиванию удара над головой. Но о свече не забывал.

Свечи стали приносить Антону очки, и он уже праздновал в тайме быструю победу, мысленно благодаря Грача за своевременный совет, но на корте внезапно появился Швайдецкий. Для него оказалось достаточным посмотреть розыгрыш нескольких очков, чтобы разобраться в обстановке. При смене площадок он подозвал Леню к себе, положил ему руку на плечо и что-то сказал. У Антона ревниво екнуло сердце. Он вспомнил, что Леня называл Швайдецкого запросто Герой, и теперь убедился: Швайдецкий для Лени не чужой человек. Поэтому понятно, что он помогает советами Лене, а не ему, Антону. И все-таки было немножечко обидно. Что же посоветовал Швайдецкий?

Антон узнал об этом очень скоро. Леня перестал выбегать вплотную к сетке, а начал на ходу притормаживать. И уже без особого труда настигал Антоновы свечи, гасил их точными обводящими ударами. Через десять минут после появления на корте Швайдецкого судья объявил перерыв, потому что второй сет выиграл Леня.

Грачев дал Антону полотенце, он умылся, и они пошли на ту самую скамейку, где раздумывали, как играть против Лени. Пришла Нина Тимофеевна, принесла баночку яблочного сока.

— Пей не спеша. Отдохни. И слушай. Мы с Сережей кое-что придумали.

Грачев важно кивнул головой. Это был совершенно другой человек. Никаких шуточек, никакого балаболства, говорил короткими рублеными фразами, экономя время перерыва. Изредка помогал себе жестом, надеясь, что так Антону будет понятнее. План игры на третий, решающий сет был в общих чертах составлен Ниной Тимофеевной, но она лишь вставила несколько фраз, поручив конкретное изложение Грачеву. Она учила ребят не только ударам и прочей теннисной технике, но и развивала их мышление, всячески поощряя самостоятельность. Предлагала идею, а ребятам предстояло разработать детали. И вот Грачев толково, лаконично преподнес все Антону, как на блюдечке.

Антон не знал, кто у Лени тренер, и был удивлен, почему он начал встречу один. Но мало ли что в жизни бывает? Тренер мог заболеть, может, более важные дела помешали ему присутствовать на корте. К тому же Леня не новичок, соревнуется не впервые. Но теперь рядом с ним Швайдецкий, они с Леней тоже что-то заготовили для него. Антону вдруг страшно захотелось посмотреть, где сидят Леня и Швайдецкий и как они беседуют, намечая путь к победе.

— Пойдемте на корт, — попросил он Грачева и Нину Тимофеевну. — Время.

До конца перерыва оставалось еще минуты три, но Нина Тимофеевна по-своему поняла состояние Антона. Когда она сама выступала, тоже не могла дождаться конца перерыва, минуты тянулись дольше обычного. Нетерпение овладело и Грачевым. Ему хотелось поскорее увидеть свои советы воплощенными на корте; победы Антона он жаждал с особым чувством: в ней была заложена и его доля. Он первым поднялся, и они пошли к корту.

Леню Антон нашел сразу. Тот сидел на табуретке воз-

ле раздевалки и внимательно рассматривал свою ракетку. Швайдецкого возле него не было. «Наверно, все уже обсудили», — решил Антон и внезапно увидел Швайдецкого. Тот мило любезничал с какой-то женщиной, держа руку возле сердца.

Каким-то шестым чувством Антон понял, что разговор этот начался не только что, не сию секунду, а значит, Швайдецкий с Леней план игры на третий сет не обсуждали. Почему? Наверно, считают, что в этом нет необходимости: Леня уверен, что победа у него и так в кармане.

Антон решил сказать об этом Грачеву и Нине Тимофеевне, но сразу же передумал. Все это только предположения. План игры есть, и любой ценой он его выполнит. А Леня и Швайдецкий? Судейская сирена позвала всех на корт, и остальное перестало для него существовать.

У большинства теннисистов, особенно у молодых, удар слева более слабый, не атакующий, а отыгравший, оборонительный, вспомогательный. Поэтому все стараются посыпать чаще мяч под левую руку, чтобы снизить атакующую мощь соперника. Но, к величайшему удивлению Лени, Антон при своей подаче направлял мяч по диагонали вправо, создавая, казалось бы, все условия сопернику для нанесения сильного удара. Такая тактика выбивала Леню из привычного ритма, и, пока он разобрался, Антон выиграл немало очков. Разгадав тактический ход Антона, Леня стал удачно отбивать подачи ударом справа, но оставлял открытой, незащищенной левую часть корта, потому что для нанесения мощного удара уходил в правый угол площадки. Это еще раньше подметили Нина Тимофеевна и Грачев, по их совету. Антон мгновенно был в левый угол корта, куда Леня за мячом не поспевал.

Во время перехода, при счете три-ноль в пользу Антона, Швайдецкий оставил женщину и подошел к Лене. Он положил ему руку на плечо и заговорил, сопровождая слова короткими, боксерскими жестами левой руки. Его совет, видно, не подействовал на Леня, потому что тот

неопределенно пожал плечами, словно говорил: «Ничего тут не поделаешь!» Он продолжал играть так же, сумел взять один гейм на своей подаче, но удержать инициативу не смог. Слишком однообразно действовал.

Победный мяч Антон забил просто виртуозно. Судья объявил о его победе. Грачев вскочил со скамейки и так закричал «ура-а-а!», что Антон даже вздрогнул. А Леня лихо перепрыгнул через сетку, побежал к Антону и сжал его за плечи.

— Молоток. Умница. Поздравляю! Ты за эти два месяца на три головы вырос!

В обнимку они подошли к Нине Тимофеевне и Грачеву. Начались поздравления, шумные приветствия, без умолку трещал Грачев, на все лады расхваливая Антона. Тот поворачивался во все стороны, жал руки, вздрагивал от ударов по плечу, беспрерывно повторяя: «Спасибо, спасибо...» Когда подошел Швайдецкий, он не заметил. Повернулся влево и увидел, что тот стоит возле Нины Тимофеевны и смотрит в их сторону. Видно, ему нравились эти шумные мальчишечьи поздравления.

Сам не зная почему, Антон сказал: «Тише, ребята» — и этим словно предоставил слово Швайдецкому. Знаменитый игрок еле заметным кивком, понятным только Антону, поблагодарил его и чуть-чуть повернул голову в сторону Нины Тимофеевны, давая этим понять: все, что он будет говорить, касается и ее.

— От души поздравляю. Играл очень хорошо. Впервые в жизни вижу юношу, который так здорово мыслит на корте. Тебе бы, Лесик, поучиться не мешало. Думать ленившись...

— Что ты, Гера, — беспечно махнув рукой, перебил Швайдецкого Леня. — Я так не могу...

— Тренируешься мало, — в голосе Швайдецкого послышалось раздражение. — Вот твой победитель...

— Его зовут Антон, — подсказал Леня.

Швайдецкий величественным кивком поблагодарил

Леню и похвалил Антона за упорство и трудолюбие. У того даже щеки запылали: откуда Швайдецкий знает, что он часами работает у стенки, бегает по утрам кроссы, не расстается с гантелями. Потом он и сам, когда станет поопытнее, сможет легко определить по хорошо развитым мышцам, свободному дыханию и мощи ударов, что этот теннисист уделяет немало времени атлетической подготовке. Техника ударов и подачи тоже говорят опытному глазу, кто не жалеет труда и времени, а кто недостаточно настойчив. Леню упреки Швайдецкого нисколько не смущали.

— Так он еще в школе. Я в девятом тоже на корте дотемна пропадал. И с урокамиправлялся. А теперь, в институте... Лекции, семинары, анатомка, лабораторные занятия. Все сразу навалилось.

— Я же тебе советовал, — начал Швайдецкий, но сразу осекся, глянул на часы и пояснил: — Через час в театре читка новой пьесы. А у меня еще дела.

Нина Тимофеевна пошла проводить его к выходу. По ее лицу Антон понял, что это не просто акт вежливости, а возможность остаться наедине для какого-то важного разговора. Уходя, Нина Тимофеевна пристально посмотрела на Антона, словно проверяла, и тогда в его сознании шевельнулась смутная догадка — разговор будет теннисный и, возможно, о нем.

Едва Швайдецкий и Нина Тимофеевна отошли, как Грачев привязался к Лене, стал выпытывать, что ему соштовал Гера. Но Леня ткнул его большим пальцем в живот и предложил помыться в душе и переодеться. Если это сделать в темпе, можно успеть в кино, идет классный чешский детектив. Антон идти в кино отказался. Ему хотелось побывать одному, еще раз пережить свой первый выигрыш в официальном турнире. Его немножко обидело, что уже в душевой Леня и Грачев забыли об этой встрече и оживленно спорили о поп-музыке. Оказалось, что эрудиция Грачева не ограничивалась теннисом. Он

свободно сыпал именами советских и зарубежных композиторов и исполнителей, довольно приятно напевал, диригируя воображаемым оркестром.

На ужин Грачев не пришел, появился перед самым отбоем. Антон уже в кровати читал последний выпуск журнала «Теннис». Грачев бесцеремонно закрыл журнал.

— Есть новость. Упадешь!

— Некуда падать, — недовольно отрезал Антон, протягивая руку за журналом. — И так лежу.

Он только начал читать советы знаменитого австралийца Роя Лайвера, а тут Грач словно с неба свалился. Сейчас понесет какую-нибудь чепуху из жизни известного футболиста или киноартиста. Антона вовсе не интересует, кто чья жена или муж и на какого цвета машинах ездят звезды спорта и кино.

Но Грачев никак не отреагировал на недовольное бурчание Антона. Он положил журнал на тумбочку и начал обстоятельно, словно отвечал урок. Когда они с Лехой втиснулись в автобус, чтобы поспеть в кино, он оказался рядом с Ниной Тимофеевной и Швайдецким. Они его не видели, продолжали начатый на стадионе разговор. Он, конечно, не хотел подслушивать, но в автобус народу набилось, как сельдей в бочке, не протолкнешься.

Грачев сделал паузу, ожидая от Антона вопроса, о чем же говорили Нина Тимофеевна и Швайдецкий, но Антон молчал. Нетерпение было одним из главных недостатков в характере Грачева, пауза длилась недолго, он продолжил разговор, внимательно вглядываясь в лицо Антона, чтобы проследить, как тот будет реагировать на новость. Начал издалека, туманными намеками, но Антон схватил его за руку.

— Говори прямо! Не тяни резину!

— Не дергайся, старик, всему свое время.— Грачев парил на крыльях собственного успеха. Взволнованность Антона вдохновляла его. И хотя ему хотелось выпалить все сразу, он сдержался и не скомкал разговор Нины

Тимофеевны со Швайдецким. — Слушай все по порядку.

Антон понял, что Грачева с его позиции не собьешь, взял себя в руки и откинулся на подушку.

— Излагай. Я слушаю.

— Вот так-то лучше, — начал Грачев и продолжил обстоятельно, подчеркивая важные, по его мнению, места разговора.

— Нина сказала, что ты очень целеустремленный, организованный и можешь стать игроком экстра-класса. Она многое тебе показала, но в игре ты ее уже перегнал, тебе нужны спарринги с игроком классом повыше и попытнее, и попросила Геру, чтобы он уделил тебе время. — Грачев подмигнул Антону. — Усек?

— А он что? — чуть слышно спросил Антон.

Грачев не стал делать паузу, напускать на себя значительность и интриговать Антона.

— Гера похвалил тебя, мол, тактику умеешь разнообразить и не скисаешь, когда продуваешь. А потом начал шпарить высоким штилем. Знает, кто написал сценарий третьего сета, кто режиссировал. Но режиссура еще не гарантия успеха спектакля, многое зависит от актера, понял ли он замыслы автора и режиссера... Вот ты, значит, понял, причем быстро, перерыв ведь длится минуты. Короче, Гера считает, что ты далеко пойдешь.

У Антона вторично запылали щеки, он еще не привык, чтобы его хвалили. Грачев не заметил его смущения и выпалил главную новость:

— Гера отказался.

— Почему?

— Да не совсем, — мгновенно поправился Грачев, увидев, как побледнел Антон. — Только сейчас.

Оказалось, что Швайдецкий решил было прекратить соревноваться, но передумал. Хочет доказать молодым чемпионам, что еще может побеждать. В театре работы прибавилось, ему планируют две новые роли. Намечается

длительная гастрольная поездка по Сибири и Дальнему Востоку. Так что в этом году никак невозможно. А в будущем...

— Что в будущем?

— Понимаешь, два чувака начали ругаться, я плохо все слышал. Разобрал, что Гера готов к этому делу вернуться, что ты ему нравишься. Правда, он уже пробовал одного тренировать, но обжегся. А обжегшись на молоке...

— На ком он обжегся?

— Понятия не имею, — чистосердечно признался Грачев. — Мы на свою остановку приехали, и я вывалился в темпе. А они дальние покатили.

— А Леня тоже слушал?

— Не-э, — щелкнул языком Грачев. — Он с передней площадки втиснулся. Там и торчал до киношки. Даже не знал, что Нина и Гера в этом автобусе.

— Ты ему рассказал?

— Не-э, — снова щелкнул языком Грачев. — Там за билетами, знаешь, что творилось? Хорошо, Леха встретил кореша. У него полгорода корешей. Тот уже у самого окошка приякорился. Взял и нам. Да какое ему до этого дело?

Грачев, заканчивая разговор, быстро снимал рубашку, брюки, ботинки. Неровен час нагрянет дежурный воспитатель, тогда хлопот не оберешься. Объясняй, почему, когда все уже в постелях, ты еще в одежде. Натягивая до подбородка одеяло, Грачев довольно улыбнулся, что все обошлось, и добродушно посоветовал Антону:

— Не бери тяжелое в руки, а дурное в голову. У Лехи свои дела, а у тебя свои. Спи спокойно и сопи в две ноздри.

Он повернулся к стене. День сегодня прошел преотлично. Антон стал чемпионом города, в этом была и его заслуга. Узнал потрясающую новость, которую выложил Антону. Теперь честно заслужил право на хороший сон.

Антон спать не мог. Он выключил лампу на своей

тумбочке, чтобы не мешала Грачеву, но темнота не приносила успокоения. Лене, конечно, все равно — возьмет его Швайдецкий в ученики или нет. Ведь они не друзья, а просто знакомые. А хорошо бы иметь другом такого парня, как Леня. По всему чувствуется, что он не оставит в беде, выручит, поможет. С ним и посоветоваться можно и поделиться сокровенными мечтами.

За окном протарахтел мотоцикл. Кто это гоняет в ночное время? Снова все стихло. Но сон не приходил к Антону. Может, Швайдецкий думает, что он будет нерегулярно ходить на тренировки? Так он готов ради встречи с Герардом Васильевичем вставать в пять часов утра и шагать на край города. Может, считает неудобным забирать его у Нины Тимофеевны? Так ведь она сама предложила. И, кроме того, ей уже трудно с ним играть. Своими тонкими обводками и подрезками Нина Тимофеевна иногда ставила его в тупик. Но удары, которые приобрели мужскую силу и точность, отражала очень редко. А ему было в таких случаях неудобно, казалось, что обижает Нину Тимофеевну. Он не мог играть на полную мощь, словно кто-то придерживал за руку, не давая развернуться. А может, мечты его напрасны? Игрок Швайдецкий хороший, а тренер... Большинство великих теннисистов не могут похвалиться успехами на тренерском поприще. Талант игрока и талант тренера не всегда совпадают. Нет, чепуха. Нина Тимофеевна не стала бы просить Швайдецкого, если бы сомневалась в его тренерских способностях. А Леня? Он со Швайдецким на короткой ноге, а тренируется на стороне. И вообще относится без должного почтения. Почему? Антон был бы счастлив встречаться со Швайдецким почаше, и не только на корте. Герард Васильевич человек знающий, бывалый. С ним можно посоветоваться, поучиться многому. С Ниной Тимофеевной обо всем не поговоришь, она женщина. Был бы рядом Генсаныч... Но он далеко, мать писала, что его перевели служить на Дальний Восток. А вот Швайдецкий здесь, ря-

дом, хорошо было бы слушать его советы, выполнять указания.

— Грач, как ты думаешь, на ком он обжегся?

Грачев не ответил.

Вот счастливчик, никаких сомнений, спит, как суслик зимой. Жизнь он подчинял четырем правилам арифметики и видел только в белых и черных тонах. Полутонов Грачев не признавал, переоценку ценностей производил молниеносно, руководствуясь всегда только выгодой. А он? По мнению Грача, пускал волны там, где даже головы поворачивать не стоило. Когда же Антон пробовал доказывать свою правоту, Грачев реагировал на его доводы грубоватыми поговорками, которых знал много — на все случаи жизни.

— Грач, — еще раз окликнул Антон, хотя знал, что разбудить Грачева дело непростое.

В ответ ни звука. Антон натянул на голову одеяло и повернулся на правый бок, чтобы тоже поскорее уснуть. Эта привычка родилась в раннем детстве, когда они жили в одной комнате. Мать допоздна засиживалась за тетрадями, и Антон накрывался с головой, чтобы свет не мешал спать. Когда он перешел в четвертый класс, им присоединили еще одну комнату, в которой он обосновался. Но избавиться от многолетней привычки оказалось трудно. Сегодня и это не помогало, сон не шел. Не давала покоя мысль: на ком обжегся Швайдецкий?

Второй год пребывания в спортивинтернате пролетел для Антона так же быстро, как и первый. Он выезжал на соревнования в Ашхабад и Таллин. В Ашхабаде волновался, все-таки первый выезд, поэтому оказался пятым. А из Таллина привез грамоту за первое место. Правда, собрались там не сильнейшие юноши страны, они соревновались в это время в Донецке, и Нина Тимофеевна ему прямо сказала, чтобы он не слишком задавался. В его игре еще много ошибок.

— Я знаю,— искренне сознался Антон, который тоже не очень высоко ставил свою таллинскую победу.

А Грачев был иного мнения, воспринял первое место Антона, как свое. Трезвонил в интернате и где мог, а однажды, знакомя Антона на Центральном стадионе с двумя девчонками, небрежно процедил:

— Мой друг Антон. В Таллине турнир выиграл. Сейчас в паре готовимся.

Антон смущился, хотя все это было сущей правдой. Грачев говорил не переставая, а девчонки, лукаво щурясь, задавали вопросы и посмеивались, недоверчиво качая головами. Грачев, нисколько не смущаясь, продолжал с важным видом:

— Да мы с Антоном республиканские выиграем за-просто. И на союзных призерах будем. А может, и выиграем. Антон, подтверди!

Антон багровел, что-то мямлил в ответ. Отчаянный треп Грачева его пугал. Конечно, он мечтал о победах на чемпионатах республики и Советского Союза, стремился к этому. Но не любил выдавать авансы, тем более трезвонить об этом на всех углах. А Грачев, когда его останавливали, возмущенно закатывал глаза и утверждал, что он не трепач, а оптимист. И тот, кто не ставит перед собой в спорте высокой цели, всегда будет сидеть в луже.

Антон постепенно привык и смирился с веселым трепом Грачева о будущих победах на чемпионатах и в турнирах, но после первых совместных тренировок по-настоящему приуныл. Он за зиму здорово прибавил, а Грачев отстал. По-прежнему слабо играл с лета, подачей владел слабенькой, неатакующей. Плохо чувствовал, куда и как надо послать мяч, когда играешь в паре. А главное, сразу выбрал для себя роль подыгрывающего, не собираясь брать игру на себя в случае, если у Антона перестанет получаться.

Это выявилось в первой встрече, хотя и товарищеской, где Антон и Грачев выступали в паре.

— Я держу свой коридор, — скромно заявил Грачев. — А ты... — Он красноречиво посмотрел на Антона, давая понять, что дальнейшие объяснения излишни. Антон не стал спорить, перед игрой это всегда во вред, а только наступился и отыграл и за себя, и за Грачева. Соперники оказались несильными, прощали им все ошибки, совершая еще большие. Они победили, но это не доставило Антону никакой радости.

А Грачев был доволен, весело насвистывал.

— Чего надулся? — спросил, толкнув унылого Антона острым локтем в бок. — Закосили, и лады. Главное — победа. Что марали много, — он тактично объединил свои и Антона ошибки, — так ведь начало сезона. Войдем в форму, все будет люкс.

Насчет люкса Грачев по привычке загнул, сам понимал, что на хорошую игру надеяться в ближайшем будущем нереально. Посмотрел на часы, ойкнул («Опаздываю!») и, молниеносно собрав форму, выскочил из раздевалки.

Антон долго мылся под душем, тщательно вытираясь. Выйдя из раздевалки, медленно пошел по аллее. «Что я за человек, — распекал себя. — Игра товарищеская, тренировочная. Мы ее с Грачевым выиграли, а я грызу себя, словно от меня уплыла золотая медаль чемпиона СССР или победа в Уимблдоне».

Антон сел на скамейку, откинулся на спинку. Мимо проходили люди, а он погрузился в свои мысли, стараясь разобраться в сомнениях, смущавших его покой.

Может, во всем виновата плохая игра Грача? Антон сразу безжалостно отогнал от себя эту спасительную мысль. Вспомнил свои мазки, удары в сетку из простых положений и поморщился, словно нашел в борще гнилую картошку. Нет, во всем виноват он. Плохо укорачивает мячи и поэтому позволяет соперникам свободно играть сзади, используя удар справа. Хорошая свеча у него редко получается. А подача?..

Сидеть на скамейке надоело, он поднялся и снова зашагал по аллее.

У Грачева недостатков еще больше, но о них не стоит беспокоиться. Грач заканчивает школу, собирается поступать в институт физкультуры, так что тренироваться им вместе вряд ли придется.

— Эй, добрый молодец, чего задумался?

— Леня, — обрадовался Антон и, сам не зная почему, облегченно вздохнул. — Ты куда?

Впрочем, задавать такой вопрос было сущей бессмыслицей. Спортивная сумка, из которой торчали рукоятки ракеток, красноречиво говорила о маршруте. Занятый своими мыслями Антон чуть не наткнулся на Леню, который шел тренироваться, а теперь, добродушно улыбаясь, стоял перед ним.

За это время Антон встречал Леню считанные разы. Тренировался Леня в другое время, в соревнованиях школьников не участвовал. На зимнем первенстве города среди взрослых Антон случайно заметил Леню, который устроился в одном из низеньких кресел, стоящих в холле. Прочитав недоумение в глазах Антона, он хитро приспустился.

— До моей игры почти час. Перепишу пока конспект по микробиологии. Пропустил лекцию.

— Учебника нет?

— Есть, — вздохнул Леня. — Но наш профессор признает только свои лекции. Ответишь не так на экзамене, наплачешься. Старшекурсники предупредили. Тигр, а не человек.

Антон не стал отвлекать Леню и отошел в сторону. Посмотрел на него издалека, тот быстро писал, положив толстую тетрадь на чехол с ракетками. Железный парень. Скоро на корт, а он конспект переписывает. Как это ему удается?

Спросить Антон не решился, но проникся к Лене еще большим уважением и симпатией. Сам же он накануне

игры ни о чем другом думать не мог. И вот теперь очень обрадовался неожиданной встрече.

Леня протянул ему горсть леденцов.

— Чем расстроен?

Антон положил одну конфетку на язык, передвинул за щеку. Рассказать? Но Лене, студенту медицинского института, будущему врачу, это покажется смешным: переживать из-за товарищеской, практически тренировочной встречи. У Антона не хватило духу поделиться с Леней своими сомнениями, он уклончиво пробормотал, что очень устал.

— Жаль. А я вот вырвался на часок, скоро сессия, времени совсем не хватает. Вдруг партнера не найду — холостой пробег. Совсем из формы выскочу.

Антон мгновенно преобразился. Схватил Леню за руку, словно тот мог убежать.

— Ты меня не понял. Я устал, конечно, но с тобой... Я могу играть сколько надо. Час. Или два... Ведь я твой должник. Помнишь, как ты со мной поменялся, чтобы я подавал мячи Швайдецкому?

— Чепуха какая, — насупился Леня, — стоит ли вспоминать. Я давно забыл об этом. Пойдем на корты, посмотрим, что там делается. Если партнера не найду, тогда...

Антон не дал ему договорить, потащил на корт, мысленно повторяя про себя, как заклинание: «Хоть бы не нашелся, хоть бы не нашелся!»

Заклинание, очевидно, подействовало. На всех кортах играли, а на скамейках не было ни души, никто не дожидался партнера.

— Час от часу не легче, — грустно сказал Леня. — Что делать?

Он посмотрел вокруг и решительно направился к четвертому корту. Там лениво перебрасывали мяч уже знакомые Антону Кливак и Кириченко. Зимой они стали чемпионами города в паре и, по мнению тренеров, Антон

это слышал собственными ушами, имели отличные перспективы на первенстве республики. А в личных соревнованиях ни тому, ни другому победы не добиться. Леня, очевидно, тоже знал об этом, потому что предложил им сыграть парную, и они охотно согласились. У Антона дух захватило, когда они с Леней вышли на корт. Впервые он играл не со сверстниками, а со взрослыми теннисистами.

— Ты устал, очень не выкладывайся, — предупредил Леня. — И не волнуйся. Игра самая рядовая.

— А я и не волнуюсь, — лихо соврал Антон и сжал ракетку так, что побелели пальцы.

Он не собирался отсиживаться за Лениной спиной, хотя действительно устал. Пусть игра тренировочная, товарищеская, но на той стороне корта чемпионы города, мастера спорта, и он почувствовал необыкновенный прилив энергии и азарт. Антон любил не просто играть — сражаться, сильный соперник никогда не пугал его, наоборот, заставлял максимально собраться и действовать на пределе возможного.

Они с Леней легко взяли гейм. Кливак и Кириченко переглянулись. По силе подачи Антон понял, что чемпионы, сперва настроенные благодушно, собрались дать бой. Они прибавили в моши ударов, заиграли быстрее. Леня и Антон не уступали, темп приняли.

Играть с Леней было легко. Он не говорил так много, как Грачев, который коментировал почти каждый мяч, но вовремя бросал словечко, чтобы подбодрить после ошибки или похвалить за отличный удар.

Кливак и Кириченко играли темпераментно, остро, но Антон и Леня метались по площадке, брали все мячи, сами били уверенно и точно. Они сыграли двенадцать геймов и выиграли пять. Поблагодарив Кливака и Кириченко, Леня извинился, сказал, что больше играть не может: надо в институт. Кливак одобрительно посмотрел на них.

— Молодцы, мальчики. Играете, как по нотам. Спелись отлично.

— Мы сегодня впервые вышли, — сказал Леня.

— Врешь. — Кливак посмотрел на Антона, ожидая увидеть лукавую улыбку и поймать на розыгрыше. Но Антон кивнул головой, подтверждая сказанное Леней. А тот окончательно развеял сомнения Кливака.

— Антон интернатский, а я в ДСШ играл. Теперь в команде медицинского.

В разговор вступил Кириченко и всю дорогу, пока они шли мыться и переодеваться, убеждал их, чтобы они нашли время тренироваться в паре. Они же просто созданны друж для друга. Поработав годик, смело смогут на чемпионате республики выступить, а там и на первенство страны замахнуться.

Леня посмеивался, отшучивался, Антон помалкивал, не считал возможным вмешиваться в разговор старших. Да и хорошо понимал, что главное слово принадлежит не ему, а Лене. Он хоть сейчас готов забросить все и тренироваться вместе с Леней. Никогда ему не было так хорошо, как сегодня, во время игры против Кливака и Кириченко. Даже в Таллине, где он победил на турнире.

Прощаясь, Леня дал ему номер телефона.

— Сейчас сессия начинается, ничего обещать не могу. А на каникулах я твой. Можем по-черному поработать. Не возражаешь?

— Ты что? Еще спрашиваешь? Да я...

— Верю, — остановил Антона Леня. — Смотри, телефон не потеряй.

Потренироваться по-настоящему им не пришлось. Каждый участвовал в своих соревнованиях: Антон в школьных, Леня — в студенческих. Осенью они все-таки выступили в первенстве города и дошли до полуфинала. Выбили их Кливак и Кириченко, все решилось в пятом сете, опытные игроки победили их с большим трудом.

— Попадись вам другая пара, могли и в финал про-

рваться, — тараторил Грачев, который за них отчаянно болел, таскал сок, подавал полотенце, перетягивал струны в ракетках. Он уже учился в институте физкультуры, выступал в паре с Трандафиловым, который приехал из Болгарии и жил в одной комнате с Грачевым. Интернациональная пара, как гордо именовал себя и Трандафилова Грачев, вылетела в первом круге. Грачев оказался свободным, охотно помогал Лене и Антону. В игре он разбирался неплохо, тренерские способности у него проявились рано. Леня и Антон без возражений пользовались его помощью и советами. Но сдержанностью Грачев не отличался, таким уж он родился на белый свет.

— Тоже нашел утешение, — не согласился Леня. — В финал надо пробиваться, а не вползать на пузе. Напускали мы с Антоном пузырей.

— Тренируетесь вместе мало.

— Вот в этом ты, Грач, прав. А то заладил, попадись другая пара.

После игры Леня по обыкновению извинился и убеждал. Времени у него всегда не хватало. Он посещал музыкальный лекторий, ходил на концерты и даже записался в институтский хор. В студенческих соревнованиях выступал успешно, но на первенство республики не попадал. Зимой тренировался мало, поэтому к лету был не в лучшей форме, проигрывал первые соревнования. Летом он тренировался много, но кандидаты на главные соревнования уже были определены.

Флаги двенадцати государств висели над кортами, на международный турнир съехались мастера ракетки всех континентов. Слышалась степенная английская речь и темпераментная испанская, светловолосые австралийцы сидели рядом со смуглыми индийцами. Антон прибегал с самого утра, присматривался, стараясь запомнить каждую мелочь: кто как разминается, какие предпочитает удары, как строит тренировку и стоит при подаче. Гра-

чев приходил только на вечерние поединки, а Леня появился на финалах.

— Не мог, — виновато улыбнулся он Антону и прошел ребром ладони по горлу. — Работы непочатый край.

— Работу главное не трогать, — наставительно заметил Грачев. — Ты, работа, нас не бойся, мы тебя не тронем. Вот как надо жить.

— Ясненько, — понимающе кивнул Леня. — Один человек и все знает. Почему ты не академик?

— Сам удивляюсь, — невозмутимо ответил Грачев и победно глянул на Антона: «Как я его?»

Леня расхохотался, признавая последнее слово за Грачевым, очень уж он уверенно держался. Неизвестно, насколько хорошо Грач усвоил предметы, которые изучал в институте, но запас поговорок и пословиц у него значительно пополнился.

— Сидеть где будем? — перешел Леня к делу.

Встреча Швейдецкого со знаменитым мексиканцем Педросой привлекла на корты всех любителей тенниса. Увидеть собственными глазами игру одного из лучших игроков мира пришли даже сверх занятые люди. Грачев ответил не сразу, и Леня повторил свой вопрос. Но Грачев, важно выпятив губы, отмолчался и на этот раз, только жестом позвал их за собой к скамейкам, стоявшим возле столика главной судейской коллегии. Там сидели студенты старших курсов института физкультуры, которые по заданию кафедры спортивных игр вели подробную запись поединков. Антон еще раз подивился умению Грачева контактировать с людьми. Его встретили тепло, весело, он попросил потесниться, и ребята охотно сдвинулись, хотя вести записи стало неудобно.

— Спасибо, мужички, — степенно бросил Грачев и забалаболил, вызывая общее веселье. Но сразу замолк, когда началась игра.

Это был теннис самого высокого класса. Не смолкали аплодисменты и крики одобрения, игроки действовали

виртуозно, парируя безнадежные, казалось, мячи в акробатических прыжках и падениях, демонстрировали тонкую обводку и хитроумные комбинации. Педроса до этого выиграл большой международный турнир в Австралии и два открытых чемпионата в Европе. Ему предрекали победу и здесь, до финала он дошел легко, уступая соперникам считанные геймы. Но Швайдецкий играл в этот день с особым вдохновением, мысля и действуя чуть-чуть быстрее. Это и решило исход поединка в его пользу.

Пробиться к Швайдецкому после игры не представлялось возможным. Он сразу оказался в плотном кольце людей. Известные тренеры, игроки, журналисты восторгались его игрой, сыпали комплиментами. Фотокорреспонденты снимали Швайдецкого рядом с Педросой, потом одного, заставляли поворачиваться в разные стороны. Он с милой улыбкой покорно подчинялся им, хотя очень устал и больше всего на свете мечтал принять душ и хоть на несколько минут вытянуться в шезлонге, который стоял в раздевалке.

— Глухое дело, — быстро оценил обстановку Леня и встретил понимающие взгляды Антона и Грачева. Они решили поздравить Швайдецкого, но кольцо не редело, росло, становилось плотнее.

— В другой раз, — подытожил Леня.

— Верно, — сразу согласился Грачев. — Ждать бессмысленно. У них, наверное, банкетик намечается. Гере сейчас не до нас. Потопали.

Они не спеша зашагали к аллее, по которой двигались зрители, громко обсуждая перипетии поединка. Антон последний раз оглянулся на Швайдецкого и вдруг увидел Нину Тимофеевну. Она тоже его увидела, махнула рукой: «Вернись!»

— Ребята, меня Нина Тимофеевна зовет!

— Валяй, — разрешил Грачев. — От меня большой привет.

Антон направился к Нине Тимофеевне почти бегом. Ему не очень хотелось возвращаться в интернат, жаль было расставаться с торжественной атмосферой соревнований. Он не знал, для чего его зовет Нина Тимофеевна, но возвратился с радостью.

— Ты не очень спешишь?

— Нет, — выпалил Антон и сразу поправился: — Я вообще не спешу. Куда мне спешить?

— Вот и хорошо. Будем говорить.

— С кем?

— Со Швайдецким. Он утром сказал, что имеет полчасика для разговора после игры. Я боялась, что не найду тебя. Но теперь все в порядке.

Антон сразу не нашелся, что ответить. Все произошло очень уж неожиданно. Он только неопределенно пожал плечами: «Разговор так разговор». А сердце вдруг застучало: Нина Тимофеевна ничего просто так не затевает.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять кольцо вокруг Швайдецкого, словно по команде, распалось. Швайдецкий зашел в раздевалку. Антон и Нина Тимофеевна уселись на скамеечке, на которой не раз отдыхали после тренировки. Они молча наблюдали, как пустеет стадион, и не заметили, когда из раздевалки вышел Швайдецкий.

— А вот и я. — Он пригладил мокрые после душа волосы, сел, мягко улыбнулся и протянул руку Антону. — Здравствуй. Сиди, не вставай. — Чуть повернул свою красивую голову к Нине Тимофеевне. — Возмужал, хорошо смотрится. — Скосил еле заметно глаза на циферблат часов. — Нина, я тебя слушаю.

Нина Тимофеевна заговорила быстро, она знала, что у Швайдецкого времени мало. Всезнающий Грачев не ошибся, через два часа предстоял торжественный прием в честь зарубежных теннисистов. Хотя Швайдецкий строго соблюдал спортивный режим и не позволял себе вы-

пить даже бокал сухого вина, однако присутствовать на ужине ему как победителю было необходимо.

Торопливость всегда плохой помощник. Нина Тимофеевна перескакивала с одного на другое, запас ее красноречия хватило ненадолго, и она внезапно смолкла, как автомобиль, у которого кончилось горючее.

Швайдецкий слушал, вежливо наклонив голову, на Антона смотрел с отцовской доброжелательностью. Когда же Нина Тимофеевна произнесла последнюю фразу, лицо его стало строгим.

— Мне с ним работать больше не придется. Нагрузка у меня приличная, своих учеников хватает... Да я тебе уже говорила.

Швайдецкий кивнул, видно, он не забыл разговор в автобусе, хотя с того дня немало воды утекло. Сразу спросил, что Антон собирается делать после получения аттестата зрелости.

— В медицинский пойдет, — ответила за него Нина Тимофеевна.

Швайдецкий вдруг встал, точно подброшенный пружиной, задумчиво посмотрел на Антона и Нину Тимофеевну. И, прогуливаясь перед ними, очевидно, долгая актерская жизнь приучила его вести диалог в движении, а может, он вообще не любил говорить сидя, сказал взволнованно, что современный большой спорт требует от человека полной отдачи, поэтому он советует поступать в институт физкультуры. Антон будет лучше знать спортивную теорию, сумеет сознательно делать все, что надо, на тренировках. В институте физкультуры перспективным спортсменам создают все условия, там есть группы со специальным графиком посещения занятий и лабораторных работ. Он сможет выезжать на любые соревнования. Знаменитые спортсмены прошлого Лариса Латынина, Юрий Титов и многие другие начинали учебу в разных институтах, а потом перешли в физкультурный и добились больших успехов. А Борзов? Он тоже соби-

рался в технический вуз, но Валентин Петрович Петровский, его тренер, посоветовал институт физкультуры. Несомненно, учеба в институте физкультуры помогла Борзову стать олимпийским чемпионом.

— Медицинский дает знания о человеческом организме, о его возможностях, — робко возразила Нина Тимофеевна.

Швайдецкий ответил не сразу, выдержал небольшую паузу. По лицу его пробежала легкая гримаса: напоминание о медицинском институте его почему-то раздражало.

— Двум богам служить нельзя. Медицина не потерпит, чтобы к ней относились, как к падчерице. Да и только знаний о человеческом организме недостаточно. Есть еще много специальных спортивных дисциплин, которые в медицинском не проходят.

— О медицинском мечтала его мать, — привела последний аргумент Нина Тимофеевна, хорошо понимая, что это слабый довод. — Его отец был врачом.

Швайдецкий склонил голову, давая этим понять, что с уважением относится к матери Антона, и снова горячо заговорил. Ни отец, ни мать не могли предположить, что у их сына окажутся способности к теннису. А выйдет ли из него хороший врач, еще неизвестно. Вот он в великие актеры не выбился.

— Ты сам виноват. Тебя приглашали в кино. На главную роль. Я это хорошо помню.

— Я готовился к своему первому чемпионату страны и выиграл его, — с жаром ответил Швайдецкий. — И потом побеждал еще не раз. А имел бы я успех в кино, неизвестно.

— А в театре? — сказала Нина Тимофеевна.

— Мои частые отъезды на соревнования настораживали режиссеров. Главные роли мне поэтому не давали, а для эпизодических всегда есть равноценные дублеры. Но я не жалею. Не всем же быть Ульяновыми или Смок-

туновскими. Кому-то надо выступать и в эпизодах. Зато в теннисе я играл главную роль. И не раз.

Он замолчал, сел на скамейку возле Нины Тимофеевны, задумчиво посмотрел на корты.

— Заведующий кафедрой спортивных игр — мой приятель. Если Антон поступит...

— Поступит, — заверила Нина Тимофеевна. — Он почти отличник. Химию и биологию знает.

— В институте хорошие условия для тренировок. — Швайдецкий сделал паузу. — Может быть, и я смогу уделить ему времени.

— Ты заканчиваешь играть?

— Еще не решил. Да дело не в игре, Нина. Смогу ли я стать настоящим тренером? Мало только кидать мяч на корте. Сумею ли я в жизни стать авторитетом для Антона? Раз обжегся. Благодарю покорно.

Антон вздрогнул. Не суждено ему стать учеником Швайдецкого. Он уже, очевидно, кого-то тренировал, но неудачно и до сих пор переживает. Значит, ученик его чем-то основательно огорчил. Сколько времени прошло, а он не забывает. Видно, зря Нина Тимофеевна затеяла этот разговор.

Но Нина Тимофеевна никогда не отступала от намеченной цели.

— Антон совсем другой человек.

Антон почувствовал, что решается его судьба. Одна фраза, одно слово могут круто повернуть его жизнь, в которой главную роль играл теннис. Он уже твердо знал, что без белых линий корта жить не сможет, мечтал выступать на чемпионатах республики и Советского Союза, встречаться с зарубежными игроками и победить вот в таком турнире, как Швайдецкий.

— Я подам в физкультурный, — сказал он. — По-моему, Герард Васильевич полностью прав. К медицине у меня особой тяги нет. А теннис...

Антон вступил в разговор вовремя. Промолчи он, прояви инертность, неумение самостоятельно мыслить и решать, Швайдецкий остался бы при своем решении. Но теперь он посмотрел на него иными глазами.

— Мама поймет, — добавил Антон. — Она сперва и в интернат не отпускала, а потом согласилась. Поймет и на этот раз.

— Тогда вопрос решен, — подытожила Нина Тимофеевна.

Швайдецкий встал, показывая, что разговор окончен. Время поджимало, до банкета оставалось меньше двух часов, а еще надо успеть переодеться.

— Лето я с ним поработаю, а с осени будьте любезны... — Нина Тимофеевна сделала церемонный полупоклон в сторону Швайдецкого.

— Непременно, — так же церемонно поклонился Швайдецкий. — Непременно.

Глава вторая

ЭКЗАМЕНЫ в институт физкультуры Антон выдержал успешно. Химию и биологию он любил, знал глубоко и основательно. Пятерки по этим предметам плюс четверка по сочинению открыли ему двери института. Нина Тимофеевна поздравила и зеленым стержнем крупными цифрами написала в блокноте телефон Швайдецкого. Зеленый стержень был, конечно, случайным совпадением, но Нина Тимофеевна, улыбнувшись, сказала, что перед ним зажигается зеленый свет в большой теннис. А потом лицо ее стало грустным, в уголках глаз заблестели слезы. Она обняла Антона, словно он уезжал на Камчатку или в Африку, а не оставался в этом же городе, и пожелала ему всегда быть оптимистом.

Причину грусти Нины Тимофеевны Антон понял очень быстро. Лекции, семинары, лабораторные работы отнимали у него всю первую половину дня. А во второй — тренировки, читалка, общественные нагрузки. Лишь на Октябрьские праздники он вырвался в интернат, чтобы повидать Нину Тимофеевну. Но не застал. Она с ребятами уехала в трехдневное туристическое путешествие по Белоруссии. Еще быстрее понял он ее пожелание: именно оптимизма ему на первых тренировках со Швайдецким больше всего и не хватало.

В институте работали известные всей стране тренеры по легкой атлетике, гимнастике, плаванию. На кафедре спортивных игр преподавали знающие специалисты по баскетболу и волейболу. Теннису даже по программе уделялось значительно меньше часов, чем остальным спортивным играм, а помочь студентам повысить свое спортивное мастерство было просто некому. Антона закрепили за единственным преподавателем этой дисциплины, который был по горло загружен лекциями и практическими занятиями, поэтому он очень обрадовался, узнав, что Антон будет совершенствовать свое мастерство в центральной секции «Буревестника». Для него как куратора специализирующихся по теннису главным было, чтобы его подопечные не пропускали занятий и хорошо успевали по всем предметам. А добиваться спортивных успехов каждому предстояло самому.

Грачев ходил тренироваться в «Динамо» и приглашал с собой Антона, заверив, что его примут с распластертыми объятиями. Но Антон невнятно пробормотал, что договорился с Ниной Тимофеевной, и Грачев настаивать не стал. Очень многие студенты продолжали тренироваться у своих прежних наставников, хотя те к институту не имели никакого отношения. О своих связях со Швайдецким Антон предпочитал пока помалкивать, тем более что и тот как бы невзначай попросил его об этом.

После первых тренировок Антон убедился, что до классного игрока ему очень далеко. Он рано научился бить с лета, смело выходил к сетке, и это давало ему преимущество в поединках с такими же неоперившимися игроками. Но Швайдецкий с ракеткой в руке быстро доказал, что выходить к сетке после каждой подачи рискованно, это часто оборачивается проигрышем очка. У опытного игрока есть много способов обвести стоящего у сетки соперника. Поэтому не следует торопиться, надо выждать, подготовиться, мощно и активно играя на задней линии.

А прием подачи? Антон над этим мало задумывался, а Швайдецкий, принимая подачу, становился у задней линии и мгновенно парировал посланный мяч, Антон не успевал подбежать близко к сетке, чтобы «врезать» по мячу с лета. Швайдецкий учил наносить удар по мячу как можно дальше после его отскока, чтобы лишить соперника времени, необходимого для выхода к сетке. Антон понял: каждый мяч надо разыгрывать сознательно, исходя из сложившейся в данный момент ситуации, применять разные удары, а не пользоваться только одним, пусть даже хорошо разученным, коронным.

— Сперва думай, потом бей, — наставлял Швайдецкий, легко перехватывая у Антона его коронный удар справа. — Сейчас коротенький надо было, а ты размахнулся. Вот тогда бы я не успел. Не торопись избавляться от мяча.

Сперва Антону казалось, что Швайдецкий успевал к мячу благодаря своему высокому росту и длинным рукам. Но постепенно выяснилось, что тот угадывал его действия, заранее знал направление мяча и не давал застать себя врасплох. Требовалась мгновенная реакция, чтобы за считанные доли секунды найти на площадке ту точку, куда Швайдецкий опаздывает, где не успеет подставить ракетку. Антон учился искать варианты игры, а не только, как раньше, уповать на выход к сетке и удары с лета,

где больше азарта и молодечества, чем трезвости и расчета. Эта наука давалась ему с большим трудом, бывали тренировки, когда у него абсолютно ничего не получалось. Швайдецкий терпеливо и толково объяснял ошибки, показывал, как их исправить. Он никогда не сердился и не подбодрял, как Нина Тимофеевна, был неизменно ровен и бесстрастен. Сколько Антон ни старался, так и не мог понять: доволен Герард Васильевич им или нет?

Говорил он мало, но убедительно. Двумя-тремя фразами обосновывал необходимость нудного, утомительно-го упражнения, которое Антон делал сотни раз подряд. От Швайдецкого он узнал, что ошибка в направлении удара всего на четверть градуса создает разницу в паде-нии мяча у задней линии в десять сантиметров.

— Даже один сантиметр вне площадки, — закончил свое объяснение Швайдецкий, — и судья крикнет: «За!» Очко проиграно. А оно может оказаться решающим.

Антон, не жалея времени, работал над точностью уда-ра. Его жизнью вне корта Швайдецкий почти не интересовался. Не спрашивал, как Нина Тимофеевна, что чита-ет, какой понравился кинофильм. Возможно, он считал его взрослым и не хотел обижать мелочной опекой. А может, просто не любил вмешиваться в чужую жизнь. Однажды Антон ушел с дополнительной лекции, не желая пропу-стить тренировку, и сказал Швайдецкому, что боится по-лучить нагоняй. Декан у них строгий, а староста такой зануда и педант, в жизни не отметит, что присутствовал, хоть на коленях перед ним стой. Швайдецкий мило улыбнулся и ничего не сказал. Антон так и не понял, одобряет он его уход с лекций для тренировки или осу-ждает.

Оптимизма ему, конечно, не хватало, но он постепен-но стал привыкать к приветливому спокойствию Швайдецкого, учился по еле заметным изменениям его лица угадывать, есть ли у него какой-то прогресс или он топ-чется на месте.

Они тренировались на корте, расположеннном в глубоком естественном котловане, недалеко от театра, где работал Швайдецкий. Корт построили полвека назад, тогда его окружали сады и пустыри, а теперь большие многоэтажные дома. Он был когда-то почти единственным, здесь собирались лучшие теннисисты города, теперь же все переместились на корты Центрального стадиона, а этот передали на баланс какому-то проектному институту. Проектанты теннис не очень жаловали, корт большей частью пустовал. Приходили порой артисты покидать мяч, иногда к вечеру появлялись проектанты. Но днем он находился в полном распоряжении Антона и Швайдецкого.

Корт был маленький, неуютный, дома нависали над площадкой, закрывая небо, забеги едва составляли полтора метра, душ не работал. Но Швайдецкому было недалеко отсюда до театра, он начинал здесь, любил этот корт. Антона тоже корт устраивал. Вдали от любопытных глаз даже лучше. В театры на репетиции тоже посторонних не пускают.

Правда, иногда приходили на корт коллеги Швайдецкого по театру, люди уже немолодые, степенные. Они становились вдвоем, а Швайдецкий или Антон кидали им. Играли в медленном темпе, Антон посыпал мячи каждому под руку, чтобы не очень метались по корту.

Однажды артисты решили сыграть друг против друга.

— На мороженое! — азартно размахивая ракеткой, кричал приземистый, с пышной без единого седого волоска шевелюрой.

— Вызов принят! — отвечал второй, салютуя ракеткой, словно шпагой.

Антону понравился их молодецкий задор, он охотно согласился стать арбитром «матча века», так, суммируя возраст участников, окрестил этот поединок приземистый. Но вмешался Швайдецкий.

— Это ни к чему! — он сурово посмотрел на призе-

мистого.— Ты забыл свою последнюю кардиограмму? Играйте для здоровья, а соревноваться... Эмоций и на сцене достаточно.

— Ты преувеличиваешь, Гера, — не соглашался приземистый. — Моторчик у меня немного барахлит, но не настолько...

— Полно, Гера,— хорошо поставленным баритоном поддержал приземистого его партнер. — Не смотри на жизнь так мрачно. Полчаса поиграем, ничего с нами не случится. Зато потом проигравший угостит всех мороженым. Пломбиром высшего сорта.

— Проигравшим будешь ты, — перебил его приземистый. И, вытянув ракетку, закричал: — К барьеру, сударь!

Швайдецкий заговорил снова, но актеры отвечали шутками, и он, исчерпав все аргументы, махнул рукой, словно давал разрешение на поединок. Сев на скамеечку, принялся перетягивать ракетку: эту работу он никому не доверял. Антон громко объявил:

— Поединок века. Счет ноль-ноль.

Соперники начали встречу азартно, забегали, засуетились по всему корту, веселыми криками сопровождая каждый мяч. Вскоре их лица засияли от пота, разрумянились. Приземистый задышал тяжелее, но темпа не снижал. Потом вдруг остановился, бросил ракетку. Лицо сделалось синевато-бледным, он схватился рукой за сердце и заковылял к скамейке.

— «Скорую»! — крикнул Швайдецкий и бросился к актеру.

Антон птицей взлетел по лестнице, ведущей к корту, мигом очутился возле телефона-автомата. Когда он вернулся, актер лежал на скамейке, под головой белел свитер Швайдецкого. Красивой курткой, которую Швайдецкий привез из Парижа, были укутаны ноги. Антон кивком дал понять, что «скорую» вызвал, и на цыпочках отошел в сторону. Все молчали.

«Скорая» прибыла почти мгновенно. По лестнице к корту спускались врач — худая женщина с усталым лицом, санитар с носилками и Леня с большим деревянным ящиком-чемоданом в руке. Он шепотом поздоровался и сразу принялся за дело. Открыл ящик-чемодан, по указанию врача набрал в шприц нужные лекарства, сделал укол. Синева постепенно исчезла с лица актера, он задышал ровнее.

— Ничего страшного. Перегрузочка. Сейчас отвезем домой, полежит пару деньков, и все пройдет. Надо за собой следить. — Врач строго посмотрел на актера. — Годы...

Санитар развернул носилки. Швайдецкий и Леня осторожно перенесли актера. Антон хотел было снять с ног куртку — вещь красивая, дорогая, из-за границы привезенная, — но Швайдецкий помахал рукой: «не надо» и снова подложил под голову белоснежный свитер. Потом погрозил актеру кулаком.

— Всю жизнь советую, и всю жизнь он поступает наоборот.

— Он не оригинал, — улыбнулся Леня. — Есть еще индивидуумы, которым Гера дает советы, а они поступают наоборот. — И обратился к Антону: — Можно к вам прийти покидать? Я на «скорую» устроился. Практика хорошая, деньги тоже пригодятся. К себе на тренировки не хожу, время не совпадает.

— Конечно, можно! — обрадовался Антон.

А Швайдецкий мило улыбнулся, но ничего не сказал. Впрочем, его ответа и не требовалось. Пословица говорит: молчание — знак согласия. Важно, что Швайдецкий не сказал «нет».

Леня пришел на корт через два дня. Антон отрабатывал прием подачи и длинный удар слева. Швайдецкий все время ставил его в неудобное положение, заставляя точно добиваться своей цели. От сильных ударов гулко звучали струны на ракетках.

— Здрасте, затворники! — перескакивая через ступеньки, Леня спускался вниз. Он быстро переоделся и, нетерпеливо постукивая ракеткой, ожидал приглашения на карт. Но Швайдецкий не торопился, и Леня не выдержал: — Гера, дай сменю!

Швайдецкий отказался, предложил Лене для разминки стать рядом с Антоном. Они заиграли спокойно, чтобы Леня разогрелся. Потом чуть быстрее.

— Вы уже играли вместе? — спросил Швайдецкий.

Антон и Леня глянули друг на друга, не зная, кому первому отвечать. Потом рассмеялись и стали рассказывать хором. Швайдецкий опустил ракетку, еще раз придиричivo осмотрел их, словно видел впервые.

— Если бы ты, Лесик, взялся за ум, вы могли бы стать отличной парой. Работать тебе надо, как Антон.

Леня подбросил ракетку и ловко поймал. Он что-то думал, прикидывал, не торопился отвечать. К удивлению Антона, Швайдецкий проявил нетерпение. Отбросив обычную сдержанность, назидательно говорил Лене:

— Ты третий курсник. Студент со стажем. Освоился уже. Можно теперь теннису уделять больше времени.

— Ты прав, Гера. — Согласно кивнул головой Леня. — Берусь за ум. А вдруг мы с Антоном заиграем классно?

Теперь на тренировки Леня приходил регулярно. А вскоре появился и Грачев. Его привел Леня, чтобы тот играл в паре со Швайдецким. Тренировались весело, в охотку; впервые Антон услыхал от Швайдецкого несколько одобрительных слов.

Зимой Антон вышел в финал первенства города и уступил Кливаку, который входил в десятку сильнейших республики. Швайдецкий впервые выступил как официальный тренер Антона. Хотя Антон и проиграл, но все поздравляли Швайдецкого, а Кливак громко сказал:

— Гера, в твоих руках самородок! Готовь мешок для золотых медалей!

И, шуткой прикрывая опасение за будущее, добавил, что чувствует себя чемпионом города в последний раз.

Леня в личных соревнованиях выступил неудачно, выбыл еще в четвертьфинале, но в паре с Антоном они выступили здорово: разделали Кливака и Кириченко в финале за полчаса.

— Что я говорил! — У Кириченко было такое счастливое лицо, словно победителем оказался он. — Золотая пара! Я их сразу заметил.

Но Кливак перебил его: дескать, это он первый понял, что Леня и Антон созданы друг для друга. Они стали ворчливо препираться, а Леня и Антон со счастливыми улыбками слушали их пикировку.

Антона и Леню ввели в сборную города, выделили время на зимнем корте для тренировок, прикрепили к массажисту и врачу. Швайдецкий работал с ними усердно. Оказалось, и он умеет сердиться: они готовились к первенству республики, и он очень хотел, чтобы его ребята показали хороший результат.

— К призовому месту вы еще не готовы, — предупредил он. — Не настраивайте себя, чтобы не разочароваться. Боритесь смело, но не раскисайте, если проигрываете.

Швайдецкий не ошибся. Они дошли только до полуфинала. Многочего им еще не хватало, главное — опыта в соревнованиях. Но их хвалили, старший тренер молодежной сборной страны занес их фамилии в свой блокнот. Это было первым успехом.

В феврале Антона и Леню пригласили на оздоровительный сбор в Приэльбрусье. Туда съехались молодые перспективные теннисисты со всех республик. Швайдецкий, провожая их, говорил:

— Походите на лыжах, запаситесь кислородом. Сезон предстоит нелегкий. О теннисе тоже не забывайте.

— Будет сделано, — вытянулся по стойке смирно Леня, а Швайдецкий, уловив лукавинку в его глазах, обратился к Антону:

— Ты за ним последи. Он человек несерьезный.

В гостинице их встретили приветливо. Дежурный администратор на секунду задумалась: «куда поселить?»— а потом решительно сказала:

— Восемьсот двадцать пятый!

— Восьмой этаж? — мгновенно отреагировал Леня.— А пониже нельзя?

— Благодарить должны, — администратор понимающе кивнула на ракетки, выглядывавшие из спортивных сумок. — Там сборники страны жили. К Кубку Дэвиса готовились. Наберетесь чемпионского духа.

— Пошли, — Антон взял ключ и зашагал к лестнице.

— Возьми мою сумку, я сейчас, — проговорил Леня, неожиданно потерявший интерес к номеру, оставил Антона одного и выскоцил из холла гостиницы на улицу.

Антон растерянно глянул на администраторшу, она улыбнулась («Бывает») и ничего не сказала. Он вернулся за Лениной сумкой и зашагал по ступенькам.

Номер был уютный, на стене висело большое зеркало. На тумбочке лежал последний номер журнала «Теннис». Антон не успел его купить перед отъездом и сразу начал перелистывать. Нашел статью Ньюкомба о технике подачи, углубился в чтение.

— Эй, книгочай! Закрывай читалку! Пойдем на улицу за кислородом!

Леня вырвал из рук Антона журнал и швырнул на тумбочку.

— На турбазе напротив ленинградцы. Девушки в группе — просто ансамбль «Березка». С одной я уже познакомился. Завтра они идут на прогулку в горы, можно пристроиться. Да и у нас свободный день: тренировки начнутся послезавтра.

— Зачем тебе эти ленинградки? — Антон не разделял Лениных восторгов. — Мы сюда приехали не для прогулок с девушками. Предлагаю другую программу.

— Какую?

— Утром кросс. После завтрака теннис. Здесь отличный крытый корт.

— Зачем кросс? — удивился Леня.

Антон взял с тумбочки журнал, полистал его и показал Лене заметку о знаменитом австралийце Лью Хоаде.

— Читай! Хоад ежедневно утром и вечером пробегал несколько километров, делая по тридцать-сорок рывков за пробежку. Поэтому он на зависть соперникам так быстро передвигался по корту. Хоад говорил: если он день не бегал, то терял уверенность в своих силах и по корту двигался медленнее.

Леня слушал Антона и смотрел в окно. Слова товарища отскакивали от него, как мячик от тренировочной стенки. Он вдруг резко повернулся.

— Дался тебе этот Хоад. Аллах с ним. Пошли на воздух. Погода прекрасная.

Антон тоже посмотрел в окно. Небо синее-синее, яркое февральское солнце резало глаза, горы казались неправдоподобно близкими. У крыльца турбазы толпились девушки. В ярких свитерах и шапочках, с разрумяненными лицами на фоне этого белого безмолвия они казались особенно красивыми. Антон понял, что говорить с Леней о кроссе и тренировках сейчас бессмысленно. Теперь до него дошел смысл сказанного Швейдецким на перроне.

Жили они на сборе раздвоенной жизнью. Тренировки вместе, а досуг — врозь. Антон даже в свободное время думал о теннисе. Шел на корт и смотрел, как играют другие, изучал кинограммы лучших игроков мира, стараясь что-то у них перенять, попробовать на корте. В журнале напечатали кинограмму новой современной подачи, он показал ее Лене. Решили разучить и три дня проверяли несколько ее вариантов, но результата не было, получалось плохо. Обычно после обеда они спали, а затем их пути расходились. Леня шел в гости к девушкам, Антон же чаще всего бродил где-нибудь неподалеку, любуясь горами и размышляя на досуге.

В тот день его занимала мысль: «Почему не получается?» И вдруг он увидел подачу, словно на экране. Вот черт! Где была его голова? Все же так просто! Он круто свернулся, бросился вперед и чуть не сбил с ног какого-то парня с гитарой. Быстрее на корт, надо немедленно попробовать!

За огромными окнами корта — темнота. Вахтер объяснил, что сгорел предохранитель, ждут ремонтников. Все вечерние тренировки отменены. Антон заторопился в гостиницу. Встал с ракеткой против зеркала, несколько раз проделал движение, имитируя подачу. Пришел Леня и закричал с порога:

— Ура! Идем на «Коробейников»! Девчонки два билета достали!

Популярный вокально-инструментальный ансамбль «Коробейники» давал в киноконцертном зале только два представления. Билеты давно проданы, желающих гораздо больше, чем мест в зале. Об этом концерте говорили уже два дня в столовой, у подъемника, на танцах — везде, где собиралась молодежь. Но Антон остался совершенно равнодушным к сообщению.

— Ты знаешь, я, кажется, нашел. — И сделал движение ракеткой над головой. — Как?

Леня ничего не ответил, поспешил сбросил спортивный костюм, в котором днем ходили все, быстро натянул брюки, одел модную рубашку и принялся завязывать галстук. Только потом сказал:

— Бросай ракетку. Одевайся. До начала осталось полчаса. Завтра разберемся.

Антон не хотел ждать до завтра. Разве можно идти в концерт, если он нашел нужное движение? Три дня бились над этим, и вот наконец. Он снова сымитировал подачу перед зеркалом. Есть, есть, попалась, рыбка.

Леня в темно-сером костюме выглядел весьма элегантно. Он молча отодвинул Антона от зеркала и при-

нялся тщательно причесываться. Закончил и посмотрел на Антона, который чувствовал себя немножко неловко: товарищ приложил немало усилий, чтобы достать билет... Но ведь подача получается. Неужели Леня не понимает, что ее нужно отработать? Может, сказать ему? Но вместе этого он промямлил:

— Билет, надеюсь, не пропадет?

— Ненормальный. С руками оторвут. Эх, повезет кому-то сегодня.

Антон видел из окна, как Леня пересек улицу и побежал к крыльцу турбазы, где его уже ожидали парни и девушки. Он им, очевидно, сказал об отказе Антона, и они удивленно замахали руками.

Антон отошел от окна. Возможно, они и правы, считая его чудаком. Но он зайдется подачей. Одним концертом больше, одним меньше, он свое наверстает. А вот подача... Сильная, мощная, пушечная подача необходима ему сегодня. Многие знаменитые теннисисты и тренеры считают, что такая подача — половина победы.

Возможно, все это надо было сказать Лене, но он заранее знал его ответ: «За пару часов, проведенных на концерте, ничего из памяти не выветрится». Нет, он не может так быстро переключаться, как другие, у него это никогда не получалось.

До позднего вечера упражнялся Антон перед зеркалом с ракеткой, стараясь отработать и закрепить нужное движение. Когда Леня вернулся, он еще не спал. Леня не стал распространяться о концерте, чтобы не упрекнуть Антона, что тот зря отказался. Он только спросил, получилась ли подача, и, услыхав утвердительный ответ, добавил, что завтра непременно попробует ее на корте. Улегся в кровать, повернулся лицом к стене и мгновенно уснул.

Умение не навязывать свои вкусы, уважение к чужим поступкам, какими бы смешными они не казались, больше всего нравилось в Лене друзьям. Всегда приветливый

и тактичный, доброжелательный, может, излишне миролюбивый, он быстро находил контакт со всеми, легко завязывал знакомства с окружающими. Уже через неделю знал всех в гостинице, дежурной по этажу посоветовал лекарство от головной боли, а ее сменщице — учащейся заочного техникума — решил задачки по химии. Он всегда был готов помочь любому, и Антон его немножечко ревновал, считая, что Леня мало внимания уделяет ему и теннису.

Так прошло две недели. В первый день третьей, еще до завтрака, к ним постучалась дежурная по этажу. Леня вызывали к телефону. Когда Антон подошел к столику дежурной, где стоял телефон, чтобы отдать ключ, Леня уже закончил разговор, и мысленно находился где-то очень далеко.

— Из дома звонили? Неприятности?

Леня неопределенно пожал плечами и двинулся к лестнице: они опаздывали на завтрак. По дороге Антон повторил вопрос, и Леня объяснил, что спецкурс по травматологии, который читает известный всей стране профессор, начинается завтра, а не через две недели, как планировали. Ну и что, подумал Антон, стоит ли переживать из-за нескольких пропущенных лекций? Большинство из участников сбора — студенты, и все они получили разрешение пропустить занятия.

— Дело не в разрешении, — сказал Леня. — Это же спецкурс. Учебников нет.

— Конспекты у ребят возьмешь.

— Эх, ты, — Леня посмотрел на Антона, как старший брат смотрит на младшего — несмышленыша, добродушно и снисходительно. — Разве все перепишешь? Травматология — моя будущая специальность. Мне надо самому слышать. И видеть. Кроме лекций, будут и практические занятия.

Их разговор оборвался — по пути к ним присоединились другие участники сбора.

После завтрака все отправились на корт. Тренировались смешанные пары. Леня играл с Ирой Казаковой, Антон — с Верой Тузиковой. В ней трудно было узнать худенькую болезненную девочку, которая училась в спортивном институте. Она очень окрепла, прибавила в игре. На первенстве города среди студентов (после интерната Вера поступила в нефтяной институт) ей удалось занять первое место. Здесь, на сборах, она пользовалась вниманием у многих парней, но открыто симпатизировала Лене. А он был с ней вежлив и предупредителен, как и со всеми теннисистками, но ухаживал за девушкой из ленинградской туристической группы.

Вера переживала. Антон это заметил и рубанул напрямик.

— Зачем ты делаешь из себя мишень для острот? Языки у всех — как бритвы. Каждый готов демонстрировать свои успехи в остроумии. — И, видя, как вспыхнула Вера, попытался смягчить свои слова: — Ну что ты в нем нашла? Парень как парень.

— Много ты понимаешь, — сдержанно возразила Вера. — Он, знаешь, что для меня сделал? Я это только потом сообразила.

— Что сделал? — спокойный от природы, Антон на этот раз заволновался. — Говори! — Все, что касалось Лени, вызывало у него повышенный интерес. — Или это тайна? Секрет?

Вера минуту поколебалась, а потом рассказала, как Леня с Ирой нарочно проиграли ей и Грачеву микст на встрече ДЮСШ и спортивного института.

— У меня тогда решалось: остаться в спорте или уйти. Для меня эта победа больше значила, чем соломинка для утопающего. Как говорится, дорога ложка к обеду. Леня протянул руку вовремя.

Антон недоверчиво покачал головой.

— Фантазируешь, Верочка. Случайное стечание обстоятельств. Чтобы Леня сплавил игру? Он просто не-

ровно играет. Ему бы стабильность — был бы первая ракетка страны. А может, и Европы.

— Стабильность, первая ракетка, — передразнила Вера. — Ничего ты в человеке, кроме тенниса, не видишь...

Больше они к этому не возвращались, каждый остался при своем мнении. После обеда Леня сообщил, что через час уезжает, с начальством договорился. Антон убеждал остаться до конца — всего одна неделя. Но дождь Лени оказалась сильнее. Они попрощались, и Леня уехал.

Во время ужина речь зашла о Ленином отъезде.

— Сумасбродство, — заявила Ира Казакова. — С кем мне завтра тренироваться? И Антону?

— Пижон, — констатировал москвич, который сидел за одним столом с Верой Тузиковой. — Тоже мне жрец науки. Подумаешь, спецкурс. Брехня. Ленинградка уехала, вот и он укатил. Как говорят французы, ищи женщину.

— Пошляк, — напустилась на него Вера. Щеки у нее пылали от негодования. — Ты ему завидуешь, потому что сам к ленинградке подъезжал.

— А ты защищаешь, потому что ревнуешь, — не остался в долгу москвич. Мы здесь не дурака валяем, а работаем до седьмого пота. Нам предстоит защищать честь страны за рубежом. Я, может быть, высокопарно говорю, но это так. Верно, ребята? — Он посмотрел вокруг и увидел почти на всех лицах, кроме Вериного и Антона, одобрение. — Если по-честному — это дезертирство, — закончил он резко и зло.

Москвич смотрел на Антона, ожидая ответного выпада, но тот молча допивал чай. Когда они выходили из столовой, Антон незаметно придержал Веру за локоть. Они чуть отстали, ровно настолько, чтобы их слова не были слышны остальным.

— Ты была полностью права, Верочка. Полностью! Насчет той игры.

— Кто тебя убедил? — Вера остановилась, внимательно посмотрела на Антона. Может, он ее разыгрывает? Не похоже. Да и не в его характере. — Кто тебе сказал об этом?

— Леня. Перед отъездом.

Леня быстро сложил вещи в чемодан, проверил, хорошо ли защелкнулись замки, посмотрел, не осталось ли чего в тумбочке. Присел перед дорогой. Антон молчал, не начинал разговора и Леня. Пауза затягивалась.

— Неужели спецкурс так важно? — не выдержал Антон.

Леня встал, подошел к окну, посмотрел на снежные шапки гор и коротко вздохнул. Видно было, что уезжать ему не очень хотелось.

— Спецкурс не главное. О переносе лекций я знал еще до отъезда. Но, — он поднял руку, предупреждая привавшийся из уст Антона вопрос, — дело в другом. Только прошу, никому ни слова. У нас на «скорой» с кадрами туговато. Каждый человек на счету. Мне позвонил Володя Мельник, фельдшер. Его в отпуск непускают, потому что заменить некем.

— А что за срочность? Путевка в санаторий?

— Да нет. К девушке ему надо ехать. На Алтай. Жениться. — Леня посмотрел в недоумевающие глаза Антона и развел руками. — Я и сам толком не пойму. Но он по телефону умолял. Судьба, говорит, решается. Если не поеду и не привезу, за другого выйдет.

— А он не врет? — робко предположил Антон.

— Нет, — сразу отмел подозрения Леня. — Сказал — судьба решается. Несколько раз повторил. Я людям верю. Уеду на неделю раньше, ничего не случится. А у Володи... Только прошу: никому об этом. Люди не всегда правильно понимают.

И вдруг Антон вспомнил разговор с Верой Тузиковой. Спросил напрямик:

— Помнишь, ты с Ирой против Веры и Грача играл?
Так ты что — подарил им игру?

От слова «подарил» Леня поморщился, но объяснил все быстро и коротко. Ира перед встречей рассказала ему, что Вера хочет уходить из спортинтерната и бросать теннис. Ничего у нее не получается, она много проболела, потеряла веру в свои силы. А на площадку как раз пришел директор спортинтерната, у нее и ноги подкосились. Вбила себе в голову, что если проиграет — ее отчислят.

Леня очень похоже изобразил, с каким лицом двигалась по корту Вера. Антон невольно улыбнулся, хотя на душе кошки скребли. Но Леня ухватился за эту короткую улыбку, он хорошо понимал состояние товарища и продолжал рассказывать с юмором. Однако юмора хватило ненадолго, разговор перешел на серьезные рельсы.

— Я ей несколько раз кинул под удар и пропустил мячик. Она повеселела. Еще раз кинул под правую, она ударила от души. Сама очко выиграла. Ты знаешь, что с человеком радость делает? Чудеса. Когда ее директор поздравил с победой, руку даже пожал, совсем другая девушка стояла на корте. Смелая, отчаянная, море по колено. А вышла — от ветра качалась.

— И никто ничего не понял?

— А что понимать? — удивился Леня. — Они потом с Грачом так заиграли, что дай бог. Сами управились.

Два месяца после сбора Антон тренировался особенно напряженно. Не отставал от него и Леня. Швайдецкий играл с ними до изнеможения, скрупулезно анализировал каждый мяч, заставлял исправлять ошибки после основной тренировки. Они готовились к поездке в Кисловодск на всесоюзный турнир и проверили свои силы на Мемориале Котенюка в Среднегорске. Евгений Котенюк, известный теннисист, прославился во время войны как пар-

тизанский разведчик. Во время одной из операций он погиб. В его честь и проводится мемориал.

Первый приз — миниатюрный бюст легендарного партизанского разведчика — достался Лене. В полуфинале он в затяжной борьбе вырвал победу у Антона, а в финале показал великолепное чувство игры, которое характеризует теннисистов высокого класса. Его соперник Иржи Кратохвил (на мемориал приезжали и зарубежные игроки) взвинтил темп и взял две партии подряд. В третьей он вел четыре-ноль, но Леня заметил, что чехословацкий теннисист уже на пределе своих физических возможностей: взятый темп оказался для него непосильным. Леня успел во время двух партий изучить соперника и закидал его мячами в одну сторону, в неудобную для него точку.

С лица Швайдецкого не сходила счастливая улыбка. Его Лесик показал не только отличную технику и бойцовский дух, но и тонкое понимание тенниса. Это все тренеры ценили очень высоко. Один из них высказался в присутствии Швайдецкого, Лени и Антона без всякой дипломатии.

— Лесик в Кисловодске будет первым. На волне сейчас парень.

Леня густо покраснел, а Швайдецкий, который обычно не любил таких бесцеремонных прогнозов, особенно в присутствии игроков, на этот раз промолчал, сделал вид, что не рассыпал. Очевидно, он и сам был такого же мнения.

Швайдецкий предложил выехать на неделю раньше, чтобы акклиматизироваться, да и к кортам приспособиться не мешает. Но Леня с огорчением развел руками.

— Не могу. Зачет по спецкурсу.

— Перенеси на осень, — посоветовал Швайдецкий. — Я договорюсь в деканате. Уверен, что пойдут навстречу.

— Пойдут, — подтвердил Леня, — Я сам не хочу. С группой сдавать легче.

Швайдецкий такого довода не принял. Сказал, что эти соревнования для Лени много значат, стал настаивать, убеждать, ссылаясь на законы большого спорта. Леня сначала отшучивался, а потом жестко закончил:

— Не люблю хвостов. К началу успею. Все будет в порядке.

Антон по лицу Швайдецкого увидел, что отказ Лени его огорчил, даже обидел. Но Герард Васильевич умел сдерживать свои эмоции, как всегда, церемонно попрощался и ушел. Тогда разговор продолжил Антон.

— Неужели какой-то зачет важнее всесоюзного турнира? Я два экзамена перенес, а про зачеты и не говорю. Герард Васильевич совершенно прав. Большой теннис требует жертв, потому что...

— Не повторяй чужих слов, если не понимаешь, — рассердился Леня. — Жертва нужна, когда нет иного выхода. Ты сколько экзаменов отложил? Хвостов больше, чем в зоопарке. Как теперь выпутаешься?

— Возьму академотпуск, — глухо ответил Антон. Слова Лени попали в точку и больно укололи. Он, не задумываясь, переносил экзамены, если сессия совпадала с соревнованиями. У него и в мыслях никогда не было возражать тренеру. — Выпугаюсь. Вернемся из Кисловодска...

— А там на носу чемпионат Союза, — зло перебил Леня. — Так можно и с институтом распрощаться. Такие случаи бывали. Никто не разрешит тебе быть вечным студентом. А насчет жертв Герард Васильевич в данном случае неправ. Тренера надо слушать, но и свою голову на плечах иметь.

Впервые они спорили так резко, впервые Антон услышал, что Герард Васильевич неправ. И хотя Леня говорил убедительно, веско, он упорно возражал ему, потому что не хотел верить в неправоту Швайдецкого: жилось значительно легче, когда за него решали другие, а он выполнял.

Спор не закончился ссорой. Леня, увидев, что Антон растроян, круто оборвал разговор, обнял товарища за плечи.

— Ладно, не все сразу. Придет время, и ты поймешь, что в жизни главное, а что — второстепенное. А насчет соревнований не тревожься. Дня на акклиматизацию хватит.

Возможно, все так и получилось бы, но, на беду, погода стояла нелетная, и Леня поехал в Кисловодск поездом. День, который планировал на акклиматизацию, пришлось провести в дороге. Прямо с вокзала он отправился на корт.

Дома было еще холодно, ходили в пальто, а здесь весна выпала ранняя, жаркая и высота сказывалась. Леня всегда медленно привыкал к среднегорью, а соперник ему попался из местных, чувствовал себя, как рыба в воде. Играли он медленно, сильным ударом не владел, но ориентировался хорошо и знал цену каждого очка. Это выяснилось уже после первого гейма.

— Темп, темп. Чаще к сетке, — дал Лене установку Швайдецкий. — Держи его под прессом. Он потеряет ориентировку, тогда игра твоя.

Но Леня никак не мог взвинтить темп, действовал вяло, словно сонный. Решил «перекачать», надеясь на силу и точность своего удара с задней линии. Но такая тактика вполне устраивала соперника, который прочно сидел на задней линии и перекидывал все мячи. Пришлось Лене зачехлить ракетки и отдохнуть денек до начала парных встреч.

Швайдецкий ушел с корта поникшим, вдруг постаревшим. Антон не думал, что он будет так переживать. Особенно его прибила фраза тренера, который давал в Среднегорске оптимистический прогноз.

— Калиф на час. Психологически неустойчивый. Игрок настроения.

Антона перед турниром тоже прочили в призеры, и он

оправдал надежды. По корту носился метеором, и если кое-кому уступал в технике, то по силе и выносливости опережал всех. От радости, когда ему вручали приз, чуть не выронил хрустальный кубок. Штука оказалась довольно тяжелой. Никогда не думал, что стекло может столько весить.

В паре с Леней все выходило, как по нотам. Им хлопали, за них болели, кто-то пустил по рядам: «Кузнецы!» И верно, все у них получалось ладно, дружно, перестучали они всех соперников и выковали себе первое место.

Говорят, что успехи, как и неудачи, идут косяком. В институте Антона поздравляли, декан пожал ему руку и пожелал не почивать на лаврах. На втором этаже, где висела доска объявлений, появился плакат: «Поздравляем победителя!» Это была традиция. Антон не раз читал там имена студентов, добившихся побед на чемпионатах мира и страны. Вот и его удостоили такой чести. Теперь о нем узнал весь институт. Незнакомые парни просили показать приз, хлопали по плечу. Пару дней было приятно, потом надоело, стало раздражать. И в этот момент Грачев принес новость.

— Тебя утвердили первым номером на «Кубок надежд».

— Меня? — переспросил Антон, стараясь скрыть радостное волнение.

Поездка за рубеж на соревнования, где выступали теннисисты не старше 25 лет. В глубине души он мечтал об этом, но чтобы все получилось так скоро? Волнение улеглось.

— Кто пара? — поинтересовался Антон, зная, что каждая команда проводит две личные и одну парную встречи.

Грачев сделал важное лицо и, хотя институтский коридор пустовал, понизив голос, сообщил, что Швайдецкий настаивает на паре Антон — Леня.

— Что решили? — быстро спросил Антон.

— Пока ничего, — многозначительно ответил Грачев. — Гостренер против Лехи. Нестабильный. Говорит, что успех вашей пары — твоя заслуга. Тебе подыскивают другого партнера.

Антон мучительно покраснел. Он почувствовал перед Леней какую-то вину: его утвердили в зарубежную поездку, а Леню нет. Как можно говорить, что в паре только он играл, а Леня подыгрывал? Чепуха. Эх, выступи Леня удачно в личных соревнованиях, и разговоров не было бы. Не мог этот несчастный зачет отложить и приехать пораньше.

— Один хвост не по своей вине — большое дело. А так поездка за рубеж ухнет...

— Ты что бормочешь? — толкнул его Грачев. — Я думал, от радости прыгать начнешь, а ты глаза закатил и бормочешь. Молишься? Кончай! С тебя полкило мороженого!

— Пошли, — решительно сказал Антон, и они спустились вниз в институтскую столовую, где всегда продавалось мороженое. О своих переживаниях за Леню Антон рассказывать не стал. Грачев жил по принципу или-или, твердо стремился к достижению своей цели. Сомнения и переживания Антона были ему непонятны и вызывали только ironию.

Вечером на тренировку вместе со Швайдецким пришел государственный тренер по теннису, молодой еще мужчина, в прошлом довольно известный волейболист. Почему именно его назначили в спорткомитете отвечать за теннис, Антон не знал, но сразу почувствовал к нему неприязнь. Он искал ее причины во внешности («насмешливая улыбка, хитринка в глазах») и в его спортивном прошлом («что он понимает в теннисе?»), хотя главной была обида за Леню. С уверенностью, свойственной возрасту, Антон мысленно спорил с гостренером. Как вы можете рассуждать иначе, если Герард Васильевич считает меня с Леней лучшей парой? Он в нас не сомнева-

ется. А вы? Кто вам дал право сомневаться? Но вслух ничего не сказал, а вышел с Леней на корт.

Швайдецкий и гостренер устроились на скамеечке возле раздевалки и время от времени посматривали на Антона и Леню.

«Ну что он смотрит, — злился Антон. — Много понимает. Герард Васильевич уговаривает его, как красную девицу, а он только головой мотает. Не соглашается?»

Антон находился далеко и слышать разговора не мог. Но не сомневался: говорили о Лене. Лене устраивают смотрины. И он начал подыгрывать товарищу, посыпая ему мячи под удар, чтобы представить в лучшем свете.

— Ты как играешь? — рассердился Леня. — Что за поддавки?

Сказать Лене правду Антон не решился, заиграл нормально, а сам посматривал в сторону Швайдецкого и гостренера, мысленно участвуя в их беседе. Играли плохо, часто мазал, забыв, что это могут быть и его смотрины. Но о себе он почему-то не думал, а когда Швайдецкий и гостренер уже стояли возле раздевалки и прощались, подошел к ним и, стараясь быть спокойным, спросил:

— Скажите пожалуйста, кого со мной посыпают в паре?

Гостренер улыбнулся чуть насмешливо, хитринки застыгали в его глазах.

— Еще не решили. Думаем.

— Не стоит думать. С другим играть не буду. Совсем не поеду.

— Как не поеду? — повысил голос Швайдецкий. — Ты что, в детском саду? Буду — не буду. Тебе оказываю высокую честь, посыпают от имени страны за рубеж...

— Минутку, Герард Васильевич, — осторожно прервал его гостренер. — Он еще не все сказал.

— Не все, — подтвердил Антон. — Я понимаю, не маленький: выиграть надо. Вот мы с Леней и выиграем. Мы

не просто пары — друзья. А сойдусь ли я с новым человеком? Вопрос.

— Резонно, — протянул гостренер. — Для победы дружба вещь немаловажная.

Он лукаво прищурился на Антона, повернулся к Швайдецкому.

— Лихой парень. С таким можно и кубок привезти.

Протянул руку Антону, попрощался со Швайдецким и зашагал к воротам. Антон проводил его взглядом.

— Ушел. А насчет Лени ничего не сказал.

— Непросто это. — Швайдецкий тоже провожал взглядом гостренера. — Ты игрок, можешь ошибиться. Даже проиграть. Это все поймут. А он человек государственный, у него ответственность. Семь раз отмерь. А может, и десять. Но носы не вешать. Я еще поборюсь. Есть кое-какие аргументы.

— Антон, ты чего на человека налетел? — вступил в разговор Леня. — Прешь, как паровоз. Хочешь меня силой пробить.

— А чего стесняться? — пожал плечами Антон. — Имею я право высказать свое мнение?

— Все правильно, — сказал Швайдецкий. — Бывают ситуации, когда надо и пробивать.

Подействовали ли аргументы Швайдецкого или лихой наскок Антона, но через день на тренировку прибежал Грачев и, захлебываясь словами, сообщил, что Леню утвердили.

— Заливаешь, — усомнился Леня.

Но минут через десять появился Швайдецкий и подтвердил:

— Все в порядке. Едете оба.

Леня крепко обнял Антона.

— Спасибо. Вытащил ты меня, как на буксире.

— Да брось, — отмахнулся Антон. — При чем здесь я. Он посмотрел — парень в порядке. Мало ли что ему наговорили. А на мой разговор он ноль внимания.

Сбор проходил на загородной базе, где обычно готовились к ответственным соревнованиям. В палате стояли три койки, одна пустовала. Ждали второго номера команды, Швайдецкий сказал, что приедет парень из Москвы или Ленинграда. Гостренер решил, что Леня должен выступать только в паре. Швайдецкий с ними на сборе не жил, приезжал на утреннюю тренировку; вечером он участвовал в спектаклях, и они тренировались сами.

Прошла неделя, койка пустовала. Может, решили, что вторым номером будет Леня? Но Леня решительно опроверг эту версию. Он прямо сказал Антону, что в личных соревнованиях не потянет. Каждый должен трезво оценивать свои возможности. В паре с Антоном он чувствует себя уверенно, а на личную игру его не хватает. Если бы он больше тренировался, другой разговор. Антон возмутился, сказал, что Леня трус, боится ответственности. Он уверен, Леня может сыграть на втором номере не хуже многих, даже этих из Москвы и Ленинграда. Он видел их на турнире в Кисловодске — звезд с неба не хватают.

Спор пошел на высоких нотах, они не заметили, как отворилась дверь и на пороге появился Швайдецкий.

— Извините, не постучал. Но вы так кричите...

— Герард Васильевич, пусть Леня едет вторым. Не подведет. Все равно не могут подобрать.

— Подобрали, — торжественно провозгласил Швайдецкий. — Прошу любить и жаловать.

Он сделал шаг в сторону и в дверном проеме, словно в раме, застыл на пороге Грачев. Сделал поясной поклон, помахал воображаемой шляпой, а потом, издав пронзительный гортанный вопль, прыгнул в комнату.

На шум и крики прибежала дежурная по этажу, но обаяние Швайдецкого подействовало на нее, предотвратило конфликт. Мило улыбаясь, дежурная ушла, а Леня и Антон приготовились слушать Грачева, который лихо бросил спортивную сумку на свободную койку и присел

возле стола, чтобы проинформировать о причинах своего появления на сборе.

Фортуна широко улыбнулась Грачеву. Никто из предполагаемых кандидатов не смог приехать на сбор. И тогда выбор пал на Грачева, который числился в резерве, крутился возле гостренера в спорткомитете и вообще был на глазах.

— Грач — птица везучая, — резюмировал Леня.

Но Грачев замахал руками и принял с жаром доказывать, что знает манеру почти всех зарубежных игроков, а это не пустяк.

— Теоретически, — заметил Леня.

Грачев не обратил на это внимания, продолжал расписывать свои достоинства и закончил словами, что команду не подведет. Кроме того, он прилично говорит по-французски и будет переводчиком. Последний довод был абсолютно справедливым и, как потом выяснилось, стал главным фактором, обеспечившим поездку Грачева на турнир «Кубок надежд».

Вторая новость, которую сообщил Швайдецкий, вызвала новый взрыв восторга. Его утвердили старшим тренером команды, он едет с ними на турнир, с сегодняшнего дня взял в театре отпуск и будет жить на сборе.

Швайдецкий впервые выезжал на соревнования за рубеж как тренер и очень волновался. Одно дело, когда ты сам с ракеткой в руке добиваешься на корте победы своей команды, а попробуй, сидя на скамейке, спокойно наблюдать, как твой подопечный делает раз за разом ошибки при подаче. А иногда проявляет такое безволие, что не хватает никаких сил сдерживать себя, чтобы не заорать на весь стадион: «Да играй же, наконец, черт побери!»

Трения начались с первых дней. Леня и Грачев бегать кроссы, как Антон, категорически отказались. Утреннюю зарядку они делали с неохотой, только из уважения к Швайдецкому. На беге и зарядке он не очень настаивал,

сам никогда не бегал — любил поспать подольше, но на корте он им спуску не давал, играл наравне, хоть и уставал, не делая себе скидки.

Курортный городок во французских Альпах, где им предстояло играть, славился своим теннисным стадионом. Там имелись открытые и закрытые корты, бассейн. Центральный корт находился в естественной впадине, на склонах располагались трибуны. Зрители чувствовали себя отлично, а игрокам, особенно в жаркую погоду, доставалось. Швайдецкий, который не раз там выступал, сказал, что игроки прозвали этот корт «паровым котлом». Стоячий воздух здесь иногда нагревался, словно в сауне.

Первыми соперниками по жребию оказались венгры. Антон начал встречу осторожно, сильные и точные удары чередовал с выходами к сетке. Постепенно усиливал игру и принес команде первое очко.

Воодушевленный его победой, Грачев повел встречу в быстром темпе и взял первый сет. Во втором стала сказываться усталость. Дышал он тяжело — термометр в тени показывал плюс тридцать пять, «паровой котел» давал о себе знать. Неэкономно растратченная в первом сете энергия подвела. В перерыве Грачев устало сидел в раздевалке и плохо слушал Швайдецкого, который наставлял его на решающий сет. Венгр тоже устал и волновался не меньше Грачева: они взаимно ошибались, счет геймов колебался.

— Три-три! — объявил судья.

Зрители притихли. Стрелка игры только на мгновение застыла у деления равновесия. Теперь достаточно крохотного волевого усилия, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. У кого на это хватит сил?

— Ну, Грач, соберись, — шептал Антон, пока тот готовился к подаче.

Но Грачев был уже на пределе, собраться оказалось выше его сил. По тому, как сосредоточился венгр, как он

переминался с ноги на ногу, готовя себя к стремительному рывку вперед, было ясно: он понимал, что в этот момент решается судьба встречи.

Грачев дважды вышел к сетке и сыграл с лета. Но не убил мяч, а переправил венгру. Боязнь промаха сковала, словно панцырь, мешала действовать решительно. Соперник воспользовался подарком и не дрогнул. Его косые удары достигли цели. Потерявший самообладание Грачев сделал двойную ошибку на подаче, а затем позволил обвести себя. Два последующих гейма он тоже проиграл всухую, а в раздевалке сразу стал оправдываться, ссылаясь на духоту и жару.

— Посмотрите, сколько здесь машин! Этот проклятый смог висит над городом, словно дымовая завеса. Дышать нечем. Надо было раньше приехать для акклиматизации.

— А венгр чем дышал? Кислородом?

Грачев не ответил на злую реплику Антона и отвернулся. Швайдецкий сделал знак, чтобы оставили Грачева в покое. Чего зря пилить, вечером в спокойной обстановке разберутся. Теперь успех команды зависел от игры пары.

Леня и Антон парную игру взяли без особых усилий. Все у них получалось легко и красиво. В раздевалке их встретил улыбающийся Грачев.

— Молодцы, кузнецы! Так держать!

Он уже успел смыть грехи в бассейне, чувствовал себя преотлично («Команда победила!») и предложил прошвырнуться по магазинам. Леня выдвинул свою идею: пойти в этнографический музей. Он читал, что здесь собраны уникальные экспонаты античного мира. Интересно посмотреть, как жили предки.

Антон уходить с корта наотрез отказался. Он хотел познакомиться с игрой своего завтрашнего соперника японца Касамары. И на других парней не грех взглянуть, что-нибудь интересное увидишь.

— Да пошли они в путь-дорогу, — высказался Гра-

чев. — Ошалеешь целый день на кортах. Нам Трандафилов все расскажет.

Японцы играли с болгарами, а Трандафилов учился в институте физкультуры и одно время даже жил с Грачевым в одной комнате. На каникулы он возвращался на родину и выступал за свою страну в различных соревнованиях.

— Надо отключиться, — поддержал Грачева Леня. И закончил решительно: — Я уплываю. Кто со мной к предкам? Мотанем, Грач?

Грачев несколько секунд раздумывал. Ему не хотелось прослыть в глазах Лени некультурным человеком.

— Шуруем к предкам! — согласился и подумал: «Все же лучше, чем торчать на корте».

Они расстались, и каждый считал, что поступил правильно.

«В музее побываю в день отъезда», — решил Антон и поспешил на корт, где уже играл Касамара. Невысокий, худощавый японец сильно бил справа. Стоял он только слева, но по корту передвигался стремительно, успевая отражать косые удары, посланные под правую руку. Болгарский соперник попытался «выключить» у японца коронный удар справа, атаковал только в левый угол, терпеливо ожидая короткого ответа, чтобы выиграть очко. Но успеха не добился.

«Зря болгарин ждал, что Касамара заиграет, как ему хочется, — размышлял Антон, неторопливо шагая в гостиницу. — Не тот вариант. Надо завтра его сделать «бегунком». Пусть помотается по корту. Надолго его не хватит. А вдруг хватит? Как заставить его беспрерывно двигаться?»

Он остановился. Надо все продумать до мелочей. Касамара опытный, его голыми руками не возьмешь. Ускорил шаг, не терпелось поскорее встретиться с ребятами, со Швайдецким и поделиться своими планами и сомнениями.

В гостинице было так же душно, как и на улице. Леня и Грачев пили лимонад. Грачев сразу же затарахтел, делясь музейными впечатлениями. Леня подбрасывал реплики, стараясь упорядочить скорострелку Грачева. Но увидев, что Антон слушает рассеянно, переменил тему.

— Как японец? — спросил.

Антон сразу оживился, стал рассказывать. Они слушали не перебивая. А когда Антон изложил свой план игры, Грачев удивленно крутнул головой.

— Толково. Быстро ты его раскусил. Почаще давай укоротку. Тогда он забегает.

Швайдецкому план Антона понравился, он тоже посоветовал почаще укорачивать, тянуть Касамару к сетке.

Утром все встали с хорошим настроением. Грачев по привычке за завтраком балаболил. Он забыл о вчерашнем поражении, надеялся принести очко команде. Трандафилов выиграл у его сегодняшнего соперника, а он у Трандафилова выигрывал не раз. Да и сам Трандафилов сказал, что японец не силен.

Они уже пили кофе, когда пришел немного встревоженный Швайдецкий и сообщил, что японцы сделали замену. Накамура, который вчера играл только пару, сегодня выйдет против Грачева. Он вчера чувствовал себя неважно и уступил место запасному. А теперь будет играть.

С лица Грачева вмиг исчезла улыбка. Он уже составил план поединка с японцем, проигравшим Трандафилову. А Накамура был орешек потверже, входил в десятку сильнейших страны, участвовал во многих международных турнирах. Но о нем Грачев ничего не знал.

— В паре Накамура здорово сыграл, — задумчиво сказал Антон и, сам того не желая, огорчил Грачева. Тот окончательно сник. Антон попытался исправить оплошность по дороге на стадион, но Грачев на его ободряющие аргументы не реагировал, ехался, как от холода,

хотя термометр с утра показывал выше двадцати пяти градусов. Леня толкнул Антона: «Бесполезно, лучше помолчи».

Швайдецкий всю дорогу до кортов молчал, не замечал угнетенного состояния Грачева и в разговор не вмешивался. Антон хотел ему сказать, чтобы он попробовал воздействовать на Грачева, но при Грачеве говорить об этом нетактично. «Шепну в раздевалке, время еще есть», — решил он.

Японцы уже разминались, в раздевалке никого не было. Они стали не спеша переодеваться. Грачев никак не мог завязать шнурки и сквозь зубы ругался. Наконец все в порядке. Он быстро глянул на Швайдецкого, спросил:

— Как мы играем с японцами?

— По-вчерашнему, — невозмутимо ответил Швайдецкий. — Антон — очко. Ты — ноль. Пара?.. Антон и Лесик не подведут.

Грачев вздрогнул, словно его ударили хлыстом. Он выпрямился, по бледному лицу пошли красные пятна. С вызовом посмотрел на Швайдецкого, сказал:

— А я думаю, что Антон попадет. Вот так. А я...

Он резко оборвал себя на полуслове, схватил чехол с ракетками и пулей вылетел из раздевалки. Швайдецкий вынул расческу, причесался и спокойно зашагал вслед за Грачевым.

Антон с трудом сдержался, чтобы не врезать Грачеву. Поменьше надо трепаться и бегать по магазинам. Да значки на зажигалки обменивать. Тоже коллекционер нашелся. Назло ему он положит Касамару. А Герард Васильевич хорош. Грач несет полову, а он и бровью не повел. Вроде так и надо.

Все это он хотел выложить Лене, но не решился. Леня, насвистывая модный мотивчик, перетягивал ракетку. Все идет так, как надо, говорил его невозмутимый вид, чего зря трепать нервы? Они нужны на корте.

Леня закончил мелодию бурной руладой. В раздевалке стало тихо.

— Чего нудишься? Топай на корт, посмотри, как там Грач. Я ракетку перетяну и тоже приду.

Совет был дельный. Обида понемногу улеглась, надо глянуть, как действует Грач. Ведь он не сам по себе — за кубок борется команда.

На корте Антон вдруг увидел совсем другого Грачева. Исчезли апатия, угнетенность. Он бросался даже за безнадежными мячами, удары приобрели силу и точность. Перед матчболами покрикивал сам себе: «Давай! Давай!» и, энергично взмахивая ракеткой, быстро шагал по корту.

Как только встреча закончилась, он подбежал к Швайдецкому.

— А вы говорили ноль! Вот он ноль! Грачев тоже не лыком шит.

Увидев Антона, схватил его за руку.

— Не сердись. И ты выиграешь! Сегодня все будет ол райт!

Антон смазал его по затылку — знак примирения. Обида окончательно прошла. Он искоса глянул на Швайдецкого. Всю дорогу от гостиницы до стадиона Антон бубнил Грачеву: «Не бойся, не так страшен черт, как его малют» и другие стандартные фразы, которые еще никому никогда не помогли обрести присутствие духа. Швайдецкий сказал только пару слов и завел Грачева с пол-оборота. Ай да Герард Васильевич, быстро он раскусил Грачева.

Антону никаких бодрящих слов не требовалось. Он все продумал до мелочей. Мяч летел в разные углы площадки, длинные удары чередовались с выбивающими косыми, время от времени следовал неожиданный и коварный укороченный удар.

Низкие стелющиеся удары не позволяли Касамаре применить свой коронный справа. Пришлось ему не один

километр побегать по корту. Четыре сета длился этот теннисный марафон. Опыт, стойкость и огромная выносливость позволили японцу выиграть два сета, а в третьем и четвертом ему пришлось сложить оружие. Но на перерыв Касамара уходил пружинящей походкой, тщательно маскируя усталость. Он готовился дать решающий бой в пятом сете.

В раздевалке его быстро уложили на диван. Врач и тренер сразу приступили к сверхактивному массажу, медицинская сестра японской команды принялась опрыскивать игрока лекарственным составом. У изголовья пристроился пожилой японец и, медленно растирая виски, нараспев повторял одни и те же слова.

— Гипноз, — уважительно шепнул Антону Грачев. — Могучая штука. Говорят, они после него, как огурчики.

Антон отыхал в шезлонге, Леня перетягивал ему ракетку, а Грачев сделал легенький массаж икроножных мышц. Пришел Швайдецкий, принес бутылку минеральной. Налил Антону полстакана, потом сам выпил полный.

— Скорость Касамара потерял, никакой гипноз ее не восстановит, — заметил он. — Ты как?

— Нормально.

— Добавить можешь?

— Могу.

Антон говорил правду. К ежедневным утренним пробежкам он прибавил еще вечерние. Никакая погода не могла помешать ему пробежать дистанцию. Духоту и жару он переносил легче, чем Леня и Грачев, четырехсетовый марафон не исчерпал запасов его выносливости. А у Касамары резервов не оказалось. Многоходовые комбинации Антона, где чередовались косые удары в разные стороны, сломили японца. Он почти все время не успевал к мячу и проиграл один-шесть. Хотя парная игра уже не имела значения, они с Леней провели ее слаженно, собранно и быстро победили. Теперь им пред-

стоял финал. Но с кем? Это решалось на соседнем корте, где соперничали французы и мексиканцы. После одиночных игр счет оказался равным — один-один. Одновременно с ними начали выступать пары, но там борьба затянулась. Зрители, которые наблюдали за игрой советских и японских теннисистов, повалили на соседний корт.

— Пошли и мы, — предложил Антон.
Но Леня решительно отказался.

— Зачем? В раздевалке телевизор. И кондиционер. Шезлонги есть. Завтра финал. Тебе силы беречь надо, вымотался сегодня по самую завязку...

Упоминание о финале оказалось веским аргументом. Французское телевидение аккуратно транслировало все встречи с участием своих теннисистов. Лучше было сидеть в уютном шезлонге в прохладной раздевалке, чем жариться на солнцепеке, примостившись кое-как на забитых до отказа трибунах.

В раздевалке перед телевизором сидел Грачев, смотрел американский ковбойский фильм. Лицо у него светилось детским восторгом, он забыл обо всем на свете.

— Как французы и мексиканцы? — закричал с порога Швайдецкий.

Грачев на секунду оторвался от телевизора и тупо посмотрел на Швайдецкого. Но быстро вернулся с ковбойского неба на землю.

— Без понятия! — четко отрапортовал он и, считая свою миссию выполненной, снова уставился в экран. В данный момент его волновал только один вопрос: чем закончится бешеная скачка в степи? Догонит или не догонит?

Швайдецкий решительно подошел к телевизору и под одобрительные возгласы Антона и Лени переключил программу. Им троим было безразлично, догонит ковбой своего обидчика или нет, а вот кто выйдет в финал — французы или мексиканцы — волновало.

Повлиять на исход встречи они не могли, но им хотелось, чтобы победили мексиканцы. Французы, естественно, получат в финале поддержку темпераментных земляков — фактор в напряженной борьбе немаловажный, а с мексиканцами у них в этом плане шансы равные. Симпатии зрителей по крайней мере разделятся поровну.

Грачев принялся ныть, упрашивая вернуться к ковбоям, так как до конца фильма остались минуты. Леня и Антон прикрикнули на него, а Швайдецкий так глянул, что он сразу смолк и отвернулся. На него не обращали внимания, все ждали, когда на экране покажут табло и сразу станет ясно, кто впереди.

Уже через несколько минут Грачев забыл о своем ковбое. На кортах проходила такая острая борьба, в сравнение с которой не шли никакие ковбойские скачки.

Зрители не жалели голосовых связок, поддерживая земляков, казалось, от гула развалится телевизор. Но мексиканцы Олмос Морено и Умберто Кортес не потеряли самообладания, они сумели вырвать победу, хотя проигрывали в решающем сете ноль-пять. Все, казалось, кончилось к общей радости, но радости не чувствовалось. Мощная игра мексиканцев озадачила, даже испугала. В первых встречах они такой игры не показывали. Темнili, наверное, или соперники были попроще. А теперь... Несколько минут после окончания встречи все молчали, каждый думал о чем-то своем.

Леня засвистел популярный мотивчик и резко оборвал мелодию.

— Ну и дела. Значит, только мы не подвели старушку Европу, вышли в финал. Соревнование континентов.

— Точно, — заулыбался Грачев. — С Азией справились, надо и с Америкой не сплоховать. Герард Васильевич, вы в Мексике бывали?

— Приходилось, — Швайдецкий ухватился за ниточку разговора, который начался очень кстати. Требовалось немедленно растормошить ребят, отвлечь, заста-

вить на время забыть о завтрашнем поединке и грозных соперниках.

Он принялся рассказывать о Мехико, о красивых парках и оркестрах, играющих под окнами домов. Потом незаметно перевел разговор на встречу с японцами. Мимоходом заметил, что они ничуть не слабее мексиканцев, а может, и сильнее, но ведь справились с ними в отличном стиле. Главное — не дрогнуть, навязать свою игру, а не танцевать под чужую мелодию. Вот Грачев вел себя молодцом, просто героем. Соперник ему попался трудный, техника у него, честно говоря, повыше и физически подготовлен дай бог каждому. Но Грачев не дал ему развернуться, не позволил показать козыри. И Антон нашел ключик к Касамаре, а ведь тот брал призы на солидных международных турнирах.

Грачев от похвал расцвел, Антон принял комплименты в свой адрес спокойно. Он жалел, что пошел в раздевалку, а не на карт. Телевизор полного представления не дает, как следует Олмоса Морено он не изучил. Как с ним завтра играть? Что придумать? Вечером надо будет посоветоваться со Швайдецким, с ребятами. Может, они увидели в Морено слабинку. Мексиканец показался ему игроком без слабых мест, это беспокоило Антона, больше ни о чем другом он думать не мог.

Грачеву тоже следовало бы подумать, как играть с Кортесом, но в настоящий момент его интересовало другое. Он первым поднялся и напомнил, что пора обедать, иначе скелеты, которые экспонируются в музее предков, пополнятся еще одним экземпляром.

В гостинице они приняли душ, пообедали и завалились спать. Когда Антон проснулся, Леня уже сидел за столом и листал журнал. Пробуждение Антона он встретил тушем, который выступал пальцами по столу, дополняя свистом. Кровать Грачева пустовала.

— Меняться пошел, — перехватив взгляд Антона, объяснил Леня. — Каждый веселится как может.

Они приняли душ, оделись и решили спуститься в холл, выпить сока и немного прогуляться. По молчаливому согласию разговоры о теннисе переносились на вечер.

В холле было пусто. За высокой стойкой дремал портье. С шумом опустился лифт, открылась дверь. Из кабинки вышел Грачев.

— Поздравьте! Улов — высший класс! Сам не ожидал!

В самолете, когда летели на турнир, Грачев, сидевший рядом с Антоном, показал ему целофановый мешочек со значками.

— Меняться буду. На зажигалки.

— Ты же не куришь, — удивился тот.

— Ну и что? Это мое, как теперь говорят, хобби. Модно. Все что-то собирают. Подарить можно. Пустячок, а человеку приятно — заграничный сувенир.

— Какому человеку?

Грачев вздохнул и отвернулся. Подробно посвящать Антона в свои дела не стал.

Теперь он держал на ладони пять зажигалок, одна красивее другой. Леня взял самую маленькую, ярко-красного цвета, щелкнул — вспыхнул желтоватый огонек.

— Вещь! — Он вернул зажигалку Грачеву. — Где добыл? На что сменял?

— За так! — загоготал Грачев. — Не веришь? Честно. — Он замолчал, многозначительно прищурив глаза. — Плата за труд. Го-но-рар! — И уже не делая паузы, не дожидаясь вопросов, потому что его просто распирало от желания рассказать, заговорил, комкая фразы, проглатывая слова. Его пригласил в свой номер корреспондент парижской спортивной газеты и попросил дать интервью перед финалом. За это получил зажигалки.

— Откуда у него столько? — удивился Леня. — Тоже коллекционер?

Грачев фыркнул и посмотрел на Леню и Антона снисходительно. В номере парижанина сидели его коллеги из других газет; один, с магнитофоном, записал его интервью на радио и похвалил за произношение. Угощали коньяком, но он отказался.

— И чего ты там наболтал? — нахмурился Антон. Вся эта история ему начинала не нравиться.

Грачев разозлился.

— Чего? То, что надо. Я не дурнее тебя. Можешь не волноваться. Завтра все прочтете в утренних газетах. Грачев знает, что почем. Его за рупь двадцать не купишь.

Результаты интервью Грачева оказались, когда Антон вышел на корт для разминки. Его встретили аплодисментами. Почти все зрители, большинство из которых были французы, держали в руках газеты. На крупных фотографиях Антон, Леня, Грачев, мексиканцы. Длинная колонка — интервью с Грачевым. На вопросы он отвечал сдержанно, умно, с юморком. А одну фразу газета выделила жирным шрифтом, ее перепечатали и другие издания.

«Теперь советская команда единственный защитник спортивной чести Европы — родины тенниса. Постараемся быть достойными этой высокой миссии».

Швайдецкий прочел утренний выпуск раньше всех и принес газету в номер, когда они еще лежали в кроватях.

— Ты оказывается не грач, а орел. Дипломат. Сам додумался?

Грачев обиженно надулся: кто мог ему подсказать? Швайдецкий почувствовал себя неловко и быстро сгладил ситуацию, сведя все к шутке. Антон в их разговор не вмешивался, хотя мог напомнить Грачеву, что впервые эта мысль зародилась у Лени. Но какой смысл ссориться, отстаивая приоритет? Материализовал идею Грачев, причем сделал это толково. Парень он оказался с голо-

вой. Одной фразой привлек симпатии и прессы, и зрителей. Ловко, черт, ввернул насчет родины тенниса. Пригодились его эрудиция, знание биографий чемпионов, истории знаменитых турниров.

Антон несколько раз ударили по мячу, и трибуны одобрительно загудели, снова приветственные хлопки. Каякая-то девушка преподнесла ему крошечный букетик цветов — авансом, так сказать. Фотокорреспонденты слепили блицами, не давали разминаться. Пришлось вмешаться Швайдецкому.

Мексиканца Морено реакция зрителей не смущила. Ему чаще приходилось играть на чужих кортах, чем на своих, он привык к холодному отношению публики. Лицо его не выражало тревоги, разве что повышенное внимание, настороженность. Разминался он тщательно, приветливо улыбаясь Антону.

Первый сет Антон выиграл, а во втором Морено уперся. Брал такие мячи, что зрители только ахали и не жалели ладоней. Так они дружно дошли до счета шесть-шесть. Теперь вступило в действие правило — «таймбрек». Тринадцатый гейм объявлялся решающим, победитель становился победителем партии.

Антон подал и выиграл очко, затем второе. Морено удается великолепная обводка, потом атака по линии. Тридцать-тридцать!

Еще несколько удачных атак с обеих сторон, сет-болы следовали один за другим; сидящие на трибунах то и дело вскакивали со своих мест, бурно выражая восторг или разочарование.

Четыре раза подряд имел возможность взять партию Морено, но судья каждый раз объявлял: «Ровно!» Потом серию из четырех сет-болов имел Антон, и голос судьи так же бесстрастно объявлял: «Ровно!»

Требовалось психологически подавить соперника. И Антон, и Морено ждали, искали, ловили этот миг в на-

пряженном поединке, миг, способный сразу переломить ход изнурительного сета.

Морено сильно ударил в левый угол и рванулся к сетке. Антон ответил свечой, но Морено настиг ее и мощным смешем послал мяч в правый угол корта. Антон с космической скоростью устремился за мячом, интуиция подсказала, что от этого мяча зависит все. Его нельзя проиграть ни за какую цену. Он настиг мяч и неотразимым ударом послал по линии. А сам по инерции вылетел на трибуны и рухнул на чьи-то колени.

От крика у него едва не лопнули барабанные перепонки. Зрители неистовствовали. Все считали мяч проигрышным, судья уже намеревался произнести: «Больше!» и показать в сторону Морено, но Антон совершил, казалось, невозможное: не только достал мяч, но и выиграл очко. У Морено резко сдали нервы, в простейшей ситуации он попал в сетку, и сет достался Антону. Переломить себя он уже не смог, да и темп, взятый им в первых двух партиях, оказался не под силу. Ошибки пошли косяком, на своей подаче Морено не выиграл ни одного мяча, а последнее очко проиграл, подав в сетку. Он застыл на месте, забыв, что надо подойти и поздравить Антона.

— Олмос! — рявкнул мексиканский тренер.

Морено очнулся, на негнущихся ногах подошел к сетке, протянул руку Антону. Извиняясь, улыбнулся и приложил ладонь к сердцу: «Прости!» Но Антон и не сердился. Он тоже так устал, что еле доплелся до раздевалки. Такого напряжения не испытывал ни разу. Казалось, никакая сила не заставит его еще раз выйти на корт.

«Выиграй, Грач, — с надеждой подумал он, — и парная игра станет формальностью. Кубок в кармане, игрей в свое удовольствие».

Он развалился в щезлонге и включил телевизор. Справа расположился Леня, слева — Морено. Ему тоже предстояло играть в паре, и он берег энергию: предпочел прохладную раздевалку жаркому корту.

Появление Грачева встретили аплодисментами. Он раскланивался во все стороны, посыпал воздушные поцелуи. Внимание публики ему нравилось. Начал встречу он удачно, атаковал мощными ударами и в первом гейме буквально забил Кортеса. Выходя к сетке, убивал легкие мячи, так как мексиканец не успевал провести точный обводящий удар. «Молодец, Грач», — порадовался Антон и искоса взглянул на Морено — ну, что?

Однако Морено смотрел совершенно спокойно, чему-то затаенно улыбался, словно знал, как сложится поединок дальше. Бурное начало Грачева его нисколько не обескуражило. И Кортеса, как оказалось, тоже.

Не зря Швайдецкий называл Грачева игроком с камнем на шее. Этот камень, недостатки в технике, потянули его ко дну. Кортес, проиграв три гейма подряд, сумел приспособиться, стал четче контролировать отскок и траекторию полета мяча, заставив Грачева играть в низкой точке. И положение сразу изменилось. Мощно отбивать низкие мячи Грачев не умел, а в более высокой точке ему не давал бить Кортес, игравший ударом с низко стелющимся отскоком мяча.

Не прошло и часа, как все было кончено. Морено встал и вышел, оставив Антона и Леню одних. Они молча переглянулись: «Комментарии, как говорится, излишни». Но когда в раздевалку вошли Швайдецкий и Грачев, Ления не выдержал.

— Дипломат! Орел! — Он со злостью стукнул о подлокотник шезлонга. — Мокрая курица! Хоть бы измотал Кортеса побольше. Он тебя заделал и даже не вспотел!

— Спокойнее! Шезлонг сломаешь, вещь казенная, — Швайдецкий полностью разделял негодование Лени, но криком и эмоциями дела не поправишь. — Грачев играл как мог, соперник оказался искуснее. В конце концов у каждого есть свой потолок. — Швайдецкий понимал, что говорит неубедительно, что Грачев не показал себя бойцом, но он хорошо знал: скора перед парной игрой не на

пользу команде. Поэтому защищал Грачева, стараясь настроить Антона и Леню на борьбу. Спокойно объяснил им, что сам мало верил в победу Грачева, ведь он значительно уступает сопернику в классе. Но убежден, что в паре они победят мексиканцев. А это значит, что все будет в порядке, кубок достанется нам. Надо обо всем забыть и тщательно продумать план на этот поединок.

При подготовке к турниру Швайдецкий много работал с ребятами, чтобы, принимая подачу, они стремительно двигались вперед, нанося удар по восходящему мячу. Это давало едва заметный, но на самом деле огромный выигрыш во времени. Леня или Антон, принимая подачу, мгновенно оказывались у сетки и мощным ударом с лета завоевывали очко. На своей подаче Швайдецкий посоветовал иное.

— От «пушки» отказываемся. Страйтесь побольше закрутить мяч. Он полетит медленнее, и вы выиграете время для выхода к сетке. Играт с мексиканцами на задней линии — самоубийство. Здесь они сильнее. Смелее и чаще к сетке! Только так можно победить.

Борьба долго шла с переменным успехом, каждое очко давалось обеим парам с огромным трудом. В третьей партии мексиканцы взяли гейм на чужой подаче; Леня и Антон играли самоотверженно, даже отчаянно, не позволяя соперникам выиграть решающее очко.

При счете пятьдесят-сорок Швайдецкий дал им знак: австралийское построение. Антон стал у сетки на той же половине площадки, где стоял готовящийся подавать Леня. Он защищал свою часть корта от косых ответных ударов соперников, принимающих подачу. Когда подавал Антон, Леня перекрывал зону возможного ответного удара. Это построение оказалось на мексиканцев психологическое воздействие. Они растерялись, наткнувшись на австралийское построение, не сразу сообразили, как перестроить игру. На какое-то мгновение забыли о свечах и других обводящих ударах, позволяющих эффективно бо-

роться против такого тактического варианта, больше всего думали, как бы не попасть в аут, и позволяли Антону и Лене набирать очки.

Грачев быстрее всех уловил перемену в игре мексиканцев и крикнул:

— Свечу! Не бойтесь!

Свеча после подачи дело рискованное, а при розыгрыше важных очков ее вообще редко применяют, боятся. Но Леня не испугался и воспользовался советом Грачева. Счет быстро стал равным, затем сет-бол в пользу советской пары. И тогда блеснул Антон. Неожиданно для всех, для соперников в первую очередь, он послал мяч прямо в середину площадки. Отразить его было несложно, но очко решало партию, а с нею и встречу. Накал борьбы достиг высшей точки, все оценивалось совсем по иной шкале, на что и рассчитывал Антон. Морено и Кортес, потеряв хладнокровие, одновременно стремглав бросились в центр. Мяч отразил Морено, который столкнулся с Кортесом, и сделал он это неловко, предоставив соперникам возможность для атаки. Антон не преминул воспользоваться подарком, молниеносно послал мяч в незащищенный угол. Кортес с отчаянным криком бросился в оставленную зону, но достать мяч не успел. С досады он швырнул ракетку и закрыл лицо руками. Антон сделал шаг к Лене, цепко ухватил его за локоть. Ноги откали, он чуть не сел прямо посредине корта. А вокруг ревели, хлопали зрители, поздравляя их с победой. Держась за Ленин локоть, Антон дошагал до сетки, чтобы принять поздравления от Морено и Кортеса. А в раздевалку он пришел в обнимку с Грачевым, который немедленно принялся массировать ему ноги, чтобы он мог участвовать в торжественном закрытии и вручении наград.

Красивую вазу — приз команде-победительнице нес в гостиницу Грачев. Весила она килограммов восемь, и Антон с Леней охотно передали ее Грачеву, который устал меньше всех. Тот с радостью согласился и гордо ше-

ствовал по аллее, ведущей от кортов к гостинице. Его фотографировали туристы и зрители, и он охотно позировал, поднимая вазу над головой.

В холле их уже ждали корреспонденты. Грачева встретили, как старого знакомого, пожимали руки, хлопали по плечу. Засверкали близы, застремотали кинокамеры. Как-то незаметно в центре, рядом со Швайдецким, оказался Грачев. Он бойко отвечал на вопросы — переводчика ему не требовалось, — помогал вести интервью с Антоном. А Леня, воспользовавшись общим шумом, ускользнул в номер. Он считал свой вклад в победу скромным и не хотел лишней славы. Его исчезновения корреспонденты даже не заметили. Их вполне устраивали говорливый Грачев и молчаливый Антон, бойцовские качества которого привлекли к нему общее внимание.

На память об этом турнире Антон привез кипу газет с репортажами и фотографиями разных встреч. Обозреватели его хвалили, называли восходящей звездой. И вообще было сказано немало хороших слов в адрес советской команды.

В теннисной федерации высоко оценили их поездку. Председатель долго жал руку Швайдецкому, повторив несколько раз, что уважаемому Герарду Васильевичу пора окончательно перейти на тренерский хлеб — это его подлинное призвание. Похвалили и ребят, сказав, что каждый из них выполнил свое задание отлично.

В институте их встретили торжественно: поздравительный плакат, фотографии и вырезки из «Советского спорта». В коридоре Антона останавливали незнакомые парни и девушки, поздравляли, расспрашивали. Он принимал поздравления, но разговоров избегал. Стыдно было признаться, что, кроме кортов, ничего не видел. В музей так и не собрался, в старинном соборе не побывал, даже в магазины не заглянул — сувениры в последний момент покупал в киосках аэропорта.

— Ты, брат, сплоховал, — сказал ему сосед по обще-

житию. — Если бы я попал за границу, то все музеи, какие можно, и исторические достопримечательности непременно постарался бы посмотреть. И с людьми познакомиться. Интересно знать, как раньше жили и как теперь. — Взглянув на удрученное лицо Антона, похлопал дружески по плечу, добавил успокаивающее: — Не печалься, все впереди. Победил? Это, брат, главное. Значит, еще пошлют. Насмотришься.

Сосед ушел — торопился в библиотеку работать над рефератом по психологии. Был он парень без особых претензий, мечтал поскорее закончить институт и вернуться к себе в село учителем физкультуры в школе. Он допоздна просиживал в читалке, готовясь к семинарам и зачетам, много времени проводил в спортивном зале, но все-таки находил время для музеев и театров, участвовал в институтской самодеятельности. Учеба и спорт давались ему туговато, но он знал, чего хотел, к чему стремился. Учась в столице, должен побольше увидеть и узнать.

А чего хочет он? Антон задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Стать чемпионом страны, выигрывать международные турниры, может быть, даже Уимблдон — много или мало? Стоит этому посвятить жизнь? Отдать всего себя белым линиям корта? Герард Васильевич не раз повторял, что без этого не придет настоящий успех.

Однако разговор с соседом по общежитию не забывался, и Антон выложил свои сомнения Швайдецкому.

— Иначе нельзя. — Герард Васильевич, как всегда, говорил убежденно. — Театры, музеи, памятники старины, другие культурные ценности необходимы человеку. Но все сразу не охватить. Что-то в какой-то момент должно быть главным. Великий английский физик Резерфорд говорил, что надо быть всегда на гребне волны и самому создавать эту волну. Сейчас для тебя главное — теннис. Остальное вторично.

Все в словах Швайдецкого было правильно, логично, но у Антона появились какие-то смутные, еще неосознанные возражения. Он не пытался опровергать Швайдецкого. Аргументов не хватало, да и авторитет Герарда Васильевича был слишком велик, но подумал: а что, если корт напрочь отгородит его от жизни? Вон Грачев со своими заграничными впечатлениями просто нарасхват. Все слушают, значит, интересно, выходит, Грач приносит пользу, не только играя в теннис.

Вскоре прогноз соседа по общежитию подтвердился. Антона как победителя включили в группу молодых теннисистов для поездки по странам Африки, предстояло участвовать в нескольких новых турнирах. На сборы и поездку отводилось три месяца, пришлось брать в институте академотпуск. В первый момент он заколебался, но Швайдецкий безапелляционно заявил:

— Отказаться от такой поездки? Кончишь институт на год позже. Главное для тебя — теннис.

Вернувшись из Африки, Антон играл в различных турнирах, а на чемпионате страны занял девятое место. Он впервые увидел в журнале «Теннис» свою фамилию, набранную жирным шрифтом. В списке десятки лучших игроков страны она значилась под номером семь.

С Леней и Грачевым он виделся редко, в периоды своих приездов. Леня много работал в больнице, часто дежурил, участвовал в операциях. На теннис времени не хватало, но он выкраивал пару часов для тренировки с Антоном, с интересом слушал его рассказы о зарубежных играх, восторгался различными новыми приемами и ударами, которые ему демонстрировал Антон. Здесь он был на высоте, но когда дело доходило до всего остального, разводил руками, оправдывался, что в следующий раз непременно посмотрит достопримечательности и музеи тех городов, куда его забросит спортивная судьба.

— Лапоть, — сердился Леня, — Открытки хотя бы привез или репродукции.

— Для этого надо было с кортами уехать, а как уедешь, когда австралийцы играют. Лучше один раз увидеть, чем сто раз... — защищался Антон.

— Ты меня пословицами не дави, — гнул свое Леня. — Надо хоть немного отключаться от корта. Гель писал, что цивилизованный человек тем отличается от дикаря, что ему свойственно чувство меры. Меры, понял?

— А Герард Васильевич говорит, что надо быть целестремленным...

— Но это вовсе не означает, что ты должен сузить круг своих интересов.

Антон привел в качестве оправдания девиз Резерфорда: «Создавай волну и будь всегда на гребне этой волны». Но Леня в два счета выяснил, что, кроме девиза, Антон о Резерфорде ничего не знает, а тот, оказывается, был человеком разносторонних интересов, между прочим, неплохим спортсменом, от жизни не отгораживался.

Если Грачев досконально знал биографии знаменных теннисистов, то эрудиция Лени оказалась более глубокой и разносторонней. Антон с удивлением узнал, что великий физик Нильс Бор был отличным вратарем, играл за команды высшей лиги на первенстве Дании, а его брат Харальд — математик, академик — выступал за сборную Дании на IV Олимпийских играх и удостоился серебряной медали. Прекрасно играл в футбол и Жолио Кюри, его даже приглашали в английские профессиональные клубы. Но он выбрал науку. Однако спорт не бросал никогда. С возрастом, став нобелевским лауреатом, сменил футбольное поле на дзюдоистский татами.

— А теннисисты были? — поинтересовался Антон. Он слушал Леню что называется раскрыв рот, в глубине души шевельнулось чувство обиды на Швайдецкого: почему он ему этого никогда не рассказывал? Но тотчас ответил сам себе: ведь он никогда об этом и не спрашивал.

— Энрико Ферми, — незамедлительно провозгласил Леня. — Он, между прочим, одно из своих главных открытий сделал на корте. Биохимик Чэнс получил в тысяча девятьсот сорок пятом году Нобелевскую премию по медицине, а в пятьдесят втором стал олимпийским чемпионом в гонках на яхте. Академики Курчатов, Тамм, Кашица, известные авиаконструкторы Ильюшин, Антонов...

— Они тоже стали олимпийскими чемпионами?

Леня погрозил Антону кулаком.

— Балда. Они стали чемпионами в физике, авиации. Но не замкнулись в мире своих формул и расчетов. Им было свойственно чувство меры. Они умели сочетать. Дошло?

Антон опустил голову. Он чувствовал Ленину правоту. Но как объяснить, что белые линии корта держат его крепко-накрепко, он не может да и, чего греха таить, не хочет никуда от них уходить.

— Был бы ты рядом, — сказал он, — напару бы пошли. Тогда и разговора этого не было бы.

Но Леня стоял рядом с ним лишь на городских и республиканских соревнованиях, подняться на ступень выше им вдвоем не удавалось. Антон в зарубежных поездках играл с другими партнерами, но постоянных связей не заводил; ни с кем ему не было так легко, как с Леней. Он надеялся, что когда Леня закончит институт, то сможет уделять тренировкам больше времени. Но весной, накануне государственных экзаменов, эта надежда оказалась под угрозой. Леня пришел на тренировку с девушкой.

— Знакомься, Лера.

С девушками Леня приходил на корт нередко. Они терпеливо сидели, ожидая, пока он закончит тренировку. Большинство откровенно скучали, глядели по сторонам, подгоняли Леню, напоминая, что опаздывают в кино или еще куда-то. А он, отдельываясь шутками, продолжал тренироваться, относился ко всем им иронически. На этот

раз все было по-другому. Антон не мог сказать, что именно,— он еще не встречался ни с одной девушкой, но по каким-то неуловимым штрихам Лериного поведения понял, что с этой девушкой у Лени особые отношения. Не было иронии и традиционных шуточек.

И она к нему относилась не как остальные. Сидела спокойно, не дулась, не подгоняла: «Лесик, мы опаздываем». А после тренировки спросила.

— Ты не устал? Отдохни немного.

Предчувствие Антона не подвело. Леня стал пропускать тренировки, ходили слухи о его скорой женитьбе. Сам он загадочно улыбался и никак не реагировал. Но сдав последний экзамен и получив диплом врача, Леня вдруг стал приходить на тренировки один.

Антон уже привык к Лере. В обществе девушек он чувствовал себя неловко, не знал, о чем говорить, теннис мало кого интересовал. Но Лера как-то умела поддерживать разговор, с интересом слушала, как Антон и Леня иногда спорили о теннисе, и даже сама вставляла реплики. За время дружбы с Леней она стала кое в чем разбираться.

— Ты поссорился с Лерой?

Леня серьезно посмотрел на Антона, на лбу прорезалась маленькая морщинка. Скоры не было. Лера закончила педагогический институт и уехала по назначению преподавать биологию в школе. Он предложил ей пожениться, но она не согласилась.

— Шутишь? Не согласилась? Переборчивая невеста.

— Не то, не то, — задумчиво проговорил Леня. — Особый случай.

Через год после рождения Леры ее мать разошлась с отцом. С тех пор жила одна. Боясь повторить ошибку матери, Лера не спешила с замужеством, предложила пожить год в разлуке. (Леня получил назначение в городскую больницу). Если в их отношениях друг к другу ничего не изменится, тогда поженятся.

— Серьезная, — заключил Антон. — Тебе повезло.

— Точно, — Леня обнял Антона за плечи, прижал к себе, от его угрюмости не осталось и следа. Перед Антоном стоял счастливый человек. — Без сомнения, повезло. Девушка мировая. Пока я не обзавелся семьей, начну тренироваться по-черному. Чтобы меньше скучать.

Слово свое он сдержал. На него нашло какое-то особое вдохновение, он заиграл так здорово, что Швайдецкий только руками разводил. Видел его игру и Грачев, который, закончив институт, работал в отделе спортивных игр республиканского комитета. Он показал Лене большой палец и добавил, что с такой игрой можно за просто в сборную страны попасть. Ну а если не в сборную, то в группу, которая в ноябре, после первенства Союза, поедет в Австралию. Надо выступить как следует. Показать, как говорится, товар лицом. Тем более, что чемпионат страны пройдет на этих кортах.

— По календарю — в Ростове! — заметил Леня.

Грачев снисходительно посмотрел на него, сделал многозначительную паузу. Он научился сдерживать себя и не выстреливать, как раньше, все, что знал, залпом. Как-никак работник республиканского спорткомитета. Большинство обращалось к нему уже по имени и отчеству или добавляли к фамилии почтительное — товарищ. На людях даже Швайдецкий называл его на «вы».

— Перенесли. Прошли сильные ливневые дожди и загубили корты. Доложили руководству в Москве, что к чемпионату восстановить не удастся. Мы согласились принять чемпионат у себя.

Грачев говорил уверенно, весомо. Год всего работал в спорткомитете, а уже научился держаться солидно, с достоинством. Несколько раз выезжал с юношескими командами за границу как представитель и переводчик. Кроме французского, он уже довольно сносно владел английским, мог при беседе с корреспондентами буржуазных газет толково ответить на каверзные вопросы, со

знанием дела вел себя на кортах. Умел со всеми налаживать отношения: с тренерами и игроками, судьями, журналистами.

— Леха, не упусти свой шанс. Антон в порядке. Он в десятке сидит, как в танке. А ты... На чемпионат из Москвы все корифеи приедут, один раз на их глазах здорово сыграешь — потом пять лет пенки снимать будешь. Усек?

— Ладно, кончай нотацию, катись. Нам тренироваться надо.

— Уже в пути! — Грачев нисколько не обиделся на Леню, говорил он от чистого сердца. Доброжелательно подмигнул ребятам и, помахивая большим светло-желтым портфелем, пошел по своим делам.

Леня засвистел свою любимую «Сильву», а потом перешел на «Сказки Венского леса». Антон понимал, что слова Грачева его задели. Сколько лет ему твердят, что он способный, что мог бы в призерах Союза ходить, а может, и в чемпионах. Пора уже и за ум взяться — годы на месте не стоят. Еще сезон, другой, а там поезд окончательно уйдет. Мальчишки сейчас, как грибы, растут, проиграешь одному желторотому, второму, потом от стыда и страха на корт даже под автоматом не выйдешь.

Мелодия угасла. Леня подбросил ракетку и ловко поймал ее за ручку.

— Концерт окончен. Продолжаем работать. — Медленно пошел к линии подачи, потом стал, обернулся, посмотрел на Антона. — Поймаешь свой шанс?

— Поймаю! — радостно заорал Антон. Он так хотел, чтобы хоть на время теннис для Лени стал главным, чтоб он загорелся им, забыл обо всем, кроме кортов. Если они станут призерами — о чемпионском звании Антон даже и не мечтал, — то наверняка попадут в австралийскую поездку. Какое счастье было бы поехать вместе с Леней. Он ездил с разными парнями, но всегда держался немного в стороне, трудно сходился с людьми и в жиз-

ни, и на корте. Не умел налаживать и поддерживать контакты, за что большинство его считало сухарем, избегал шумных компаний, говорил почти всегда о теннисе. Тренировался упорно и много, ребятам с ленцой не нравилось, когда тренеры ставили его в пример.

Леня и Антон тренировались все лето, участвовали в ряде турниров и не проиграли ни одной встречи. К чемпионату страны, который начался в конце августа, они пришли в великолепной спортивной форме. На третий день соревнований на их встречу, которая проходила на самом дальнем от раздевалки корте, пришли члены Всесоюзного тренерского совета и федерации. Зрителей почти не было: встреча начиналась в девять утра и не относилась к разряду интересных. Рядовая встреча одной шестнадцатой финала Всесоюзного чемпионата. Соперники Антона и Лени на прошлом первенстве завоевали бронзовые медали и приехали с надеждой подняться на ступеньку выше.

Как Леня и Антон, они уже выиграли две встречи. Посмотреть на их игру Антону не удалось, он играл и в личном турнире, но Грачев смотрел и не стал особенно дипломатничать.

— Мощняки. Но входят в игру медленно. Поэтому — сразу максимальный темп. Они не успеют набрать обороты. Усекли?

Швайдецкий тоже не посмотрел эту пару, он был занят в театре, и согласился с Грачевым. Теперь сидел рядом с членами тренерского совета и федерации, стараясь подавить волнение. Волновался и Грачев, ему очень хотелось, чтобы победили свои ребята. Антон увидел бледные, напряженные лица Швайдецкого и Грачева, и у него внутри тоже что-то задрожало. Он всегда перед встречей волновался, но быстро успокаивался, когда вступал в игру, приходил в себя после первых ударов по мячу. Но сейчас было не волнение, а какая-то противная мелкая дрожь. И вдруг он ясно понял, что дрожит не за себя,

а за Леню. И хочет победы, хорошей, яркой победы на глазах у этих главных в теннисе людей не только для себя, а главным образом для товарища. И по тому, как Швайдецкий смотрел все время на Леня, понял, что и Герард Васильевич тоже волнуется главным образом за него.

Глядя на Леню, трудно было определенно сказать волнуется или умело скрывает свое волнение. Он разминался спокойно, а когда вышли на корт и судья торжественно представил участников, толкнул Антона в бок.

— Сынок, ты чего дрожишь? Кто перед тобой? Чемпионы Уимблдона? Обладатели «Большого шлема»? Кончай трястись, поехали!

После встречи тренеры и представители федерации не выявили восторгов, положение обязывало их быть тактичными по отношению к соперникам Лени и Антона, которых те разгромили меньше чем за час. Рослые, атлетически сложенные, они уходили с корта с детской обидой на лице, не понимая, как это могло случиться. Леня и Антон сразу взвинтили темп до предела, и они даже не успели разобраться, что к чему, как все было кончено.

Грачев поздравил их, подняв вверх сжатые руки, и знаками показал, что последует за начальством, чтобы послушать, что о них скажут без свидетелей. А через час он прибежал и, забыв про необходимую в его положениидержанность, выпалил:

— Парни, так держать! Грачев дело знает, его зарупль двадцать не возьмешь. Главный тренер от вас без ума. Особенно, — он покал плечами, посмотрел на Антона, будто извинялся,— особенно от тебя, Леха, Гранит, сказал. Ты, Антон, тоже в порядке. Тебя давно знают...

Антон засмеялся и махнул рукой. Ну чего Грач извиняется? Он ничуть не переживает, что Леня сыграл лучше, искренне рад за него. Если б Леня тренировался как следует, давно в чемпионатах ходил бы.

Леня с интересом смотрел на Антона, который разразился такой длинной речью; видно было, что все это его немного забавляло. Потом взгляд у него стал серьезным.

— Спасибо. Постараюсь оправдать ваше доверие. Мне домой пора. Лера обещала позвонить.

Этот чемпионат Антон запомнил на всю жизнь. В личном он занял четвертое место, а с Леней они вышли в финал. Если бы кто-нибудь накануне первенства сказал ему, что серебряные медали в парной встрече им гарантированы, Антон посчитал бы такое предположение злой насмешкой. И вот мечта стала былью.

— Парни, фортуна за вас, — сказал им после полуфинальной игры Грачев. — Серебро в кармане, но я не я, если завтра вы не отхватите медали из более благородного металла.

— Сплюнь три раза! — суеверно закатывая глаза, замахал руками Антон. — Напрочиши... Жирновато. С ходу золото...

— О наградах потом, — на этот раз плохо скрывая свое волнение, поддержал Антона Леня. — Игру надо показать. Будет игра — все будет.

— Да пошли вы к богу в рай, — не унимался Грачев.

Леня аккуратно складывал в сумку спортивную форму. Он не любил залихватских прогнозов Грачева, когда тот проявлял неуважение к соперникам.

— Ты, Грач, нас досрочно не золоти. Ребята эти...

— Да не гуди, — оборвал его Грачев. — Все знаешь лучше меня. Вместе полуфинал смотрели. Чего прикидываешься? Везунчики они, вот и вся резолюция. Бутылка коньяка — больше трех таймов в каждой партии им у вас не взять. Чем отвечаешь?

Протянутая рука Грачева повисла в воздухе. Ни Леня, ни Антон пари не приняли. Леня даже отвернулся и стал скрупулезно проверять содержимое сумки, а Антон от досады сплюнул.

— Катись ты с коньяком. Мы народ непьющий,

— Понял. Уже в пути! — Грачев подхватил свой портфель и двинулся к двери. Он искренне желал им победы не только по причине старой дружбы. Успех Антона и Лени на чемпионате страны свидетельствовал о хорошей работе сектора спортивных игр, где работал Грачев, и ему лично тоже сулил поездку в Австралию. Представителю республики, где есть такая перспективная пара, не мешает ознакомиться с постановкой работы по теннису на пятом континенте. Молодому работнику надо расширять свой диапазон, пополнять знания. Не вечно же ветераны советского тенниса будут стоять у руля. Надо думать о смене.

Грачев вышел, осторожно прикрыв дверь. Леня проводил его взглядом, потом посмотрел на Антона.

— Зачем ты его выставил? Он только по форме не прав.

— Сам не знаю, — честно признался Антон и с улыбкой посмотрел на Леню. Вот добрая душа. Только что сердился на Грача, а теперь переживает, что не очень деликатно с ним обошлись. — Форма, содержание... Надо хорошо отдохнуть. По домам пора. Завтра в девять на стадионе?

— Рановато. Начало в одиннадцать. Я буду в десять.

— Приходи пораньше. Вместе на игру настроимся, поговорим, все обсудим. Приходи.

— И за час успеем. — Взгляд у Лени стал загадочный, немного лукавый. — Есть сюрпризик. Небольшой. Ты будь спокоен, не бери в голову. Все будет хорошо.

Мимо Антона торопливо прошагали соперники. Спешили в раздевалку. А он глаз не сводил с аллеи, думал только об одном: «Почему не идет Леня?» Даже не ответил на приветствие. Спохватился, но ребята уже скры-

лись в раздевалке. Ладно, потом извинится. «Где же, чорт возьми, девался Леня? Пора переодеваться, поговорить, ведь финал чемпионата страны...»

Швайдецкий появился незаметно, словно из-под земли вырос. Он высматривал Леню издалека, а теперь подошел к Антону. Вдвоем ждать всегда веселее, и Антон меньше будет волноваться. Завел отвлеченный разговор, вспомнил о первых съемках в кино. Пришлось плыть по волнующему морю, а он еле держался на воде.

— Я режиссеру, когда на роль утверждали, сказал, что в соревнованиях побеждал, а сам... Чуть лучше топора и утюга. Волнение маленькое, всего балла два, но ведь я и при штиле не чемпион.

Антон смеялся, но мысли его были далеки от моря.

— Где же Леня? — прервал свои воспоминания Швайдецкий, глядя на модные наручные часы. — Десять минут одиннадцатого...

— Сейчас появится, — сказал Антон, а у самого сердце забилось. На его памяти Леня опоздал на тренировку считанные разы. Да и то на несколько минут. А на соревнования? Такого он не помнит.

— Сейчас появится, — повторил он громко, скорее для себя, чем для Швайдецкого.

Прошло еще минут десять, и Швайдецкий отоспал Антона переодеваться, а сам медленно двинулся к воротам. Выйдя из раздевалки, Антон увидел возле Швайдецкого Грачева.

— Что-то случилось?

— Нет, — пожал плечами Грачев. — Заместитель председателя комитета сказал мне, что он утром, проезжая по городу, видел Леню, покупающего цветы. Живого и невредимого.

— Когда видел?

— Часиков в девять.

Грачев глянул на свои часы, было уже без двадцати одиннадцать. Швайдецкий кивнул Антону, говорить ему,

очевидно, было трудно, и Антон отправился на корты разминаться. Времени терять было нельзя.

Появление Антона на корте зрители встретили удивленно. А где партнер? Соперники уже разогрелись как следует, лица раскраснелись, настроение, по всему видать, самое боевое. Антон начал разминку — руки и ноги будто не свои. Никогда ему еще не было так тяжело войти в форму. Он все проделывал машинально, автоматически, в силу многолетней привычки. Поискан глазами Швайдецкого, который побежал звонить Лене домой. Может, родители помогут его найти?

На трибунах гудели. Без пяти одиннадцать, а одного партнера нет на корте. Тревожность обстановки усиливало и то, что не появлялся ни один судья. Все они в полной растерянности находились в специальном павильончике возле раздевалки и с нетерпением ждали Швайдецкого.

Первым его увидел Грачев, который стоял у окна и, не отрываясь, как в старину матросы на парусных суднах, смотрел в сторону административного корпуса стадиона. Там был телефон.

— Идет! — Грачеву показалось, что он сказал не-громко, даже шепотом, но в напряженной тишине судейской комнаты это слово прозвучало пронзительно звонко, сорвало всех с места, заставило поспешить навстречу.

Грачев выскочил из комнаты первым и, увидев глаза Швайдецкого, не решился задать вопрос. Тренер смотрел только на него, не замечая окружающих его людей. Кто-то сбоку, через головы впереди стоящих выкрикнул:

— Герард Васильевич! Ну что? Дозвонились?

Швайдецкий не повернулся в сторону спрашивающего. Он как-то странно скривился, не отрывая взгляда от Грачева, ответил тихо, только ему, словно остальных это нисколечко не интересовало и не касалось:

— Игра не состоится. Леня не придет.

Глава третья

В ДОМЕ царила музыка. Ленина мать окончила консерваторию, долгое время была аккомпаниатором известных певцов. Их фотографии с дарственными надписями украшали стены квартиры. После рождения сына (тогда ей уже было далеко за тридцать) по состоянию здоровья она оставила концертную деятельность и работала на полставки преподавателем в музыкальном училище. Отец начинал как драматический актер. О сыгранных ролях напоминали афиши и фотографии, которые висели в его комнате. Природа наградила отца хорошим голосом и слухом, ему всегда поручали роли, в которых герой должен был петь. Это послужило причиной перехода его в театр музыкальной комедии, где он с успехом выступал, пока несчастный случай не заставил покинуть сцену и перейти работать в театральный институт.

Леня рано научился читать, с особым удовольствием разбирал по слогам подписи под фотографиями отцовских ролей. Он громко произносил русские и иностранные имена и фамилии, требуя у отца объяснений, недоумевал, как это отец в спектакле «Синяя птица» исполнял роль хлеба.

— И тебя никто не съел?

— Масла не было, — серьезно отвечал отец. — А хлеб без масла... Сам понимаешь. — Он делал при этом такое лицо, что Леня заливался веселым смехом.

Отец иногда прихрамывал, а в дождливую погоду жаловался матери: «Болят мои косточки», — на что она отвечала всегда одинаково: «Сам виноват». На Ленины расспросы, почему отец хромает, почему в дождь у него болят косточки и, самое главное, в чем он виноват, родители прямо не отвечали, а переводили разговор на что-нибудь другое.

Однажды Леня обратил внимание на одну фотографию без подписи. Она висела в углу и раньше не привлекала его внимания. Отец стоял рядом со стройным, высоким, атлетически сложенным человеком. Белые майки и короткие белые трусики красиво оттеняли загорелые тела. Леня, который к тому времени уже кое в чем разбирался, со знанием дела заметил:

— Это ты спортсмена играл? Да?

Лицо отца погрустнело, он смотрел на фотографию и на мгновение даже забыл о сыне. От Лени не ускользнула перемена в поведении отца, он повторил свой вопрос. Отец ответил, продолжая думать о чем-то своем:

— Играли, Лесик, играл.

Леню ответ вполне удовлетворил. Больше об этой фотографии разговор не возникал, так как она вдруг исчезла со стены. Впрочем, Леня этого и не заметил. Десятки фотографий продолжали висеть, служа для мальчика источником многочисленных вопросов.

В доме часто собирались гости: музыканты, певцы, композиторы, актеры. Звучали пианино и гитары, пели хором и соло, часто пение вызывало смех — Леня тогда еще не понимал, что это пародии. Его очень рано стали обучать музыке, но мать быстро убедилась в полном отсутствии у ребенка музыкального слуха. У нее с отцом хватило мужества навсегда отказаться от мысли увидеть сына студентом консерватории и не мучить его бесполезными занятиями музыкой. Кое-кто из друзей утешал их, вспоминая о музыкантах, у которых слух прорезался очень поздно, говорили о драматической сцене, где можно с успехом блистать, не имея слуха, наконец, есть еще и режиссура. Но Леня успокоил родителей.

— Я буду доктором. Вылечу папу, чтобы у него не болели косточки.

За столом воцарилась тишина. Чаще всего ответы детей на традиционный вопрос: «Кем будешь?» вызывают у взрослых добрые улыбки. Мало ли чего наговорят пя-

тилетний мальчуган или девчушка. Но на этот раз ответ мальчика поразил гостей. У матери на глазах показались слезы, она прижала голову сына к себе.

Известный театральный режиссер, грузный мужчина с совершенно лысой головой, первым нарушил молчание.

— Умница ты моя. Дай бог, чтобы слова твои сбылись. Косточки всем лечить надо.

С того дня режиссер в свои редкие приходы величал Леню юным ескулапом, интересовался, когда он пойдет в школу, что приблизит день поступления в медицинский институт. Да и другие гости время от времени напоминали Лене о его мечте, и он подтверждал неизменность своего желания стать врачом.

Обычно гостей собиралось немного, чаще всего одни и те же люди. Но в день Ленинного семилетия, который выпал накануне начала учебного года, круг приглашенных значительно расширился. Появление высокого стройного мужчины вызвало у отца и матери особую радость.

— Наконец-то, — всплеснула руками мать, — вы удостоили нас своим присутствием.

— Зазнался. — Отец обнимал гостя, с трудом дотягиваясь до его плеча. — Ты, говорят, стал знатен и богат.

— Не виновата я, не виновата, — подражая голосу Катюши Масловой из кинофильма «Воскресение», заговорил гость. А потом обычным тоном добавил: — Соревнования, поездки. Сами понимаете.

— Понимаем, понимаем, — отец повел гостя прямо к Лене. — Вот он — наследник и продолжатель традиций.

Гость под мышкой держал какой-то большой пакет. «Подарок», — догадался Леня, успевший уже получить с полдесятка картонных коробок с различными играми, которые его нисколько не интересовали. Книжки вызывали у него значительно большую радость, но, судя по объему пакета, это скорее всего игра.

Чтобы посмотреть гостю в глаза, Лене пришлось задрать голову.

— Узнаешь богатыря? — весело спросил отец. — Ты последний раз его видел, когда ему только три стукнуло. Верно? Теперь Лесик серьезный человек, школьник. Как ты его находишь?

Гость взял пакет в левую руку, а правую протянул Лене.

— Меня зовут Гера. Просто Гера, без всяких дядей. Не люблю этого. — И крепко сжав маленькую Ленину ладошку, спросил: — Спорт любишь?

— Конечно. Футбол... И хоккей, — мгновение подумав, добавил Леня.

Ответ вызвал на лице гостя легкую примасу. Не выпуская руки мальчика, он продолжил разговор:

— А теннис?

Леня неопределенно пожал плечами. Он слышал, что есть такая игра, видел мельком по телевизору, но не знал, что ответить гостю: теннис был ему безразличен. Но Гера, видно, и не ждал от него ответа, быстро отпустил руку, развернул пакет и протянул теннисную ракетку. А затем прямоугольную картонную коробку, в которой (Леня это выяснил немного позже) оказались мячики.

Гости захлопали, зашумели, стали громко сожалеть, что нет фотоаппарата или кинокамеры. Потрясающий кадр: чемпион благословляет юного спортсмена. Символично, и кто его знает... Лет через десять-двенадцать... Режиссер звучным басом продекламировал стихи Пушкина о его встрече с Державиным.

— Спокойнее, спокойнее. Не надо излишних эмоций,— прервал Гера режиссера. — Я в гроб сходить еще не собираюсь. И не будем загадывать. Парню надо заниматься спортом? Надо. Теннис отличная штука, делает человека здоровым...

Вдруг он осекся. На мгновение воцарилась тишина. Почти такая же, как тогда, когда Леня впервые заявил о своем желании стать врачом. И снова первым ее нарушил режиссер.

— Гера, умница моя, ты стопроцентно прав. Пусть Лесик растет, играет в теннис, а там будет видно.

В комнате возобновились шумные разговоры, зазвучало пианино. Появились новые гости, они громко поздравляли Леню и его родителей, вручали подарки, которые он относил в свою комнату и бросал на кровать. А ракетку и коробку с мячиками положил на столик рядом с тетрадками, книжками и школьными принадлежностями. Он как-то бессознательно выделил подарок Геры, словно понимал: в его жизни ракетка и мячики сыграют особую роль.

На следующий день Леня увидел на стене фотографию отца в спортивной форме. В стоящем рядом он без труда узнал Геру. Отец рассказал, что, кроме музыки и театра, у него была еще одна страсть — теннис. Правда, он всегда считал теннис второстепенным занятием, хотя многие друзья, приходившие за него поболеть, когда он выступал на корте, прочили ему блестящую теннисную карьеру. Но он не мыслил себя вне театра, поэтому обрывал подобные разговоры. Его извечным соперником на всех соревнованиях был Герард Швайдецкий, с которым он до перехода в оперетту работал в одной труппе. На их поединки собирались не только артисты всех городских театров, но и многочисленные любители тенниса. Спортивное счастье чаще улыбалось Лениному отцу. На этом снимке их щелкнул фотокорреспондент спортивной газеты, когда Ленин отец впервые стал чемпионом города. Под снимком напечатали небольшую заметку. Автор утверждал, что молодой артист Арсен Гадоха обещает в недалеком будущем стать одним из сильнейших игроков страны.

— И ты стал? — Леня, затаив дыхание, слушал рассказ отца. Вот какой у него папа! Только почему он все это скрывал, никогда не рассказывал?

Выяснилось, что спортивная карьера отца прервалась самым нелепым образом. Он играл в турнире, про-

ходившем в небольшом городке, где качество кортов оставляло желать много лучшего. Прошел сильный дождь, встречу предлагали перенести на завтра, но отец настоял, хотелось поскорее вернуться домой: он только что женился и очень скучал по жене.

Пытаясь достать трудный мяч, подвернул на скользком грунте ногу и сильно повредил голеностопный сустав. Пришлось навсегда бросить теннис, а через некоторое время и сцену. Во время одного спектакля ему надо было по ходу действия прыгать, и травмированный сустав напомнил о себе. С большим трудом он довел роль до конца, прямо из театра его отвезли в больницу, где он пролежал больше двух месяцев. Сознание своей физической неполноценности мучило его, он боялся ролей, связанных с резкими передвижениями по сцене, и вынужден был перейти на преподавательскую работу.

На некоторое время слово «теннис» стало запретным в их семье. Потом постепенно страсти улеглись, отец даже стал посещать соревнования, тем более что старый друг и соперник Герард Швайдецкий резко пошел вгору. Именно он, а не Ленин отец оправдал прогноз автора заметки в спортивной газете: стал одним из сильнейших игроков страны, одержал много побед на разных турнирах у нас и за рубежом. Швайдецкий советовал отдать Леню в детскую спортивную школу на отделение тенниса, но мать и слышать об этом не хотела. Теперь, когда окончательно выяснилась неспособность Лени к музыке, она стала не такой категоричной. Подарок Швайдецкого не вызвал с ее стороны резкого протеста. Забота о здоровье единственного сына перевесила опасения прошлых лет.

В солнечный сентябрьский день отец повел Леню в детскую спортивную школу. На четырех кортах играли мальчики и девочки, одетые в белые маечки и шортики.

Десяток таких же нарядных юных теннисистов старательно отрабатывали удары возле стенки. Отец остановился у входа и несколько минут оглядывал корты. Все, что там происходило, доставляло ему огромное удовольствие, с его губ не сходила счастливая улыбка. Он посмотрел на Леню и, не увидев на его лице такого же восторга, вознамерился что-то сказать, но сдержался и большими шагами направился к деревянному домику, возле которого стояла молодая женщина в синем спортивном костюме.

Все происходящее на кортах не произвело на Леню особого впечатления. Но одна деталь не прошла мимо, родила вопрос, который он решил сразу же задать этой молодой женщине, тренеру детской спортивной школы. Дело в том, что все ребята на кортах и у стенки играли белыми мячиками, а в сумке у него лежали два зеленых. Он взял их из коробки, подаренной Герой. Но задавать вопрос ему не пришлось.

— Он у вас человек подготовленный, — тренер кивнула на ракетку, торчавшую из спортивной сумки, а сама внимательным взглядом изучала новенького. Роста Леня для своих лет был нормального, в кости широк, от матери унаследовал природную стройность, от отца — быстроту движений и хорошую реакцию. Впрочем, об этом тренер узнала, когда повела Леню к тренировочной стенке.

— Да у тебя «данлоповская» ракетка. И мячи, — тренер не скрывала изумления. Даже на некоторое время забыла, что новичку надо показать, как держать ракетку и ударять по мячику. Она с удовольствием рассматривала Герин подарок, ребята бросили тренироваться, окружили ее и Леню и тоже с интересом смотрели на ракетку. Оказалось, что у Лени импортная ракетка самого высокого качества, о такой мечтают разрядники и даже мастера спорта.

— Где ты взял эту ракетку?

— Гера подарил, — простодушно ответил Леня.

Предупреждая последующие вопросы, в беседу вмешался отец. Пришлось разъяснить, что Гера — это Герард Швайдецкий, старый товарищ и соперник, коллега по работе в театре. Имя Швайдецкого произвело магическое впечатление. Тренер сразу оказала Лене особое внимание. Долго объясняла и показывала, как держать ракетку, стояла рядом, когда он бил в стенку. Она несколько раз громко похвалила и в конце погладила Леню по голове, а отцу заявила:

— Пойдет. Будет толк. Гены сказываются.

При упоминании о генах у отца порозовело лицо. Он понимал, что это тонкий комплимент, но кто устоит против лести? Хотя чем черт не шутит, играл он неплохо, и если бы не травма, то мог бы стать звездой на спортивном небосклоне. Гера стал, а он играл не хуже. Почему бы Лесику не добиться того, чего не сумел отец?

Подарок Швайдецкого сделал Леню известным всей спортивной школе. Каждому хотелось посмотреть, подержать в руках и даже поиграть ракеткой, подаренной известным чемпионом. Леня никому не отказывал, мячики раздарили — ему было все равно, какими играть, — и поэтому быстро завоевал уважение ребят всех возрастов. Его охотно приглашали партнером не только за доброту и отзывчивость, а и потому, что он за месяц достиг того, чего многие с трудом достигали за год. К весне, когда ребята после нудной тренировки в зале вышли на корты, он уже прилично перебивал мячик через сетку, умел укоротить удар и перебросить свечой через соперника.

В первомайские дни на Центральном стадионе проходил большой спортивный праздник. Утром к отцу приехал Швайдецкий, и они втроем отправились на стадион. Намечались и выступления теннисистов, Швайдецкому предстояло встретиться с молодым, но подающим большие надежды игроком. По дороге он шутил, просил Леню и отца болеть за него, не жалея сил. Они шли по

аллее к кортам, на полпути их встретил взволнованный мужчина. Швайдецкий радостно приветствовал его, но тот в ответ кисло улыбался.

— Запарка, Герочка. Играем с «Динамо», а нет мальчика младшего возраста. Что с ним, ума не приложу. Вчера был весел и здоров.

Швайдецкий искоса глянул на Леню, потом в упор на взволнованного мужчину.

— Даю замену.

Лицо мужчины сразу стало деловым, он положил Лене руку на плечо.

— Правила знаешь?

— Да не теряй времени, — заорал на него Швайдецкий. — Форма есть? Мы с собой ничего не захватили. Смотреть пришли.

— Все есть, все найдем, — скороговоркой ответил мужчина, круто развернулся и побежал к кортам.

Через десять минут Леня вышел на свой первый поединок. На противоположной стороне корта стоял высокий плотный мальчик со злым выражением лица. Перед началом встречи возле него хлопотали человек десять. Бабушка и дедушка, родители, старшая сестра, дяди или друзья родителей. Это его, видимо, вывело из равновесия. Ему делали массаж, что-то втолковывали, подбадривали, вдохновляли. Леня вышел на корт сам, отец и Швайдецкий сидели в первом ряду трибун и спокойно, даже равнодушно поглядывали на него. Провожая его в раздевалку, Швайдецкий сказал всего несколько слов: «Глаз с мяча не спускай, об остальном забудь».

Высокий мальчик был по мячу уверенно. Сразу выиграл несколько очков и посмотрел в сторону своих, которые аплодировали, не жалея ладоней. Он стал бить еще сильнее, вес его тела придавал ударом большую хлесткость. Лене случалось играть в школе с ребятами постарше, которые увлекались сильными плоскими ударами с задней линии, считая, что так соперника можно «за-

бить». В этом случае он просто подставлял ракетку под удар, получалась укоротка. Чтобы достать такой мяч, требовалась хорошая подвижность, а ее у высокого толстяка не было.

По совету родителей он несколько раз лихо рванул-ся к сетке, но Леня «зажигал» свечи, и соперник ни разу не сумел догнать мяч. С полными глазами слез он по-жал руку Лене, а потом не выдержал и, заплакав, повер-нулся спиной и вприпрыжку побежал к своим болельщи-кам. Леня смотрел, как его обнимали родители, видел вздрагивающую спину, и ему стало не по себе.

— Если бы я знал, что он так расстроится, то проиграл бы, — заявил он отцу и Швайдецкому, которые подошли его поздравить.

Лицо Швайдецкого побелело, он крепко схватил Леня за руку и потащил в сторону, где не было людей. Там он дал волю своим чувствам.

— Ты думаешь, что говоришь? Если не желаешь по-беды, то не выходи на корт! Посмотрите на этого доб-рячка! Противника пожалел!

— Тише, Гера, — попытался урезонить его отец. — Он еще мальчик.

— Мальчик, — злился Швайдецкий. — Бесхарактер-ный человек! Вот тот толстяк тоже мальчик, но будущий мужчина. Заплакал, потерпев поражение. Так по-ступают бойцы. И я плакал,— он повернулся к отцу,— помнишь? — когда проиграл тебе на первенстве театра. И тут же поклялся во что бы то ни стало взять реванш. И взял!

Отец кивал головой, подтверждая сказанное товари-щем, а Леня смотрел на Швайдецкого и не мог поверить, что огромный широкоплечий Гера плакал на корте.

— Он подрастет и поймет, — попытался подвести черту под спором отец. — Проигрывать надо в борьбе, а дарить победу — значит унизить соперника. Жа-лость — плохое чувство в спорте.

Швайдецкий глянул на часы и заторопился, ему пора было переодеваться.

Никто из Лениных друзей по теннису не узнал, что он участвовал в соревнованиях и добился победы. После игры он выпил газированной воды из автомата и в тот же вечер слег с ангиной. Врач высказался категорично: «Гланды надо удалить. А потом на море».

Все лето Леня провел в Бердянске (благо, у мамы двухмесячный отпуск), плавал, нырял, ловил бычков с лодки. О теннисе напомнил отец, когда они вернулись домой. Но возобновить тренировки ему не пришлось. Наконец подошла очередь на квартиру, которую родители ждали несколько лет. Переезд на новое место вызвал непредвиденные осложнения: с массива на карту приходилось добираться тремя видами транспорта.

— Одному совершать такие путешествия? — У матери округлились глаза. Она строго посмотрела на отца, который мягко пытался доказывать ей, что у ребенка надо воспитывать самостоятельность. — Он еще очень мал. Да и времени на уроки не останется. Больше часа в один конец. Подождем, пока пустят метро.

Упоминание об уроках оказалось веским аргументом, и отец отступил. Не пытался переубедить мать и Швайдецкий, который несколько раз приезжал к ним в гости и жаловался на страшную давку в автобусе. Он только взял с Лени слово, что пока пустят метро тот будет играть у стенки. И даже показал местечко.

— Важно не потерять чувство мяча. Понял?

Леня пообещал, что будет тренироваться, но быстро остыл. Его захлестнула новая страсть — футбол.

В семье у каждого были свои дела. У папы диссертация, у мамы — Леня, у Лени — футбол. Во дворе организовалась команда с громким названием «Космос». Сперва у «Космоса» дела шли неважно, он проигрывал командам других дворов. Но однажды ребята узнали, что в их доме проживает известный в прошлом футбо-

лист, и упросили его стать тренером. Уже через год «Космос» выиграл первенство района и попал в финал городских соревнований на приз «Кожаный мяч». На Центральный стадион, где проходили игры финала, ребята ехали в метро. Новую линию открыли накануне Первого мая, и теперь с массива, где жил Леня, до центра добирались за двадцать минут.

Первую свою встречу «Космос» выиграл. Ребята в раздевалке взволнованно обсуждали перипетии матча, капитан команды предложил остаться и посмотреть игру будущих соперников. Леня отказался. Накануне вечером отец принес ему «Два капитана» Каверина, он не отрываясь прочел страничек пятьдесят и очень хотел знать, что произошло дальше с Саней Григорьевым и его сестрой. Быстро сложив в сумку футбольную амуницию, заспешил домой.

До ворот оставалось метров двадцать, когда на территорию стадиона вошли Швайдецкий и незнакомый Лене человек. У Швайдецкого через плечо висела красивая сумка, из которой торчали ручки двух ракеток, а спутник держал в руке ракетку в белом чехле.

— На ловца и зверь бежит. — Швайдецкий широко расставил руки, преграждая Лене дорогу. Но тот никуда и не собирался удирать, он давно не видел Геру и обрадовался встрече. — Как раз разговор о тебе. — Кивнул на спутника: — Узнаешь?

— Нет, — искренне признался Леня.

— Да откуда? — засмеялся человек. — Годка три прошло. Я бы его тоже не узнал. Вырос, возмужал.

— Ты его выручил. На Первое мая, — напомнил Швайдецкий. — Первая твоя и пока, — он сделал многозначительную паузу, — единственная победа на корте. А здесь что делаешь?

— В футбол играл. На приз «Кожаный мяч».

На лице Швайдецкого появилась недовольная гримаса и сразу исчезла. Кроме тенниса, он не признавал

других видов спорта, он никогда не говорил об этом вслух. А для Лени и не мыслил другого занятия.

— Ладно. Метро пустили, пора и тебе за дело браться. Не забыл, как ракетку держать?

— Забыл, — простодушно признался Леня. — Обещал играть у стенки, но...

Швайдецкий виновато посмотрел на своего спутника, и Леня догадался, что Гера наговорил о нем, очевидно, много хорошего, расхвалил, а он одной фразой поставил его в неловкое положение. Поэтому решил немедленно исправить ошибку.

— Я могу вспомнить. Хоть сейчас.

Глаза Геры говорили, что он попал в точку. Швайдецкий был полностью реабилитирован, а Леня снова вознесен на пьедестал. Он понимал это и чувствовал себя счастливым. Его всегда больше волновала чужая беда, чем своя. Все кончилось хорошо, можно прощаться и шагать домой, где его ждали «Два капитана». Но Леня еще плохо знал Швайдецкого. Лицо у него стало строгим, решительным.

— Тогда не будем откладывать. Пошли на карт.

Так он вернулся в теннис.

Нового тренера звали Игорь Семенович. На первых порах он редко пускал Леню к сетке, а заставлял подолгу работать у стенки, беспрестанно повторяя, что надо «набить» удар, шлифовать технику, а иначе на карт и выходить не стоит. Для Лени игра у стенки, как нож к горлу, каждый раз одно и то же. Его тянуло побегать по стадиону, поиграть в футбол, и он придумал себе разрядку. Когда Игорь Семенович, дав задание, уходил на карт для работы с ребятами постарше, Леня немедленно подбивал новичков на какую-нибудь веселую игру. За этим несерьезным занятием его однажды застал Швайдецкий, который появился внезапно и совсем не с той стороны, откуда они ждали Игоря Семеновича.

Вечером дома состоялся крупный разговор. Начал его Швайдецкий. Говорил сурово, назвал поступок Лени заслуживающим порицания. Он сказал, что будет специально приезжать на стадион, чтобы помочь отработать технику. На отца возлагался контроль за соблюдением режима, выполнением утренней зарядки, а мать должна следить за питанием.

— Побольше овощей и фруктов. Соки обязательны. — Швайдецкий строго посмотрел на притихшего Леню. — Мучного, сладостей поменьше. Тебе дай волю, ты один целый торт съешь.

Лене стало тоскливо: он обожал сладости. Весил он значительно больше своих сверстников, но не уступал им в подвижности, и родителей его полнота нисколько не волновала. А теперь Швайдецкий потребовал повести решительную борьбу с лишним весом.

Он увидел, как Леня поник, и заговорил мягче, объясняя, что победы в спорте немыслимы без каких-либо жертв. Да и в искусстве то же самое. Разве балерина может себе позволить съесть лишнее? А певец даже в теплую погоду осторегается пить холодное — бережет горло. На первых порах будет трудно, а потом войдет в привычку. Он в молодости жить не мог без пива, однако убедил себя, что вредно, и теперь смотрит на пиво с отвращением.

Отец поддерживал Швайдецкого, приводил примеры из жизни великих артистов, а мать, которая сидела молча и участия в разговоре не принимала, заметила в конце, когда сели пить чай:

— Гера, у тебя замечательные тренерские способности. Лесик уже на торт и не смотрит. А ведь это его любимый, «Киевский».

Отец немедленно присоединился, вспомнив, что Гера пробовал себя в режиссуре и весьма многообещающе. Правда, на клубной сцене, но не всем же начинать с МХАТа. А потом теннис поглотил его целиком. А ведь

режиссерская и тренерская работа во многом схожи. Тренер — своеобразный режиссер.

Швайдецкий похвалу в свой адрес принял спокойно. Заметил, что работа тренера значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд.

После того вечера он стал появляться на кортах чаще, становился против Лени, а Игорь Семенович, сидя на скамейке, глаз с них не спускал, замечая малейшие ошибки. И Леня, чтобы избежать «придирок», начал тренироваться старательнее.

Игорь Семенович, зафиксировав ошибку, требовал найти ее причину, чтобы больше не повторять. Он приучал ребят к самостоятельности, и они тренировались охотно, с интересом. Если на первых порах Леня ходил на тренировки без особого энтузиазма, чтобы не обидеть отца и Геру, то со временем полюбил теннис.

Каждое появление Швайдецкого на кортах было для ребят событием. Они бросали тренировку, приходили посмотреть на игру, и все завидовали Лене, когда Швайдецкий показывал ему, как правильно проделать обводку или свечу. Но главное — он умел Леню понимать теннис.

Благодаря ему, Леня понял, что очень важно контролировать мяч и думать над каждым ударом. Быстрота мышления отличает игроков экстра-класса от просто хороших игроков. Летние каникулы он провел в городе, Швайдецкий выставил доводы: лето самая благодатная пора для тренировок. Мастерство его росло, но Игорь Семенович не спешил выставлять Леню на соревнования, хотя в тренировочных поединках тот нередко обыгрывал ребят, которые уже выступали в соревнованиях.

— Древние говорили: «Спеши медленно», — возражал он Швайдецкому, который предлагал проверить Леня в деле. — Техника у него еще неустойчивая. Такие на соревнованиях думают лишь об одном. Как бы скорее перебить мяч на ту сторону. Все, чему учились

на тренировках, вдруг забывают. А иной проиграет, и потом его трактором на карт не затянем. В свое время я нескольких способных мальчишек потерял и зарекся. Пока техника не станет стабильной, нельзя выпускать.

Швайдецкий не настаивал. Правда, его волновало, что теннис еще не стал для Лени единственной страстью в жизни, но интерес к нему у мальчика возрос, и он соглашался с Игорем Семеновичем, что торопиться не следует: как бы первое поражение не отбило Леню от тенниса.

Леня соревноваться не рвался, и когда следующей весной Игорь Семенович прочитал список ребят, которым предстояло участвовать в чемпионате города, то немного растерялся, услышав, что его фамилию назвали первой. Была ли это случайность или намек, что он должен стать чемпионом города среди ребят своего возраста, сказать было трудно. Но Леня показал такую игру, что на финальную встречу пришли смотреть все детские тренеры города. Да и не только детские. Быстро распространился слух про мальчика, который в триадцать лет играет с мудростью взрослого. У Лени все хорошо получалось. Правда, помогали и соперники, среди которых оказались еще совсем «сырые», терявшиеся на корте под взглядами зрителей.

Швайдецкий чувствовал себя именинником. Он сидел между Лениным отцом и Игорем Семеновичем, чуть заметно улыбался и во время финала не проронил ни слова. А тренер Лениного соперника все первую партию старался подсказывать своему воспитаннику, а потом, поняв тщетность своих усилий, махнул рукой и закурил, хотя на детских соревнованиях это строго запрещалось.

Игорь Семенович первым поздравил Леню.

— Теперь ты игрок. — Он сжал его руку, стараясь держаться спокойно, словно это обычный тренировочный поединок. — Но смотри, не зазнавайся.

Лето Леня провел в спортивном лагере. Иногда в ла-

геръ приезжал Швайдецкий. Становился на корт и время от времени не просто играл, а применял коварные обводки или пушечные удары. И Леня не всегда проигрывал мяч.

В конце августа его включили в сборную города, предстояло выступать на первенстве республики. Впервые он выезжал в другой город без родителей. На вокзале мать очень волновалась, и Леня немножечко тоже, хотя виду не подавал, а бодро посмеивался, обещая приехать чемпионом.

Турнир предстоял напряженный, рассчитанный почти на две недели. Начинался он командными соревнованиями. Леню поставили третьим номером. Две встречи он провел удачно. Товарищи по команде, несмотря на то, что он был моложе всех, говорили с ним, как с равным, уважительно повторяя: «Молоток!» А в финале он сплоховал.

Началось с того, что первый и второй номер проиграли. Все заволновались, забегали, девчонки окружили Леня, затараторили:

— Ленечка, пострайся. Иначе не видать нам первого места. На тебя вся надежда.

Лучше бы они помолчали. Леня о себе думал мало, но если кому-то надо было помочь, был готов на все. Груз ответственности за судьбу команды оказался для него непосильным. Он осторожничал, боясь промахнуться при подаче, бил несильно. Несколько промахов заставили его волноваться больше обычного. Он очень хотел выиграть, но не умел совладать со своими нервами.

Его соперник, худой, длинноносый, загорелый до черноты мальчишка, играл слабо, но действовал на корте спокойно. От того ли, что его команда уже имела два очка, или в силу своего характера, сказать было трудно. Но за две партии он не подарил Лене ни одной подачи, ни одного очка. Что смог, то выиграл, а остальное ему Леня преподнес сам. Чувствовал, что играет из рук вон

плохо, а перебороть себя не сумел. Стараясь ни на кого не смотреть, он прошмыгнул в раздевалку и сидел там, пока не кончились игры. Но все обошлось благополучно. Девочки принесли победные очки, хорошо выступили и пары. Команда вышла на первое место, ребята поздравляли друг друга, девчонки целовались и пищали от во-сторга. Пришел старший тренер и приказал быстро привести себя в порядок, чтобы выйти для награждения. Леня идти за грамотой не пожелал. Ведь он проиграл — за что ему награда?

Ребята сперва смеялись, потом принялись уговаривать, грозились, что поведут силой. Тогда он рванулся и выскочил из окна раздевалки. Так они и пошли без него.

Накануне личных соревнований в команде провели собрание. Каждый сказал свое мнение, старший тренер давал советы, как играть с соперниками. Леня сидел в углу, и про него как-то забыли. Но он сам о себе напомнил:

— Я первое место займу. А попадется мне этот черный (он тогда так растерялся, что и фамилию соперника забыл), сделаю из него котлету.

Выступление Лени всех развеселило. Леня на шутки не отвечал, но настроение у него улучшилось, досада от поражения прошла. Он просто рвался в бой, еще никогда ему так не хотелось соревноваться.

В день соревнований проснулся раньше обычного и отправился на корт. Ему предстояло играть в четвертой паре, но встречи могут закончиться быстро. Поэтому он устроился неподалеку от корта и посматривал издалека, как там идут дела.

— Привет!

Перед Леней стоял худой, загорелый до черноты мальчишка, с которым он играл в финале. Как тот подошел, Леня не заметил, жестом показал: садись рядом, не маячь перед глазами. Ответить он не мог, потому что набил полный рот леденцами. Мальчишка быстро сел,

охотно взял леденцы из железной коробочки, которую ему протянул Леня. Они молчали, не зная, как начать разговор. Мальчишка нашелся первым.

— У тебя какая ракетка?

Леня растянул замок-молнию на футляре и протянул ракетку. Этикетка фирмы «Данлоп» подействовала ошеломляюще.

— Играть хорошо? — Мальчишка осторожно положил ладонь на струны.

— Попробуй, — улыбнулся Леня. Ему нравился мальчишка, он уже не чувствовал к нему неприязни, забыл, что еще вчера вечером грозился сделать из него котлету. Долго сердиться он ни на кого не мог.

— Можно? — не поверил мальчишка. — Давай познакомимся. Сергей Грачев.

Леня назвал себя, но традиционного рукопожатия не произошло, потому что Грачев не выпускал из рук ракетку, словно боялся, что Леня раздумает. Не дожидаясь вопросов, он рассказал, что играет уже два года, но условия у них в городе неважные. Летних кортов мало, зимних вообще нет. Начинал в настольный теннис, а потом увлекся большим.

— А знаешь, я у тебя и не думал выигрывать. Мне даже тренер сказал, что ты сильнее и чтобы я не дергался, а играл спокойно. Мы планировали здесь очко отдать. А ты как начал мазать... Заболел? Плохо себя чувствовал?

— Да нет, — честно признался Леня. — Замандрожировал. Девчонки как насели — от тебя все зависит. Ну я и...

— Я тоже такой. Если просто играть, кого хочешь заделаю. А когда надо обязательно выиграть, ноги подгибаются, как не свои.

Накануне полуфинала ночью прошел дождь. Утром на умывтом до синевы небе засияло солнце. Температура до тридцати градусов в тени, влажно, а поединок затя-

нулся. Площадку сделали неудачно: с одной стороны забеги большие, с другой — маленькие. А за забегами деревья и кусты стеною стоят. Соперник Лене попался упорный, все время бросал свечки. Мячи летали к задней линии и прыгали так далеко, что залетали в кусты. Леня все время бегал их оттуда выковыривать и к концу встречи, а она длилась почти три часа, еле держался на ногах. Но взял третью партию со счетом шесть-четыре и попал прямо в объятия Швайдецкого, который приехал на него посмотреть.

— А почему так поздно? — удивился Леня. — Я же мог вылететь в первой игре.

— Я не сомневался, что ты выйдешь в финал, — спокойно ответил Швайдецкий. Он утаил, что ежедневно звонил и интересовался ходом турнира: хотел создать у Лени уверенность в своих силах и сознательно пошел на эту маленькую ложь.

В финале одной уверенности оказалось маловато. Леня начал смело, и соперник, который не уходил с задней линии, стал терять очки и быстро проиграл первый сет. Во втором сете Леня продолжал рваться к сетке, но очки прибавлялись его сопернику. Чтобы играть у сетки, надо быстро и резко выходить вперед. А у Лени сил почти не осталось. Сказалась вчерашняя усталость, он уже не поспевал к сетке и метался между углами корта, думая лишь о том, как бы отбить мяч.

Соперник бил по мячу широко, свободно, что называется от души. И не только сильно — находил самые уязвимые места. Пока Леня в этом разобрался, сет оказался проигранным.

В раздевалку он не пошел, а устроился на стуле под деревом. Блаженно вытянул ноги. Ему не раз говорили, что если тактика приносит успех, то менять ее не следует. Во втором сете он играл так же, как и в первом, а результат совсем иной. Играть расхотелось. «Бросить все и на речку». Леня даже зажмурился от удоволь-

ствия, представляя себя в воде. Очнулся от энергичного прикосновения к плечу. Перед ним стоял Швайдецкий.

— Что с тобой? Играли, играл, вчера на солнцепеке такую игру вытащил и вдруг скис. Во втором сете совсем не боролся.

— Боролся. Ноги не держат. А он бьет, как из пушки. Тоненький, как тростинка, а лупит, откуда только сила берется?

— Известный французский физик Паскаль называл человека мыслящим тростником. Уловил? Мыслящим. Ноги не держат? Зачем рвешься к сетке? Ищи свою игру. Умойся, соберись, подумай. Почем зря к сетке не бегай. Вытаскивай его укоротками и обводи. И помни, он устал не меньше твоего. Тоже не из железа. В третьем сете так сильно бить не будет.

Третий сет проходил под диктовку Лени. Его решительность подействовала на соперника угнетающе. Тот не ожидал, что Леня будет сопротивляться. Швайдецкий оказался прав, силы у него иссякли, а другого оружия, кроме мощного удара, не было. Поздравляя Леню с победой, он виновато сказал:

— Еле дотянул, еще немного и упал бы. Загонял ты меня.

Леня хотел ему ответить, что и сам еле стоит, но понимающие кивнули и, стараясь держаться бодро, зашагали к столику главного судьи, где его ждали, чтобы вручить награду за первое место — грамоту и часы. От поздравлений и похвал Лене было неловко, казалось, что они неискренни, произносятся больше по долгу службы. Никто и словом не обмолвился, что он плохо провел второй сет. Не подскажи ему Гера, он бы, наверное, и третий продул.

Личные соревнования проводились для ребят разного возраста, и Леня с радостью уступил свое место у столика главного судьи другому мальчишке. А сам направился к Грачеву, который стоял в стороне и терпеливо

ждал, когда кончится процедура награждения. Грачев осторожно взял в руки часы.

— Красивые. — Приложил к уху, послушал ход. — Ровно через три года и у меня будут такие. А может, и лучше. Родители обещали купить, когда стукнет шестнадцать.

— Откуда такая точность?

— Сегодня у меня день рождения. Усек?

— Что ж ты молчал?

— А чего шум поднимать? Надо ребят чем-нибудь угостить, а у меня ни шиша.

Грачев еще раз приложил часы к уху, аккуратно проптер их рукавом.

— Вещь. Спрячь только получше. Еще сопрет кто-нибудь. Люди всякие бывают.

— Возьми себе. — Леня увидел, что лицо Грачева вытягивается, как тогда, когда он увидел «Данлоп». — Подарок ко дню рождения.

Грачев испуганно сделал полшага назад и сказал, что не возьмет: призы не дарят. Леня заметил, что приз не подписан, а у него есть часы: бабушка и дедушка подарили.

Это было чистой правдой. Грачев все еще колебался, и Леня бросил на весы последний аргумент.

— От подарка отказываться невежливо. Не возмешь, значит, ты мне не друг.

Грачев прекратил сопротивление. Он долго благодарили Леню, а тот отмахивался: «Не стоит! Не стоит!» — и, чтобы перевести разговор в другое русло, вытащил из кармана горсть мелочи, подсчитал, что хватит на три порции мороженого, значит, по полторы на душу. После того как ему вырезали гланцы, Леня смело ел мороженое, не боясь простудиться, но скрывал это от мамы и Швайдецкого. Мама все еще опасалась за его горло, а Швайдецкий неоднократно повторял, что от мороженого поправляются.

Они взяли в кафе три вазочки с шоколадным пломбиром и сели за столик под тентом. Грачев ел так же быстро, как и разговаривал. Он в темпе очистил свою вазочку, взял половину из третьей и энергично расправился с добавкой. Леня ел не спеша, мороженое таяло, но он не обращал на это внимания.

— Тебе нравится теннис?

Грачев оттопырил губы, но думал над ответом недолго. Ни в одном виде спорта нет такого количества международных турниров, как в теннисе. Причем на всех континентах. Вот Александр Метревели и в Австралии был, и в Африке, много раз в Америке, а про Европу и говорить не приходится.

— Играть надо здорово. Иначе не возьмут, — заметил Леня.

Грачев согласился. Он, конечно, будет стараться изо всех сил, чтобы попасть в команду для зарубежной поездки. Но другие игроки тоже об этом мечтают. Загадывать в таком деле все равно что стоять на арбузной корке. Подскользнуться можно. Отец советует изучать иностранные языки: не игроком, так переводчиком в команду попадешь.

— Переводчик нужен? Нужен, — рассуждал Грачев. — Лучше брать человека, который разбирается в спорте, чем просто знающего язык. Двоюродный брат отца, он инженер-экономист, уже несколько лет за границу ездит с делегациями, мне не раз говорил: сейчас ценятся специалисты. Усек?

— Разве теннис — это специальность?

— Ну ты как маленький. Я в спортинтернат поступаю не только ради тенниса. Интернатские имеют льготы при поступлении в физкультурный институт. А институт окончу — сам понимаешь. Все дороги открыты. Специалист с высшим образованием. Спорт сейчас очень развивается, специалисты везде нужны.

Леня понимал, что Грачев повторял слова взрослых,

но смотрел на него с уважением. Ему всегда нравились целеустремленные, точно знающие, чего они хотят. Сам он последнее время начал колебаться в правильности избранного им пути. То, что в детстве казалось простым и ясным, теперь стало обрасти сомнениями. Но все-таки на вопрос Грачева он ответил сразу.

— А ты куда?

— Я хочу стать врачом.

Грачев неодобрительно скривился, стукнул друг о дружку металлические вазочки и изрек, точно вынес приговор:

— У врачей зарплата маленькая.

Жаль, не было зеркала, чтобы Леня мог на себя взглянуть. Но он почувствовал, как у него изменилось лицо. Это заметил и Грачев.

— Не веришь? Точно. У соседки дочь окончила медицинский. Целый день за сто рублей по участку мотается. А дома старые, без лифта. После работы еле живая приползает.

— А ты откуда знаешь?

— Соседи говорят. И даже ее собственная мать.

Леня доел свою добавку, отодвинул вазочку и посмотрел на Грачева, словно видел его впервые. Он не походил на вруна. Надо действительно поинтересоваться, сколько получают врачи. Гера несколько раз говорил с ним о будущей профессии и тоже не советовал идти в медицинский. Правда, он ни разу не упоминал о зарплате. Слово «деньги» в их разговорах не фигурировало.

Отец и мать серьезных бесед с Леней о будущем не вели. Мать больше всего беспокоило, чтобы он вовремя поел и не простудился, а отец не находил для таких разговоров времени.

Выслушав Ленин вопрос, он неопределенно пожал плечами.

— Врачи? Сколько положено, столько и получают. Не хуже остальных. А какое это имеет значение?

Разговор развития не получил, потому что отец озабоченно глянул на часы — опаздывал на очередное заседание жюри — и перенес продолжение разговора на вечер. Вопреки обыкновению, он не забыл о своем обещании, вернулся домой раньше, чем всегда, и позвал Леня в свою комнату. Леня с неохотой оторвался от очередной серии «Следствие ведут знатоки», которую показывали по телевизору, он не придал значения утреннему разговору. Задал вопрос, получил ответ, чего еще. А на экране проходила кульминация событий, вот-вот выяснится, кто же все-таки главарь шайки преступников. Но твердость, с которой позвал отец, заставила его выключить телевизор.

Возможно, отец не придал бы значения интересу сына к зарплате врача, если бы не разговор с одним из участников конкурса молодых артистов. Этот человек был старше всех выступавших в конкурсе, но показал незаурядное мастерство и заслуженно занял первое место. Оказалось, что он закончил строительный институт, работал на стройке. Но любовь к театру пересилила. Поступил в театральный, закончил, сейчас работает в театре. Ленин отец долго беседовал с ним, интересуясь его взглядами на современную интерпретацию классических ролей, — эту тему он разрабатывал в своей диссертации. А в конце беседы не выдержал и спросил:

— Вы рождены для театра. Каким же ветром вас занесло в строительный? Столько лет загубили вне сцены.

Артист принял укор спокойно, видно, не впервые слышал такие слова. Правда, чуть заметная грусть в глазах говорила о том, что больно ему это слушать, что и сам он жалеет о потерянных годах. И хотя привык к этому — время, которое ушло, не вернешь, — голос его еле заметно дрожал.

— Я с шестого класса в самодеятельности. Бредил

театром. А пришло время заканчивать школу, родственники чуть не заклевали. Нищим хочешь стать? У актера зарплата какая? И пошло-поехало. Мать еще кое-как, а отец... Школу я окончил с медалью, учеба мне давалась легко. Математику сдал шутя. И студент строительного.

— А в институте?

— И там учеба мне тоже легко давалась. Другие ночами сидели, а я... Все проекты досрочно. Свободное время в самодеятельном театре. После окончания хотели в институтской лаборатории оставить: из-за меня четыре спектакля разваливались. А меня на стройку потянуло.

— На стройке что, не понравилось?

— Почему же. Работал. И неплохо. Начальником участка выдвинули. Только понял я, что мое место в театре. А не послушай родители этих родственников с их дурацкими разговорами о зарплате... Да ладно, еще не все потеряно.

Судьба немолодого актера напомнила отцу, что пришло время поговорить о выборе жизненного пути для сына. Девятый класс — преддверие окончания школы, можно не спеша все обсудить и принять правильное решение. Но слова сына его настолько озадачили, что он просто растерялся. Леня, выслушав его немного сбивчивый рассказ об актере, который поддался уговорам родственников (о роли родителей отец дипломатично умолчал), ответил коротко:

— Гера считает, что я должен поступить в институт физкультуры.

И, не давая отцу времени прийти в себя, чтобы осознать и переварить неожиданную новость, спокойно и деловито, очевидно, разговор на эту тему был для него не нов, объяснил:

— Только учась в институте физкультуры, я смогу стать высококлассным теннисистом.

Отец слушал сына, собирался с мыслями. Где-то в тайниках души он лелеял надежду, что сын изберет профессию из мира искусств. Но институт физкультуры? Школьный учитель, тренер — он плохо знал этот мир. Если Гера говорит, может, стоит прислушаться? Интересно, а что думает сам Леня, возможно, он в этих делах больше разбирается.

Но Леня находился на распутье. Это было время его наибольшего увлечения теннисом. Но посвятить ему всю жизнь? Он не раз слышал и читал, что если хочешь добиться успеха, то ничего не делай вполсилы. Гера ему уши прожужжал: победить в Уимблдонском турнире может только тот, кто посвятит всю свою жизнь теннису.

Леня ждал совета, но отец, задавая вопросы, внимательно выслушивал ответы и не говорил ничего. Он боялся, что его отцовский авторитет может повлиять на решение сына и привести к нежелательному результату. Скрывать свои мысли и чувства Леня не умел. У него все было написано на лице. Швайдецкий нередко поругивал его за это, советую не показывать своего настроения со-перникам и партнерам. Но у Лени так не получалось.

— Не знаю, — раздраженно буркнул он в ответ отцу.

Гера, конечно, прав: если мечтаешь добиться в теннисе успеха, то надо заняться им по-настоящему. Но от профессии врача он еще не отказался. Как это совместить? Он представляет, что можно быть средним инженером, а врачом? Врачу доверяют жизнь человека, ошибка в его практике непоправима. Врач не имеет права на ошибку.

— Значит, ничего не решил? — сделал вывод отец. — Думай. Время есть. А пока нажми на предметы, которые необходимо сдавать при поступлении.

— Вступительные экзамены в оба института одинаковые, налягу на химию, физику и биологию.

— Ну а с языком и литературой у тебя с первого класса все обстоит отлично. — Отец был доволен, что

разговор не окончился бесплодно. — Главное — иметь прочные знания. А там видно будет, куда податься.

Весной Леня ездил на турнир в Каунас, занял первое место. Играли легко, получалось все, что задумывал. Тренер местного клуба предложил ему остаться на сборе: его воспитанникам было бы полезно поиграть с таким партнером. Леня даже немножко смущился от столь лестного предложения. Представил выражение лица Геры, когда он ему об этом расскажет. Вот кто от души обрадуется.

— Значит, остаешься? — переспросил тренер, глядя на счастливое Ленино лицо. — Отвечай! Мне ведь надо поселить тебя, все оформить.

— Я подумаю, — сказал Леня, и тренер ушел, пообещав прийти за ответом через час.

Радость победы и приглашения на сбор держалась недолго, потянуло домой. Леня любил ездить на соревнования в другие города, с интересом бродил по незнакомым улицам, знакомился с достопримечательностями. Но едва соревнования заканчивались, торопился домой. Скучал по отцу и матери, по друзьям, не хватало привычной обстановки родных мест. Но сейчас был необычайный случай, его просили помочь ребятам овладеть техникой ударов и подач. Отказ могут посчитать зазнанием.

«Соглашусь, — Леня глянул на часы. — Придет тренер, скажу, что остаюсь. Надо будет позвонить домой, предупредить, чтобы мама не волновалась...» Воспоминание о матери навеяло грусть. Ее лицо становилось печальным, даже когда он уезжал на два или три дня. А встречала она его с такой радостью, словно он отсутствовал по крайней мере год. И поэтому он изменил свое решение, сказал тренеру, что обязан срочно вернуться домой.

Срочности, правда, никакой не было, но, сказав об этом, Леня сам убедил себя, что надо уезжать домой как можно скорее. Быстро сложил вещи, на такси добрался в аэропорт, чтобы успеть на ближайший рейс. Приехал вовремя, но билетов в кассе не оказалось.

«Может, поездом? — Леня нервно расхаживал возле касс, с завистью посматривая на счастливцев, которые выстраивались на посадку. — Это почти сутки. А следующий рейс только завтра. Надо было сразу, как закончились соревнования, ехать в аэропорт. Теперь придется загорать. А может, я дома нужен?..»

Он пошел к дежурному, потом к начальнику аэропорта, но те только разводили руками. И все-таки ему повезло, за двадцать минут до отлета разбронировали место, последним из пассажиров он поднялся по трапу в самолет, еще не веря, что через два часа будет дома.

У парадного стояла машина с красным крестом на борту. Такое случалось нередко. На третьем этаже жил полковник в отставке, а над ним директор большого завода, который недавно вышел на пенсию. Оба страдали болезнью сердца, и жильцы, видя «скорую», знали, кто ее вызвал.

Леня глянул на шофера, который дремал, положив руки на барабанку, забросил на плечо спортивную сумку и принялся отсчитывать ступеньки. К себе на девятый этаж он ходил только пешком.

Дверь открыла немолодая женщина в белом халате. Леня растерянно прошел за ней в комнату. Бледное с синевой лицо отца, лежащего на тахте, испуганные, дрожащие губы матери, сосредоточенный взгляд измеряющего кровяное давление врача словно парализовали его на пороге. В кресле под окном возвышалась горой авоська, доверху набитая огромными, ярко-оранжевыми апельсинами. На фоне темной обивки кресла апельсины казались еще ярче.

Врач кончил мерять давление, успокоил мать и по-

шел мыть руки. Сестра, это она открыла Лене, сделала инъекцию. После укола отцу стало легче. Он открыл глаза, улыбнулся, чтобы ободрить жену и сына. Врач что-то написал на листке и пояснил: для участкового. Еще раз успокоил, что ничего страшного.

В доме больной считалась мать. Она страдала холециститом, нередко у нее случались приступы, и она ложилась с грелкой на тахту. Леня покупал в аптеках травы, которые уже знал, и сам заваривал. Он всегда напоминал матери, когда что нужно принять, так как она, заботясь о нем и об отце, забывала о себе.

Отец временами жаловался на сердце, но чаще в шутливой форме. Леня никогда не видел отца лежащим в постели и считал его абсолютно здоровым человеком. Отец был точно такого же мнения о себе и, когда увидел в продаже апельсины, решил взять побольше. Лесику нужны витамины, он сейчас так много тренируется, а апельсины могут долго лежать и не портиться. Но, на беду, лифт не работал. Подъем на девятый этаж с таким грузом оказался для его сердца непосильным.

Бледно-синеватое лицо отца Леня запомнил на всю жизнь. Но еще больше врезались в память материнские глаза. Страх и надежда сменились в них безграничной радостью, когда отец после укола задышал спокойнее и синева прошла.

Запомнил Леня и лицо врача, его спокойные, увереные действия. В ответ на материнское спасибо он ответил мудрой, еле заметной улыбкой человека, который хорошо сделал свое дело, спас больного и не видит в этом ничего особенного. «Какая нужная и благородная профессия, — подумал Леня и представил себя в белом халате и белой шапочке. — А может, и мне стать врачом?»

Мысль, которая зародилась тогда, в минуты опасения за жизнь отца, уже не покидала его. Но сделать окончательный выбор он не решался. «Смогу ли я так уверенно

и решительно действовать, как врач «скорой»? Если я надену белый халат, на меня ляжет огромная ответственность, мне будет доверена жизнь людей. А есть ли в мире что-нибудь дороже жизни? Тысячи врачей и физиологов работают над тем, чтобы продлить жизнь человека, уберечь его от болезней, помочь при травмах. Даже сердце научились пересаживать...»

Время шло, а Леня все еще не решил, в какой институт относить документы. Второй разговор о выборе профессии возник в присутствии Швайдецкого. Природа наделила его отменным здоровьем. Правильный образ жизни (он не курил, не пил вина, регулярно занимался спортом) позволил ему, несмотря на возраст, оставаться сильным и жизнедеятельным. Он никогда не жаловался на боль или усталость, беззлобно иронизировал над друзьями, считая единственным лекарством от всех болезней спорт. Поэтому обрушился на Лениного отца, утверждая, что профилактика во сто раз нужнее лечения. Занимались бы все регулярно спортом, половину врачей можно было бы перевести на другую работу, а больницы закрыть.

— Человек сам кузнец своего счастья, — закончил Швайдецкий своей любимой поговоркой и сердито забарабанил ложечкой о стакан, забыв, что пьет чай без сахара. Никогда еще он не высказывался так резко и безапелляционно, как сейчас, многозначительно глядя на Леню и ожидая, что тот безоговорочно его поддержит. Но Леня молчал. Швайдецкий говорил — и все казалось правильным, возражал отец — и он был на его стороне, соглашаясь с тем, что настоящим врачом можно стать, только имея призвание, метался между ними, как теннисный мячик, который не мог приземлиться на чьей-нибудь стороне.

Швайдецкий понял его состояние. Молчанием Леня прикрывал свою растерянность, но все, что он испытывал, можно было прочитать на его лице. И тогда Швай-

децкий бросил на весы спора, как ему казалось, самые веские аргументы.

— А теннис? — Он намеренно снизил голос, но в комнате словно бомба разорвалась. — У него талант. Талант! Понимаете? — продолжая, он еще понизил голос. — Не хотел при нем говорить. Он может стать чемпионом страны, выиграть первенство Европы, а может быть, и Уимблдон.

— Разве учеба в медицинском помешает? — спросил робко один из гостей.

Швайдецкий грозно глянул на него, и тот сразу замолк, не решаясь дальше высказывать свои соображения. Потом Швайдецкий заговорил снова, властно захватив в свои руки инициативу, четко изложил, что две телеги тянуть нельзя, выбирать надо одно: медицину или спорт. Будет ли из Лени хороший медик — неизвестно, а на корте он уже себя проявил. Трудолюбия мальчику, правда, не хватает, маловато настоящей спортивной злости, и физически слабоват. Но учеба в институте физкультуры поможет ему сконцентрироваться, всего себя подчинить одной цели — спорту.

Возражавших не нашлось. Спор угас, гости вспомнили, что домой добираться далеко, время уже позднее, а завтра у каждого дел невпроворот. Прощаясь, Швайдецкий задержал Ленину руку в своей и сказал, что скоро приедет на тренировку. Надо вернуться к разговору, дело серьезное, решать его впопыхах не следует.

Но скорой встречи со Швайдецким не получилось. Он уехал на турнир в Тбилиси, затем театр отправился на гастроли в Казахстан. А с Грачевым судьба свела Леню вновь. Сергей поступил в спортивный интернат, сильно прибавил в игре и попал вместе с Леней на республиканский юношеский отборочный турнир.

Приехали они дней за десять до начала, чтобы акклиматизироваться, опробовать корты и провести тренировочный сбор. Поселился Леня в одной комнате с Граче-

вым, вместе ходили в столовую и на тренировки. В последний день перед соревнованиями тренировки отменили; они гуляли по парку, стараясь избегать остальных ребят, чтобы оградиться от лишних вопросов. Каждый думал о предстоящей встрече, обсуждал свою сетку, радовался или досадовал на результаты жеребьевки. Победители отборочного турнира попадали на финал в Москву.

— Ты в Москве бывал? — мечтательно спросил Грачев.

— Сто раз. У меня там дядя, — ответил Леня.

У Грачева в глазах мелькнуло восхищение, а может, и зависть: везет человеку, сто раз был и в сто первый попадет. Свои шансы на победу Грачев оценивал самокритично. Но Леня яростно на него набросился, уверял, что он вполне готов, сетка у него дай бог каждому, а первые игры просто разминочка. Грачев от такого натиска приободрился, а в конце разговора совсем расхрабрился, заявив, что первую встречу выиграет всухую.

Так оно и получилось, но к полуфиналу Грачев выдохся. Алик Безуглый из Харькова в первом сете устроил ему полный разгром. Грачев начал второй сет совершенно сникшим. Легкая победа вскружила Алику голову, он стал действовать небрежно, позволил себе поиграть на публику и, сделав резкий рывок к мячу, потянул ногу. Страшного ничего не произошло, но умения переносить боль у него не было, он морщился, передвигаясь по корту, сердился неизвестно на кого. Даже грубо ответил своему тренеру, призывавшему его собраться и не упускать победу, которая у него уже в кармане.

А Грачев воспрянул духом. Соперник был левша. После серии глубоких ударов он бил ему короткие под правую руку, заставляя Алика беспрерывно ошибаться. В третьей партии, принимая подачи, он не торопился отвечать, наоборот, действовал мягко, а потом неожиданно резко посыпал мяч в ноги.

— До Москвы только шаг, — сказал Леня, обнимая еле стоящего на ногах Грачева.

— Куда мне. — Грачев полотенцем вытирал пот с лица. Говорил без рисовки, зная, что его соперником в финале будет либо Леня, либо Игорь Кищенко из Донецка. Победить любого из них для него утопия. А побывать в Москве страшно хотелось. Он сказал об этом Лене совершенно искренне, не стесняясь, понимая, что тот ему не в силах помочь.

— Держи хвост морковкой... — начал Леня, но по микрофону объявили, что начинается игра второго полуфинала, и он, оставив Грачева, бросился на корт. Во время разминки, отражая сильные удары Игоря Кищенко, он понял, что, выйди донечанин в финал, Грачеву не устоять.

Игорь играл очень разнообразно. Сильный удар внезапно сменялся коварным укороченным, за обводкой следовала подкрученная свеча. Но каждый раз над кортом звучало: «Беру!» — и Леня птицей летел к безнадежному, казалось, мячу и успевал подставить ракетку. В атакующие удары он вкладывал всю силу, бил, словно гвозди вколачивал, беспрерывно повторяя про себя: «На тебе! На тебе!»

Игорь сопротивлялся отчаянно, но ничего не мог поделать. Еле сумел выиграть по одному гейму на своей подаче в каждой партии и, поздравляя Леню с победой, пожелал ему успеха в Москве. Словно говорившись, это повторяли все поздравлявшие: игра Лени произвела впечатление даже на сдержанных судей. Один из них, немолодой уже, но с хорошей спортивной выправкой, в очках с сильными линзами, вспомнил, как на первенстве страны десять лет назад вот так же отчаянно сыграл Герард Швайдецкий. Точно так же кричал: «Беру!» — и брал любые мячи. А бил? Казалось, что на корте не человек, а теннисная катапульта. С такой игрой, как сегодня, в Москве первое место обеспечено.

— Чтобы попасть в Москву, надо завтра выиграть финал, — заметил Леня, дождавшись, когда судья закончил свои воспоминания.— Последний бой все решает.

Судья слегка улыбнулся и ничего не ответил, так как рядом стоял Грачев. Только едва заметным движением глаз дал понять Лене, что в его победе не сомневается. Соперник ему в финале попался слабый, говорить не приходится, а его скромность он одобряет.

Но Лене ответил Грачев.

— Леха, не пижонься. Тебе дело говорят. Я, конечно, игру не подарю, но...

— Что «но»? — Леня побагровел, повысил голос, словно Грачев оскорбил его. — Что ты нокаешь? Сам пижон и трус! «Москву хочу увидеть!», — очень похоже передразнил он Грачева.— На тарелочке тебе Москву не поднесут. Если завтра не надеешься выиграть, то сиди лучше в гостинице. Нечего на корт соваться.

Почувствовав, что назревает ссора, судья деликатно удалился. Грачев еще немного послушал, как Леня одну за другой вешал на него обидные клички, а потом сам заселся. От былого добродушия не осталось и следа. Он начал огрызаться, потом совсем разозлился и пообещал завтра разделать Леню, как бог черепаху. Почувствовав, что страсти зашли далеко, Леня миролюбиво предложил пойти выпить сок. Грачев отказался.

— Пошел ты к богу в рай.

Он обильно пересыпал свою речь крепкими выражениями, считая это признаком взрослости, и Леня, который не любил ругательств, всегда обрывал его на полуслове. Но теперь он промолчал. Они разошлись и до ужина не встречались. За ужином Леня первый сделал шаг к примирению, Грачев только этого и ждал. Он долго сердился не мог. О завтрашнем финале говорил спокойно и даже поддразнивал Леню, обещая погонять его по корту до седьмого пота. А перед сном огородил неожиданным признанием.

— Меня в Москву, думаешь, чего тянет? Не только на столицу поглядеть. Я ведь с отчимом живу, относится он ко мне — люкс. Слова плохого не слыхал. Что он не родной мне, я год назад узнал. Родной, оказывается, в Москве живет. Чего они с матерью не поделили? Без понятия.

— Откуда же ты узнал про отца?

— Сестра его в нашем городе живет. Тетка моя, значит. Сказала мне, что сейчас он в Москве, но к осени уедет на Дальний Восток. Ему там какую-то большую должность предлагают. Тетка подробно не в курсе. Охота мне на него поглядеть, познакомиться....

— А у него кто-то есть?

— Есть. Жена и дочь. Тетка говорит, я на него похож. Копия. А мне хочется взглянуть на оригинал.

Они разговаривали лежа в постелях, не зажигая света. Леня не видел лица Грачева, но по голосу, который звучал непривычно мягко, понимал состояние своего будущего соперника. Наверняка, если бы горел свет, Грачев не решился бы на такой душевный разговор. Он всегда немного паясничал, бравировал крепкими словечками, старался казаться старше своих пятнадцати лет и больше всего боялся выглядеть интеллигентно, считая это признаком слабости. Грубоватые манеры, небрежность в одежде, постоянная ирония в оценке книг, фильмов, музыки, поступков своих товарищей он считал признаками настоящего мужчины.

Леня не ждал такого поворота, сразу не нашелся, что ответить. Он сознательно заводил Грачева, чтобы тот на корте не выглядел жалко, хотел, чтобы финал получился боевым. А у того иное на уме.

— Он тебе писал?

— Нет, не писал,— ответил Грачев.— Но это так мать попросила. Тетка рассказала. Он говорит, что он несколько раз приезжал и смотрел на меня издалека. Но не подходил. Уговор такой был, когда разводились.

Грачев говорил спокойно, а у Лени защемило в груди. Он очень любил своих родителей, если случалось задерживаться, то непременно звонил, чтобы не волновались. Представил, как отец глядит на него издали и не решается подойти. В горле запершило, и он поспешил закончить ночной разговор, сказав, что перед финалом им обоим надо хорошо выспаться. Грачев без возражений согласился и через несколько минут спал крепким сном.

Леня тоже, как правило, засыпал быстро, но на этот раз сон не шел. Перед глазами мерещился отец, который печально смотрел на него, прячась за стволом огромного дерева.

Встречу они начали спокойно, каждый выиграл гейм на своей подаче. Грачев старался, а Леня действовал, словно в замедленной съемке. Все делал правильно, а к мячу не поспевал. Так он дотянул до счета пять-четыре в пользу Грачева. С трибун поддерживали Грачева — болельщики всегда на стороне слабых. Но кто-то зычно предложил Лене не тянуть резину и кончать партию: в победу Грачева реально не верил никто.

В следующем гейме на подаче Лени был сет-бол. Леня сильно пробил в левый угол и помчался к сетке. Грачев с трудом парировал удар высоченной свечой, зрители и игроки решили, что мяч летит в аут. В мертвотишине Леня и Грачев провожали его глазами.

—Ууу! — откликнулся стадион, когда мяч упал на Лениной стороне да еще с приличным запасом. Леня от огорчения только развел руками («Надо ж такое невезение!»), а Грачев, воодушевленный удачей, блестяще проделал обводку и лихо погасил хлипкую Ленину свечу.

Во второй партии борьба шла на равных только до счета три-три. Затем у Лени косяком пошли удары в сетку, мазки, двойные ошибки при подаче. Судья объявил о победе Грачева и бодро спустился с вышки. Леня

обнял и поцеловал Грачева. Тот в ответ растерянно прошептал:

— Сам не верю, что победил. Провались я на этом месте.

Зрители и игроки, тренеры и судьи на все лады комментировали результат финала. Молчал только старший тренер молодежной сборной страны, который приехал на турнир, чтобы познакомиться с перспективными игроками. Вчера он занес фамилию Лени в свой блокнот в числе кандидатов для поездки за границу. Решил после финала поговорить с ним уже как с победителем турнира. Но разговор не состоялся, а в блокноте против Лениной фамилии появились две фразы: «Нестабильный игрок. Человек настроения». С такой характеристикой в заграничные поездки спортсменов не берут. Может легко провалиться. А для побед нужны бойцы.

Снова с Грачевым он встретился на корте, когда весной пришел на первенство города подавать мячи. Хотя Леня был не новичок, а разрядник и в соревнованиях участвовал не раз, он никогда не пропускал возможности находиться рядом с классными игроками, изучать тонкости игры, невидимые с трибун, перенять какой-нибудь технический прием. Швайдецкий учил его не просто смотреть игру, а самому мысленно становиться игроком, как говорят актеры, вживаться в образ.

Главный секретарь соревнований приветливо улыбнулся и направил на корт, где предстояло играть Швайдецкому. Там уже стоял Грачев. Он шумно поприветствовал Леню, но ничего толком рассказать не успел — началась первая встреча. Едва она закончилась, на Леня обрушился водопад новостей: кто из известных чемпионов женился, кто развелся, у кого какая машина. Леня пропустил всю информацию мимо ушей, его интересовало пребывание Грачева в Москве. Спортивные результаты его он знал из газет: в финальную восьмёрку

Грачев не попал. Леня понимал, что с его игрой пока на это рассчитывать нечего. А вот отец? Встретились ли они?

Дождавшись крошечной паузы в темпераментном монологе Грачева, спросил напрямик, словно выстрелил в упор:

— Как твой отец?

— Никак,— равнодушно скривился Грачев.— Позвонил, его дома не было.

— Надо было еще раз позвонить.

— Закрутился я. Первый раз в Москве, столько интересного. А мне еще поручений надавали, в магазинах хорошо натолкался. Импортных вещей там навалом...

— Так отца и не видел? — с трудом выдавил Леня. Равнодушие Грачева подействовало на него угнетающе. Ему было очень стыдно, хотя ничего предосудительного он не сделал. — Не встретились?

— Делов куча, — махнул рукой Грачев. — Пахан сюда в командировки по три, а то и по четыре раза в год ездит. Подарки привозит. Он у меня добрый.

Леня промолчал. Он хорошо помнил разговор в темноте, словно наяву слышал грустный голос Грачева. «Нежели Грач лукавил? — Леня отогнал от себя эту мысль. — Ну, чего он придирается? Может, Грач не так выразился, может, немножко сfantазировал. У него — это правда. Отец живет отдельно — совпадает. Раньше отец не решался подойти к Грачу, а теперь приезжает. В Москве не встретились? Всякое может случиться».

Леня, размышляя, успокаивал себя, а Грачев без умолку тараторил, совершенно не замечая, что собеседник его не слушает. Замолчал Грачев внезапно, потому что в разговор неожиданно вмешался коренастый мальчишка. Леня, занятый своими мыслями, не заметил, когда он появился, будто вырос из-под земли. Обратило на себя внимание очень серьезное выражение лица, такое у ребят встречается редко.

— Давай поменяемся кортами, — решительно предложил он Грачеву. — Я хочу подавать Швайдецкому.

— Пошел ты в дальние края, — незамедлительно отозвался Грачёв. — Я сам хочу подавать Гере. Дураков нет. Верно, Леха?

Леня не ответил. Его удивило, что после такого грубого отказа мальчишка не ушел, а стоял как вкопанный и взглядом продолжал просить Грачева. Глаза потемнели, скулы резко обозначились. Неужели для него так важно подавать мячи Гере? К нему он не обратился, даже не смотрел в его сторону. Самолюбив или слишком робок, чтобы попросить незнакомого?

«А Грач бы не постеснялся,— подумал Леня.— Он бы немедленно меня попросил. А может, постеснялся? Пожалуй, нет. Я ведь не раз был свидетелем, как Грач обращался с просьбами по любому поводу даже к незнакомым людям. За спрос не бьют в нос, повторял он, И добавлял, что свет не без добрых людей. А сам он добрый? Может, смягчится, коренастый так смотрит, видно, ему до смерти хочется подавать Гере. Ну, Грач, — мысленно попросил он, — будь человеком...»

— Катись, Антоша,— осклабился Грачев. — В другой раз попросишься на Герин корт. Сегодня ты тянешь пустой номер. Я меняться не буду.

— Вовсе не пустой, — вмешался Леня. — Я могу поменяться. Со мной хочешь?

Грачев мгновенно подхватил эту идею, похвалил Леню и принялся быстро рассказывать, какой Антон мировой парень. Антон же от счастья даже забыл поблагодарить Леня, но тот ничуть не обиделся. Счастливое лицо Антона было красноречивее всяких слов.

Вскоре ему пришлось встретиться с Антоном на корте как с соперником. Сперва игра шла ровно, но потом Антон занервничал. Ни жестами, ни словами он не выдавал, что переживает свои ошибки, но чрезмерная осторожность, желание не промазать ухудшили игру. Увидев,

что соперник «сломался», Леня, как учил Швайдецкий, усилил мощь ударов, вышел несколько раз к сетке, и встреча быстро закончилась его победой.

Он пошел в раздевалку за спортивным костюмом, ему еще предстоял микст с Ирой Казаковой, а затем вернулся на корт, чтобы поговорить с Антоном, посоветовать, что осторожничать не надо, поделиться секретами, которые получил от Швайдецкого. Но Антон как сквозь землю провалился. Неужели совсем убежал со стадиона? Разве можно так сильно переживать поражение? В конце концов это дружеская встреча, а не первенство Союза или, на худой конец, города.

Антона увидел после того, как проиграл микст Грачеву и Веру Тузиковой. Он разминался у стенки, готовясь к парной игре. Леня не решался подойти, чувствовалось, что парню сейчас не до него, всю силу он вкладывал в удары о стенку. Но когда Антон повернулся лицом, Леня увидел его покрасневшие глаза и понял: Антон плакал!

Вечером к ним пришел Швайдецкий, расспрашивал о встрече с интернатом. Леня уже привык, что Гера интересовался любой мелочью, которая касалась тенниса. Из всего он делал выводы, объяснял ошибки, хвалил за удачу. Леня коротко рассказал ему о встрече с Антоном, о том, как тот убежал и пропадал где-то целый час. Приномнил, как менялся с ним на корте, шутливо заметив, что у Геры появился еще один обожатель. Швайдецкий, против обыкновения, шутку не поддержал.

— Я обратил внимание на этого мальчишку. Не припомню, чтобы кто-то так серьезно подавал мячи.

— А знаешь, почему он убегал? Чтобы не видели слез.

Мать, которая накрывала стол к чаю, удивленно посмотрела на Леня.

— Мальчик заплакал? Я еще понимаю — девочка...

— Странный он какой-то. — Леня принялся помогать матери. — Поражение надо переносить по-мужски. Да и стоит ли так убиваться, даже проиграв?

— Стоит! — Швайдецкий сказал это непривычно громко, словно выстрелил. — Чак Мак-Кинли, один из победителей Уимблдона, совершенно иного мнения. Он сказал, что если юноша, который начинает свой путь в теннисе, при первых поражениях не плачет, то он никогда не научится побеждать. Меня просто бесит, когда снобы, ни разу не выходившие на корт, хвалят теннисиста, который умеет проигрывать. Нельзя уметь проигрывать.

— Но ведь ты сам...

Швайдецкий недовольно посмотрел на Леню и продолжал так же уверенно и властно:

— Я говорил и повторяю, надо не показывать своих переживаний после поражения. Антон убежал, чтобы никто не видел его слез. Но то, что он плакал, это великолепно! Это здорово! Спортсмен должен чувствовать поражение всеми фибрами своего организма. Мне всегда импонировали игроки, у которых желание победить стояло на первом месте. Филигранная техника и тонкая тактика ничего не стоят без воли к победе. Воля, желание — без этого не бывает чемпионов. Уверен, что очень скоро после встречи с Антоном плакать будут другие.

Швайдецкий не ошибся. Леня убедился в этом, как говорят, на собственной шкуре, а затем, играя с Антоном в паре, поражался его целеустремленности и настойчивости. Благодаря Антону он снова начал серьезно заниматься теннисом и наладил отношения со Швайдецким, который никак не мог смириться с тем, что он пошел не в физкультурный, а в медицинский институт. На первых порах заниматься теннисом у Лени не хватало времени, но потом все наладилось. Швайдецкий перестал дуться, даже повеселел: у него теперь был Антон, да еще и Леня вернулся.

У Лени с Антоном никаких трений не существовало. Он был благодарен Антону за его фанатичную преданность теннису, которая и его заставляла подтягиваться,

Впервые они разошлись во мнениях на сборе в Приэльбрусье.

— Сбор оздоровительный, — объявил Леня, — значит, надо сочетать отдых с теннисом. Периодически отключаться.

Но Антон не умел отключаться. Он прочно запрограммировал себя на теннис и все остальное считал пустой трата времени. Отъезд Лени его просто ошеломил. Уехать со сбора ради малознакомого человека, просто сослуживца! Мог ли он так поступить? Антон даже немного растерялся, задав себе такой вопрос, потому что не нашел четкого ответа. Но понял с этого дня, как дорога ему дружба с Леней.

Вернувшись из Приэльбрусья, в тот же день пошел к Лене. Ему хотелось встречаться с ним чаще, бывать вместе не только на корте. Леня встретил его радушно, спрашивал о ребятах. Они стали готовиться к всесоюзному турниру в Кисловодске. Леня старался, не жалея себя, и Антон с радостью замечал одобрительную улыбку на лице Швайдецкого. Но за неделю до отъезда возник конфликт.

В этот день у них все очень здорово получалось. Обычная сдержанность покинула Швайдецкого, он даже решил предсказать им с такой игрой успех в Кисловодске.

— Надо выехать завтра. Я уже договорился о билетах.

— Зачем так рано? — удивился Антон. — Поработаем еще здесь. Закрепим все комбинации.

— Надо акклиматизироваться, это же среднегорье. Я не раз там выступал, на себе проверил, что к высоте надо привыкнуть. Очень сильные игроки приезжали на кануне соревнований, и... — Швайдецкий развел руками. — Мало кому удавалось победить.

— Я не могу завтра ехать, — сказал Леня. — Зачет по спецкурсу надо сдать. И другие дела в институте.

Швайдецкого словно плетью ударили. Лицо побледнело, осунулось. Он заговорил взволнованно, резко доказывая Лене, что так поступать нельзя, что он ставит под удар успех в турнире.

— Не могу, Гера, — твердость Ленинского тона исключала дальнейший разговор.— Прилечу за день до начала. Успею акклиматизироваться. Все будет хорошо.

Швайдецкий кивнул и сухо начал прощаться, хотя они собирались вместе после тренировки погулять в парке. Антон понял: если бы Леня начал оправдываться, ссылаясь на обстоятельства, слукавил бы, наконец, немножко, Герард Васильевич реагировал бы не так болезненно, может быть, даже вовсе не переживал. Решительность Лени, который без колебаний поставил на первое место институтские дела, оказалась для него ложкой дегтя.

— Прошу тебя, Лесик, очень прошу. Сделай все, чтобы приехать хотя бы на день раньше. — Швайдецкий намеревался еще что-то сказать, но передумал и, церемонно поклонившись, ушел.

Леня успешно сдал зачет, договорился о практике — можно ехать. Но внезапно удача закапризничала. Сперва она послала на землю нелетную погоду, а потом в купе скорого поезда, где он занял верхнюю полку, поселили женщину с грудным ребенком. Ребенок пронзительно плакал, мать успокаивала его резким, злым голосом. Не могла совладать со своим раздражением. Ей принянлась помогать пожилая пассажирка, которой Леня уступил нижнюю полку. Пришлось срочно эвакуироваться в коридор и влиться в компанию курильщиков. Табачный дым раздражал его, но делать было нечего, он стоял у окна, пока не стемнело. Зашел в купе, когда все улеглись. Но спать ему не пришлось. Едва он уютно устроился на правом боку лицом к стенке, как по радио попросили врача, едущего в поезде, срочно прийти в пятый вагон. Женщины на нижних полках стали живо

обсуждать, что могло случиться. Их разговор прервала диктор, взволнованным голосом еще раз попросив врача.

Леня в темпе натянул спортивный костюм и выскочил в коридор. Он еще не врач, но опыт работы на «скорой помощи» давал ему право вступить в бой за жизнь человека. Тем более, что врачей в поезде, очевидно, не оказалось.

После окончания третьего курса отец подарил Лене небольшой чемоданчик, где удобно располагались необходимые на первый случай медикаменты, шприц для уколов, аппарат для измерения кровяного давления. Он брал этот чемоданчик во все поездки, но ни разу не пришлось им пользоваться, разве что ребятам иногда ради интереса мерял давление. А вот и пригодился.

В тамбура пятого вагона уже ждали и быстро прошли в купе. Плохо стало седому человеку с желтоватой, морщинистой кожей лица. «Не меньше семидесяти», — определил Леня и подумал, что в таком возрасте лучше отдохнуть вблизи дома, а не пускаться в рискованное путешествие на кисловодский курорт. Оба предположения оказались скоропспелыми. Старику было за восемьдесят, он ехал на пятидесятилетие дочери, главного врача одного из кисловодских санаториев. Сердце у него работало вполне прилично, подвела мнительность. Разволновался, что забыл дома валокардин, без него он шагу не делал, хотя пользовался редко. В общем, типичный стресс на почве многочисленных разговоров о сердечно-сосудистых заболеваниях.

Леня сделал профилактический укол, успокоил, что ничего страшного нет, и, сложив чемоданчик, приготовился уйти. Но старик схватил его за руку и умоляюще попросил посидеть еще немножко.

— Я боюсь, доктор, что приступ повторится.

Делать нечего, пришлось остаться. Старики держал его за руку, смотрел благодарными глазами, время от

времени повторяя: «Спасибо, доктор». Леня долго не решался шевельнуться, боялся разбудить, потом тихонько высвободил руку и ушел. В купе его встретил плач младенца. Он забылся тяжелым сном лишь перед рассветом. Его разбудил проводник: «Приехали!» С гудящей от усталости головой он направился с вокзала прямо на корт.

До боли было жаль Швайдецкого, которого его нелепое поражение просто придавило. На сочувственные вопросы Антона и многочисленных знакомых о причинах такой бездарной игры, отвечал однозначно: «Бывает. Не пошла игра».

За день до финиша парной игры он столкнулся нос к носу со стариком из поезда, когда прогуливался возле нарзанной галереи. Старик вцепился в руку, громко, привлекая внимание прохожих, называл Леню спасителем, хотел непременно познакомить его с дочерью и зятем. Леня не сказал ему, что через час у него финальная игра, — стариk обязательно пришел бы в сопровождении всей родни на корты и наделал шума. Элементарный укол превратил бы во врачебный подвиг, а Леню — в героя. Леня не любил повышенного внимания к своей особе, даже когда этого и заслуживал, а случай в поезде был настолько рядовой, что и говорить о нем не стоило. Поэтому он быстро сказал первое, что пришло в голову:

— Сердечно рад был бы познакомиться с вашими. Но через полчаса автобус на Минводы. Улетаю. Срочно вызывают домой.

Старик так огорчился, что Леня испугался, как бы вновь не понадобился чемоданчик с лекарствами. Но все обошлось, стариk только попросил его дать свой домашний адрес и телефон. По приезде он лично поблагодарит Лениных родителей, которые вырастили такого замечательного сына.

Пожав друг другу руки, они расстались.

Закрепившуюся за ним характеристику «нестабильный игрок, человек настроения» Леня не старался опровергнуть. Своими неровными результатами он только поддерживал справедливость такого мнения. Но в год окончания института, когда Лера уехала, а он, чтобы заглушить тоску, стал все свободное время пропадать на корте, мнение о нем начало меняться.

Правда, Леня почему-то потерял вкус к одиночной игре. Действовал на корте без азарта, иногда даже флегматично, каждый раз ему что-то мешало добиться большого успеха. Но рядом с Антоном, всегда хладнокровным в водовороте теннисного поединка, упорным и цепким, неукротимо стремящимся к победе в любых, даже самых незначительных соревнованиях, умевшим преодолевать усталость, неуверенность и даже невезение, он чувствовал себя прекрасно. Играя с ним, смело шел вперед, а выступая один, предпочитал «отсиживаться» на задней линии. Возле Антона у него прибавлялось сил, он становился подвижнее, зажигался и доставал такой мяч, который в одиночной игре только провожал глазами.

И Антон чувствовал себя рядом с Леней удивительно легко и свободно. Они понимали друг друга не с полуслова, а с полуувзгляда. И если над кортом звучало: «Леня!» или «Антон!», то каждый знал, в каком месте площадки надо находиться и что делать.

На чемпионате страны пробил их звездный час. Чем ближе они продвигались к финалу, тем больше о них говорили. Их имена сочетались со словами: «Сборная СССР», «Уимблдон», произносились рядом с именами Метревели, Какулия, Борисова и других корифеев отечественного тенниса. На их полуфинальной встрече судили руководящие работники республиканского спортивного комитета, члены президиума Федерации тенниса СССР. Под внимательными, изучающими взглядами авторитетных людей Леня и Антон не чувствовали обычной в таких ситуациях скованности, вели себя на корте свобод-

но, уверенно. Так бывает, когда кривые интеллектуальных и физических биоритмов спортсмена пересекаются в одной высшей точке.

Новую теорию, которая помогла спортивной науке объяснить тайну феноменальных рекордов и провалов прославленных атлетов, которым заранее отдавались олимпийские медали, принес Грачев. Антон скептически пожал плечами. Он был по натуре практик, человек дела, верил, что труд, упорство, целеустремленность способны обуздать любые кривые биоритмов. Леня подтвердил правоту Грачева. Он читал об исследованиях биоритмов у штангистов, но не придал статье значения. А теперь большинство ведущих спортсменов мира стали тщательно изучать свои биоритмы и учитывать их в соревнованиях.

— Ладно, — сдался Антон, — пусть будут биоритмы.

Но в глубине души он остался при своем мнении, что тот, кто пашет глубоко, тот и собирает урожай. Он «пахал», позабыв обо всем остальном, и если его трудовой пот нашел такое красивое научное определение, то тем лучше. Он шел к этому дню медленно, шаг за шагом, уверенность в своих силах усмиряла волнение, укрепляла волю, создавала фундамент для успеха. Эта уверенность передавалась и Грачеву.

— Сынки, — гудел Грачев, непостижимо ухитряясь смотреть одновременно и на Леня, и на Антона, — мать родную не видать мне, если не махнем вместе по земному шарику.

— А ты при чем? — угрюмо осведомился Леня. Ох, как не любил он этих авансов, заранее положенных в карман медалей и курража, даже подкрепленного научной теорией биоритмов.

Но Грачева сбить с заранее подготовленной позиции было непросто.

— Я с вами вместо бабушки, сыники. Чтобы не баловались. — И, погасив улыбку, деловито закончил: —

Каждой спортивной делегации положен руководитель. Хочешь какого-нибудь занудного старика? Или меня, до-бра молодца? Усек?

— Тебя, тебя, — успокоил его Антон, которого начи-нал раздражать этот ненужный разговор. — Только не дели шкуру...

Но Грачев делил и планировал все заранее. Они вышли в финал и уже этим обеспечили себе место в сборной, заграничные поездки и уважение руководства. «Се-ребряная пара» — звучит совсем неплохо. Тридцать два дуэта начали борьбу за медали, а осталось только два. Один из них будет серебряным, а второй — золотым. Но они это и без Грачева знали и довольно невежливо выпроводили его из раздевалки, потому что туда зашел Швайдецкий, который подобных разговоров терпеть не мог.

Спросив о самочувствии и поговорив о каких-то пустяках, он перешел к главному:

— Настройтесь на завтра. Отключитесь от всего ос-тального, не реагируйте ни на что. — Формально это звучало для двоих, но он смотрел только на Леню и го-ворил фактически для него. — Не встревайте, ради бога, ни в какие дела. Отдыхайте, но помните, что завтра фи-нал.

Антону этого можно было бы и не говорить. Разве для него в жизни есть что-нибудь важнее, чем теннис? Стоило только посмотреть на него, когда он выходил на корт, крепко сжав ракетку в руке. Сосредоточенный взгляд, чуть согнутые ноги, готовые послать мускулистое на-тренированное тело вперед, назад, в стороны, чтобы до-стать мяч и точным, беспощадным ударом отослать его сопернику так, чтоб тот не угадал точку приземления и проиграл очко. Сидя на трибуне и наблюдая чужие пое-динки, Антон был так же углублен и сосредоточен, как и на корте. Он тоже играл, это была дополнительная тренировка. Ну а Леня? Швайдецкий готов был нахо-

диться рядом с ним день и ночь, все время до начала финала. Но он знал, что Леня не выносит недоверия, тем более мелочной опеки. Да на этот раз, пожалуй, особых напоминаний и не требовалось: Леню полностью поглотил водоворот спортивной борьбы, азарт и, чего греха таить, волновали разговоры о сборной страны, поездках за рубеж, в города, о которых красочно рассказывал не раз Швайдецкий.

Так было до дня финала. Накануне встречи произошло событие, о котором Леня предпочел не распространяться, а Антону вскользь заметил, что имеется сюрприз.

Сюрпризом оказалась телеграмма от Леры, она приезжала утром в день финала. Но это нисколько не могло помешать, испортить дело. Наоборот, зная, что Лера на трибуне, он заиграет еще сильнее. Может быть, его победа и все вытекающие из нее последствия заставят ее понять, что они должны быть вместе только здесь, в столичном городе. И незачем устраивать друг другу годичные испытания.

Леня поднялся рано в отличном настроении и заторопился в цветочный магазин. Он долго советовался с продавщицей, выбирая букет, и она позвала на помощь заведующую, статную женщину с огромной короной темно-шоколадных волос. Заведующая оказалась словоохотливой, за пять минут она поведала Лене, что ей пришлось по своему веку составлять букеты Клавдии Шульженко и Кето Джапаридзе, Леониду Утесову и Марку Бернесу. По скорости разговора и плотности информации она вполне могла соперничать с Грачевым, но превзошла его деловитостью. Вкус у нее оказался отменным, красиво подобранный букет подтверждал, что звезды эстрады получали шедевры цветочного искусства, а симпатичная заведующая по праву награждалась контрамарками на самые популярные концерты.

На Ленин букет обращали внимание на улице и в метро, даже на вокзальном перроне, где каждый второй

держал в руке цветы. Лера ахнула, увидев этот цветочный шедевр, и потом, когда они сидели на скамейке в парке и разговаривали, представляла себя Софией Ротару или Аллой Пугачевой. Даже потихоньку напевала, безбожно фальшивя, мелодию — природа не наградила ее слухом.

На вопрос Лени о цели приезда она ответила кратко:

— Соскучилась.

И сразу улетели куда-то в межпланетное пространство теннис, чемпионат, сборная страны, а с нею заграницные города с волнующими воображение названиями. Но Лера сама вернула его на землю, напомнила о финале; она внимательно следила за чемпионатом по газетам и сказала, что жаждет его победы. Леня попыталась зацепиться, чтобы поговорить о будущем, но она спрятала лицо в цветах: потом, потом... Первой встала со скамейки и направилась к выходу.

Время начала финала неумолимо приближалось. Леня предложил поехать на такси, чтобы в троллейбусе не помяли букет. Лера не возражала. Она смотрела на Леню чуть прищуренными затуманенными глазами, от чего у него ломило в висках, и на все соглашалась. Они говорили не переставая, слова не имели смысла, смысл состоял в том, что они теперь вместе. Спортивную форму и ракетки Леня оставил в раздевалке стадиона и теперь шел налегке, неся небольшую дорожную Лерину сумку, в которой и вещей, очевидно, не было. Какая-то неодолимая сила заставила ее сорваться с места и послала к Лене. Она взяла лишь полотенце и зубную щетку, одно платье, халат — и бегом на вокзал. Вчера еще ходила по улочкам маленького города, где у нее не было ни одного знакомого, а сегодня рядом с Леней.

На остановке такси стояли трое. Сутулый, мрачного вида человек с большим портфелем, по виду командировочный, и очень пожилая пара. Маленькие, седенькие,

аккуратненькие, удивительно похожие друг на друга, они чинно дожидались такси. Старичок держал в руке авоську, заполненную баночками с соками. Ярко желтели крупные лимоны, облепившие бутылку с кефиром.

Мрачный человек с портфелем быстро уехал, а потом, как назло, машины не появлялись. Леня глянул на часы — половина одиннадцатого, время терпит, но на всякий случай осведомился, в какую сторону ехать старичкам. Оказалось, совсем в противоположную. Они везли передачу в больницу сестре старичка. Вчера весь город исходили в поисках лимонов, час в очереди стояли, но достали. Сестра после операции, просила лимоны, да и доктор велел. Машина все не подходила, и Лера попыталась взять у старика авоську. Но он не отдал ни ей, ни Лене, заверив, что она вовсе не тяжелая.

— Машина, — сказал Леня.

Старички оживились. В этот момент из-за угла вышли трое высоких, атлетического сложения парней. Краем глаза Леня случайно успел заметить, что несколько шагов они сделали нормально, а затем средний начал заметно припадать на правую ногу. У остановки они оказались одновременно с машиной. В воздухе запахло густым водочным перегаром, багровые лица парней достаточно красноречиво говорили о том, где они провели утро. Кто-то в очереди, а за Леней и Лерой уже образовался хвост, не выдержал.

— Постыдились бы. Прямо с утра напились.

Плотный, с короткой стрижкой, бережно поддерживавший хромавшего под локоть, угрожающе огрызнулся.

— На твои что ли пили?

Хромавший потрепал его по плечу, успокаивая, и, приторно улыбаясь, сказал старичку:

— Отвали, дед. Инвалидам вне очереди.

Старичок согласно закивал головой и сделал шажок назад, пропуская троицу к «Волге» с шашечками на борту.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Хромавший взялся за ручку машины, но вмешался Леня.

— Не валяйте дурака, ребята. Станьте в очередь.

— Это почему же? — запетушился коротко стриженный, и глаза его недобро засверкали. — Порядок знаешь? Инвалидам...

— Кончай, — примирительно сказал Леня. — Пошутили, и шабаш. Он здоровее любого здесь стоящего.

— Изdevаешься, — захрипел «инвалид». Пьяную ухмылку сменила злая гримаса. Он забыл о своей хромоте, выпрямился, стоял, крепко упираясь в землю обеими ногами. Теперь вся очередь увидела его притворство.

— Не связывайся, — Лера потянула Леню за локоть. Лица парней внезапно внушили ей страх, она заметила, как коротко стриженый сунул руку в карман брюк и шевелил ею, что-то разыскивая. А третий, который участия в разговоре не принимал, чуть пригнулся, словно тигр перед прыжком, готовый вступить в драку. — У тебя финал. Плюнь на эту шпану.

Слово «финал» включило в работу тормозящие центры, заставило Леню взять себя в руки. Черт с ними, с этими пьяными рожами, надо поберечь нервную энергию. Через пару минут прикатит другая «Волга».

Он буркнул, стыдясь самого себя:

— Ладно, катите.

Но старичок, который еще минуту назад сочувственно смотрел на молодого парня с «искалеченной» ногой, не согласился. От возмущения он покраснел, голос ломался на высоких нотах:

— Как не стыдно! Мы полчаса ждем машину. Ноги не держат. Нам в больницу надо. — Он сделал шагок вперед, намереваясь открыть дверцу, но «инвалид» резко плечом отодвинул его в сторону.

— Погоди, дед. На кладбище успеешь.

От толчка старичок едва не упал и выронил авоську с

передачей. Послышался звон стекла, золотистые лимоны покатились в разные стороны, один прямо к ноге «инвалида», и тот с размаха ударом заправского форварда зафутболил его метров за двадцать от стоянки.

— Ой, лимоны! — завопила старушка. — Да что ж это такое! Помогите!

Стремительно и неодолимо, словно за мячом, летящим в самый дальний угол корта, рванулся Леня с места и схватил «инвалида» за лацканы пиджака.

— Ты, — тормозящие центры уже не работали, желтые лимоны, валявшиеся на асфальте, вызвали взрывную реакцию, заставили забыть все слова, кроме тех, которые так щедро употреблял Грачев. — Ты...

«Инвалид» не испугался, видно, он бывал в переделках, а крепкими словечками пользовался чаще, чем Грачев. Ловким натренированным движением он подбил снизу руки Лени и сразу ткнул кулаком в живот, метя в солнечное сплетение. Удар получился слабый, без размаха, да и Леня успел напрячь мышцы живота. Но это было оскорблением действием и давало моральное право на ответную атаку.

Швайдецкий как-то сказал, что прославленный Панчо Гонзалес для усиления атакующей игры занимался боксом. Одел перчатки и Леня, тренировался и даже участвовал в районных соревнованиях по боксу. Но потом остыл, хотя, разминаясь перед тренировкой, часто проводил бой с тенью, что хорошо разогревало.

После тех школьных соревнований он не ударил ни одного человека, никогда ни с кем не дрался. Не представлял себе, на что способен, и страшно удивился, когда «инвалид», по-птичию крикнув, растянулся на земле. Его приятелям для вступления в драку особой команды не понадобилось. Они только помешали друг другу, потому что каждый желал первым отомстить за кореша. Это помогло Лене избежать удара, занять позицию и точным апперкотом сбить с ног коротко стриженного.

Лера заволновалась не зря, когда увидела, что коротко стриженный сунул руку в карман и что-то там искал. Желаемый предмет оказался в кармане куртки. В драку он после падения не вступал, предоставляя приятелям вести кулачный бой, а сам ждал удобного случая, чтобы пустить в ход связку ключей. По чистой случайности он попал Лене не в голову, а в ключицу. В азарте Леня успел еще раз махнуть правой рукой, боль пришла позднее, как гром после молнии. Он глухо вскрикнул, рука повисла плетью, и он осел на асфальт. Все вокруг завертелось, поплыло перед глазами.

Очнувшись, рядом с «Волгой» увидел патрульную машину милиции. Парни, угрюмо опустив головы, стояли возле такси, рядом двое милиционеров. Лейтенант присел на корточки возле Лени, помог приподняться.

— Как себя чувствуете? Сейчас «скорая» приедет.

Леня поиском глазами Леру и увидел, как она бежит от угла, неловко размахивал руками. Он почувствовал дрожь ее пальцев, когда она обняла его за плечи, помогая встать.

— Потерпи немного. Я «скорую» вызвала.

Бригада на «скорой» оказалась знакомой. Шофер не удержался, выскочил из машины: не придержи его лейтенант, завязалась бы новая драка. Из толпы доносились воинственные крики, и Леня, с трудом забираясь в «скорую», вяло подумал: «А где вы раньше были?» Таксист, на нем воду возить можно, сидел, отвернувшись в сторону. Пусть, мол, очередь сама разбирается. А скажи он словечко, парни присмирели бы. Драка не возникла бы, и он поехал бы на финал.

При воспоминании о финале стало так нехорошо, что даже боль на время прошла. Только теперь, в тесном салоне машины «скорой помощи», он до конца осознал, что произошло. И поэтому на взъяненный вопрос Леры о самочувствии ответил резко, даже грубо:

— Позвони на стадион Гере. Запиши номер.

Он заставил ее повторить цифры и, морщась от боли — машину тряхнуло, теперь он остро чувствовал каждую ямку, каждый камешек,— добавил:

— И маме позвони. Номер, надеюсь, ты не забыла?

Леня не сказал Лере, что говорить Швайдецкому, а что матери, знал — она найдет нужные слова. Интуицией, которая возникает у людей в период жизненных трудностей, он понял, что у них теперь общая судьба. Жалко только, что произошло это при столь печальных обстоятельствах.

Наутро к нему в больницу пришел Антон. Леня коротко проинформировал его о своей травме. Отделался в общем легко. Через недельку будет дома, потом массажи, физиотерапия — и все пройдет. Антон порывался спросить о теннисе, но не решался, боялся огорчить, обидеть. Дипломатично, тонко он не умел, а напрямик, с плеча боялся. Ладно, не последняя встреча, еще будет время поговорить.

Леня ни о чем не спрашивал, но Антон сам сообщил, что Грачев сейчас на совещании в комитете («Вряд ли придет,— подумал Леня.— Злится. Ведь я ему перебил поездку на зеленый континент»), а Герард Васильевич на репетиции.

«Гера перегорит и заявится, — зная характер Швайдецкого, отметил Леня, продолжая слушать Антона, который с несвойственным ему красноречием оправдывал Грачева и Швайдецкого за то, что те немедленно не прибежали в больницу, как он. Заглянула молоденькая сестра, попросила заканчивать свидание. Она и так сделала одолжение, пустила в неприемные часы, не дай бог, на грязнет главный врач, всыплет по первое число. Антон торопливо встал, запахивая маленький, не по росту халат.

— Ну а вообще как?

Леня прищурился, он видел Антона насквозь, знал, чего тот ждет, но от прямого ответа воздержался. Сказать точно, как сложится его дальнейшая судьба, он не мог, а говорить оптимистические банальности («Все будет люкс!») не хотел. Где-то очень далеко затаилась тревожная мысль, что рука будет плохо действовать. Тогда прощай, хирургия. Однако посвящать Антона в свои сомнения не хотелось.

— Жить буду. Это главное. А остальное приложится,

Антон сделал вид, что удовлетворен ответом, но от суховатых Лениных слов у него появилось предчувствие чего-то недоброго. Он не мог определенно сказать, что именно его тревожило, но сразу почувствовал: Леня что-то не договаривает, скрывает. Их дружба подверглась испытанию на прочность, появились признаки первой трещины. Еще вчера теннис их объединял крепко-накрепко, как арматура железобетонную конструкцию. Теперь Леня лежал на больничной койке, а он стоял рядом. Позади был проигранный без боя финал чемпионата страны и нелепо потерянные золотые медали. Трещина может разрастись, превратиться в пропасть, может отдалить их друг от друга, приблизить к разным полюсам, приобщить к разным интересам.

«Нет,— твердо решил Антон,— этого нельзя допустить». Гипсовый панцирь на руке у Лени, больница — это временно. Через пару недель Леня отсюда выйдет, и они начнут новый путь к золотым медалям. Он сделает все, чтобы помочь Лене быстрее войти в спортивную форму. И никакой трещины. Грачев злится, Герард Васильевич переживает, это понятно: Леня нарушил их планы, подвел. Но у него, Антона, и в мыслях нет обвинять товарища. Ведь все-таки он молодец, настоящий мужчина, черт возьми. А золотые медали они еще добудут, обязательно добудут. С таким парнем, как Леня, можно и чемпионат Европы выиграть, и даже Уимблдонский турнир.

— Топай, — устало сказал Леня. — Не будем подводить сестричку. Завтра забежишь?

— О чём речь, — хмыкнул Антон, не подозревая, что судьба уже распорядилась по-другому.

Дома его ждала срочная телеграмма из Москвы: «Решением Всесоюзного спортомитета включены в молодежную сборную страны. Сбор в Алуште». Вылетал он на следующее утро, из аэропорта с трудом дозвонился в больницу и попросил передать Лене, что срочно уезжает. Из Алушты сборная отправилась в длительное заграниценное турне. Вернулся Антон домой, когда на деревьях уже почти не осталось листьев, и прямо с вокзала — к Лене. Дверь никто не открыл. Соседи по лестничной клетке толком ничего не знали. Расстроенный, он медленно зашагал к себе, не замечая, как начал накрывать холодный дождь.

Антон звонил в течение недели, но никто трубку не снимал. Потом он снова уехал, а когда вернулся, то первым делом поинтересовался у дежурной по общежитию: «Меня никто не спрашивал?» И, получив отрицательный ответ, Лене больше звонить не стал. Обиделся всерьез, почему-то припомнилось, как в больнице Леня что-то утаивал от него. Так он на много лет остался наедине со своим вопросом, который не осмелился задать в палате. Не узнал также, что Швайдецкий был настолько загружен репетициями и спектаклями, что не сумел выкроить время и навестить Леню в больнице.

Герард Васильевич вел себя так, словно вообще ничего не случилось. Не хвалил Леню за рыцарство и не осуждал, хотя кое-кто втихомолку бубнил, что Леня подпортил и даже погубил его тренерскую карьеру. При случайном разговоре в кругу теннисистов Швайдецкий умел гасить попытки воскресить эту историю, чтобы избежать прямой оценки Ленинного поступка. Но Антон, который был занят собственными делами (жил он замк-

нuto, новых друзей не завел) и ничего, казалось, вокруг не замечал, уловил, каких усилий стоило ему это спокойствие.

На соревнования, когда выступал Антон, непременно приходил друг Швайдецкого, актер, у которого случился на корте сердечный приступ. Он стал горячим болельщиком Антона, дарил ему цветы, но никогда им не довелось еще поговорить просто так. Обстановка на корте для беседы неподходящая. Душевный разговор получился в Северодонецке, куда актер приехал на киносъемки, а Антон на очередной турнир. Земляки, которые встречаются далеко от дома, особенно тянутся друг к другу. И тогда-то Антон понял, почему при упоминании имени Лени у Швайдецкого бледнело лицо и чуть заметно дрожали руки.

— Каждый, кто приходит на сцену, мечтает о славе.— Актер предложил Антону сигарету, но тотчас отвел руку и виновато улыбнулся. — У Геры и рост, и фигура, и лицо... Пластика, походка... В институте он отлично успевал, но в театре свои законы. В общем, на первые роли не вышел. А в теннисе преуспел. Мы им гордились. Наш коллега — чемпион.

Актер закурил, табачный дым быстро растворялся в холодном воздухе.

— Не знаю, кто пустил слух: Гера мог стать великим и на сцене, но пожертвовал сценой для корта. Может, он сам? Так или иначе это его устраивало. В театре он больших ролей уже не просил, на серьезные работы не замахивался. Но на корте блистал. Увы, пришло и его время. В спорте возраст оказывается значительно быстрее, чем в искусстве.

— Не обязательно играть, — мягко вступил в беседу Антон. — Можно стать тренером.

Актер взглядом подтвердил: «Правильно».

— Гера подумывал об этом, когда играл. Но страшно волновался. Он хотел быть на этом поприще только на

первых ролях. Страстно хотел, чтобы и вы, и Леня добились больших успехов.

— Герард Васильевич считал, что для тенниса надо пожертвовать всем.

— Знаю. Ведь он сам был твердо уверен, что принес в жертву теннису свою сценическую карьеру. И требовал этого от других.

— А можно по-другому? — заволновался Антон.

— Нужно. Тем более, что Гера, в сущности, ничем не жертвовал. Да и само слово «жертва» по отношению и к искусству, и к спорту звучит несколько преувеличенно. В чем-то ограничить себя, от чего-то отказаться для главного надо. Но не полностью, не навсегда.

— А вот Леня пожертвовал. Золотыми медалями. А они, как говорят, были у нас в кармане. Правильно он поступил?

Актер ответил не сразу. Увидел в нескольких шагах урну, встал и неторопливо зашагал, выбросил окурок. Ему нужно было время, чтобы сосредоточиться.

— Думаю, что правильно. Но планы Геры разрушил.

— Можно было все поправить.

— Это не для Геры. На второй подъем у него нет моральных сил. Он только с виду кажется очень волевым, сильным. Но, между прочим, когда играл, почти всегда побеждал, если сразу захватывал инициативу. Догонять, играть через «не могу» он не умел. А теперь просто разуверился в себе. Потому и вычеркнул Леню из своей жизни. Хотя в глубине души понимает, что неправ.

— Он вам сказал?

— Скорее намекнул. Но я-то его хорошо знаю. От неумеренной гордости он в этом никогда не признается. И жизнь свою не перестроит.

Актер был прав. Швайдецкий свою жизнь не перестроил: решительно отверг все попытки навязать ему новых учеников (так заявил председателю тренерского совета, который предложил тренировать двух выпускников

спортинтерната) и потребовал, чтобы на соревнованиях его больше не упоминали как тренера Антона, хотя в назначенное время без опозданий приходил на корт, чтобы заниматься с ним.

— Для Антона я теперь не тренер, а консультант, — заявил во всеуслышание.

«А может, так было всегда? — подумал Антон. Решение Швайдецкого его немного обидело. — Ведь, по сути дела, Герард Васильевич меня и Леню только консультировал по теннису. А что происходило за кортами, его не интересовало». Сколько раз он встречал ребят, у которых тренеры были как вторые отцы, и, честно говоря, здорово им завидовал.

Встречи их сделались редкими, но Антон не чувствовал грусти. Тренировки в сборной Союза и поездки за рубеж повысили его мастерство, помогли многое в теннисе узнать и понять, позволяли обходиться без постоянной помощи Швайдецкого. А кроме тенниса, как он с горечью убедился, их больше ничего не связывало.

Глава четвертая

АНТОН проснулся в плохом настроении, такое случалось с ним довольно редко. Началось это несколько дней назад, когда он узнал, что ему все-таки придется ехать в Горск, играть на кубок своего спортивного общества. Республикаанская федерация тенниса приняла решение проводить соревнования не только в больших городах, но и в малых, чтобы популяризировать теннис. Так он оказался в старой, еще довоенной гостинице, где общий туалет и душ находились в конце длинного коридора.

Вместе с товарищами по команде Володей Гаевым и Володей Покровским его поселили в трехместном номере.

ре, отдали дань уважения члену сборной команды страны, остальные участники жили в шести- и восьмиместных номерах. В городе была еще одна гостиница, новая, с одно- и двухместными номерами, но поселиться там их команде не удалось. Все места были заняты участниками совещания передовиков сельского хозяйства.

После комфортабельного номера интуристовской гостиницы в Москве, где он прожил неделю, участвуя в традиционном международном турнире, Антон с трудом переносил бытовые неудобства. Но многолетняя привычка к гостиничной обстановке победила раздражение, он встал в половине седьмого, чтобы сделать пробежку и интенсивную зарядку. Куда бы его ни забрасывала спортивная судьба, начинал утро с этого, благодаря чему сберегал хорошую подвижность и выносливость.

Оба Володи мирно спали, и он не стал их будить. Давно поставил себе за правило не вмешиваться в чужую жизнь, не навязывать кому-то свои принципы и правила. Однажды попробовал на собре поднять ребят на зарядку, но это не всем понравилось. Принялся доказывать, ставил в пример знаменитых теннисистов, но любители спать подольше заорали на него с такой злостью, что всегда отбили охоту давать рекомендации.

Свидетелем этой перепалки был Швайдецкий, он и бровью не повел, сохраняя полный нейтралитет. А когда остались наедине, посоветовал:

— У каждого своя жизнь. Зачем приуждать их делать зарядку? Они твои соперники за место в сборной. И вообще... — Он раскатисто засмеялся, давая понять, что шутит, но глаза смотрели серьезно. — Вообще не распыхляйся. Береги нервную энергию для корта.

Второй раз в жизни Антон возразил Швайдецкому. Заговорил быстро и не совсем ладно, но главное высказал: ребята для него соперники только на корте, а место в сборной он добудет в честном бою. И секретов не таит. Готов любому помочь, поделиться тактическими комби-

нациями. Правда, навязываться он не будет, но если кто попросит — пожалуйста.

— Именно это я имел в виду, — цепко ухватился за ниточку Швайдецкий. — Если кто попросит, помочь надо. Заставлять нельзя — этого не любят.

Швайдецкий говорил убедительно и веско, вновь напоминал, что надо жить kortom, временно оградив себя от всего белыми линиями. Вот когда Антон твердо «пропишется» в сборной, займет высокое место во всесоюзной классификации, жизнь можно будет перепланировать.

Полемический задор Антона быстро иссяк, аргументы Герарда Васильевича оказались весомее. Но ушел он не полностью убежденным, унес с собой мысль, что в чем-то Швайдецкий неправ. Пошатнулась его безграничная вера в каждое слово тренера, к этому примешалась горечь разлада с Леней и жесткое отношение к нему Герарда Васильевича.

Но это были крупинки сомнений, которые никаких активных действий не вызвали. В основном Антон ни на шаг не отступал от советов Швайдецкого, зажил своей жизнью, где все подчинялось корту. Он строго соблюдал режим, ложился спать не позже половины одиннадцатого. И если концерт или спектакль затягивался, то уходил, не дожидаясь конца. В летний зной не ел мороженого и не пил газированной воды из автоматов. Простудишься — пропало несколько тренировок. Резко ограничил в рационе мучное, хотя обожал пирожки и вареники. Боязнь набрать лишний вес заставила его отказаться от многих любимых блюд и заменить их овсяной кашей, которую терпеть не мог. О продуктах судил теперь не по вкусу, а по калорийности, не позволяя себе ничего лишнего.

Антон руководствовался принципами полезности, которые перенял от Швайдецкого, не только в еде. Несколько лет назад ему пришлось побывать в одном маленьком городе. Приехал для показательных выступлений и сов-

местных тренировок с местными теннисистами. Им он рассказывал о тактике и технике лучших мастеров ракетки, с которыми ему приходилось встречаться на корте и у нас и за рубежом. Такие поездки совершили многие члены сборной СССР, но Антон старался их избегать. Все время у него было строго распланировано между тренировками и соревнованиями, ничего не оставалось на личную жизнь, и поездки на периферию его ничуть не привлекали.

Грачев, который вызвал Антона в комитет для оформления командировки, сначала рассердился. А потом строго объяснил, что чемпионы, которые ездят по Европам и Америкам, пока люди работают, обязаны рассказать рядовым спортсменам о том, как они завоевывали кубки и медали. Его ценят, уважают, надо и людям отвечать тем же. Эти Герины штучки — жить только для себя — пора бросать.

Такого Антон не ожидал, привык относиться к Грачеву снисходительно, мерял его только по теннису: владеет ракеткой слабо, такая ему и цена. А он за это время что называется духовно вырос. Ему понравился монолог Грачева, только неприятно укололо напоминание о Швайдецком. Оказывается, философия Швайдецкого сконцентрировалась на достижении цели и жить только для тенниса, которая сформировала его жизнь, Грачеву не по душе, он ее не воспринял. А ведь восторгался Швайдецким, беспрерывно поддакивал. В спорах, которые иногда возникали между ними, держал сторону Антона, а значит, и Герарда Васильевича, выступал против Лени. Но выбрал, выходит, другую дорогу, быстрее разобрался, что к чему в жизни.

Антон покраснел, и Грачев это сразу заметил.

— Ты людям ничего плохого не сделал, это все знают, — успокоил. — Но надо и хорошее иногда делать. Поезжай.

Делать хорошее оказалось непросто. Поезд пришел в

пять утра, Антон не выспался и пропустил традиционный утренний бег. Гостиница была ниже всякой критики, в столовой не нашлось каши и творога, пришлось взять шашлык, который оказался сильно наперченным. В довершение всего корт был в таком плохом состоянии, что он не мог продемонстрировать свое техническое мастерство и больше рассказывал, чем показывал. Но как его слушали, какими глазами смотрели! Один парень принес киноаппарат и истратил не меньше километра пленки, фиксируя тонкости теннисной техники.

На тренировках присутствовали люди разных возрастов, несколько раз приходил немолодой, но подтянутый для своих лет человек, к которому все относились с особым почтением. По просьбе местного тренера, между прочим сокурсника Грачева, Антон сыграл с ним тайм. Играли мужчина очень слабо, но перед игрой сокурсник Грачева тихонько шепнул, что это директор завода, человек известный на всю страну, обещал помочь со строительством новых кортов. Директор — мировой мужик, это он попросил, чтобы из столицы прислали именно Антона. Грачев по старой дружбе все устроил, пусть Антон не забьет его на ноль. Он доверительно сжал Антону локоть.

— Не подведи.

Антон не подвел. Тайм затянулся, играли долго, директор, раскрасневшийся, помолодевший, поблагодарил Антона, извинился, что дела требуют его на завод («Хоть и суббота, но в литейном цехе испытывают новую установку, там непрерывка»). Антона провожали шумно, с цветами, просили приезжать еще, когда будут построены новые корты. Он держался спокойно, вежливо улыбался, но по приезде набросился на Грачева, заявив, что он не робот для игры с директорами, прежде пусть на периферии создадут условия, а потом приглашают мастеров. Он за эту неделю потерял спортивную форму, а у него первенство Союза на носу.

За время работы в спорткомитете Грачев научился

слушать не перебивая. Только покрасневшее лицо да желваки на скулах говорили, что слова Антона не доставляют ему удовольствия и сдерживается он из последних сил. Но едва Антон произнес последнее слово как он заявил, что для любого спортсмена большая честь играть с директором завода, изделия которого расходятся не только по всей стране, а экспортируются в сорок государств земного шара.

Он пригладил волосы (таким жестом успокаивал себя главный тренер сборной, вспомнил Антон), заговорил сдержаннее. Разве плохо, если завод построит корт? И притом не один, чтобы и ребята могли играть. Тогда детскую спортивную школу можно будет открыть.

Постепенно Грачев распалился, повысил голос:

— Для тебя главное — забить мяч, дальше корта ты жизни не видишь. А я отвечаю за развитие тенниса в республике, мотаюсь по перифериям, живу в гостиницах еще похуже, чем ты жил. Веду дела с директорами, управляющими, бухгалтерами, плановиками.

И на Антона посыпалась слова, смысл которых он понимал очень плохо: сметы, лимиты, фонды, титульные списки и еще многое другое, что, по его мнению, ничего общего с теннисом не имело. Антон лишний раз убедился, что сам он видел жизнь только через переплетение теннисных струн.

Он встал и попрощался. У дверей его догнала последняя фраза Грачева.

— Ты не заносись. И от людей не отгораживайся. Не то сядешь... в лужу.

Антон рассказал о своей поездке и разговоре с Грачевым Швайдецкому. Тот поморщился и дал понять, что это его нисколько не интересует. После случая с Леней он вообще отошел от активных занятий теннисом, заметив как-то, что отвечать за свои поступки может, но зависеть от поведения другого человека, когда один необдуманный шаг зачеркивает многолетний труд, не собира-

ется. Леня, конечно, поступил благородно, однако, поразмыслив, можно было бы этой нелепой драки избежать.

— Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет, — не преминул вмешаться Грачев, присутствовавший при этом разговоре.

Швайдецкий на реплику не прореагировал и разговор продолжать не пожелал. Его позиция по отношению к Лене для Антона уже не являлась тайной, разговор со старым актером кое-что прояснил. Но осуждать Швайдецкого он не решался, ведь Герард Васильевич сделал для него немало. Они оба беззаветно любят теннис, но надо ли для этого жертвовать всем остальным?

В глубине души Антон уже понимал, что живет не так, как надо, что есть в этом и вина Швайдецкого, хотя, конечно, Герард Васильевич не желал ему плохого. Но как перестроить жизнь, темп которой ускорился, не оставляя времени для размышлений, а поделиться сомнениями было не с кем, спросить совета не у кого. Приятелей было много, а искреннего, задушевного друга ни одного.

Швайдецкий полностью отдался работе в театре. Антон даже слыхал, что ему предложили главную роль в новой пьесе на историческую тему, но пьесы этой не видел, так как за последние два года провел в городе считанные недели: выступал он в соревнованиях успешно, его все время приглашали на турниры и в Советском Союзе, и за рубежом. А поездок на второстепенные игры в маленькие городки он всеми силами избегал. Но на этот раз не улизнул.

Несколько месяцев назад Грачев перешел из республиканского комитета на работу в спортивное общество, членом которого состоял Антон. Теннис у них находился в плачевном состоянии, но бывший старший тренер прикрывался победами Антона и нежился в тени его спортивной славы. К Антону он относился подобострастно, по пустякам не беспокоил и просил выступать только на первенстве республики. Грачев сразу повернул дело ина-

че. Ему было необходимо показать начальству, что с приходом нового тренера дела пошли вгору. Кубок общества по теннису, который он решил поставить на стол председателю, был бы лучшим тому аргументом.

— Без тебя не выиграем, — сказал он Антону. — Собирайся.

Антон попытался сослаться на усталость после традиционного московского турнира, но Грачев только и ждал упоминания о Москве. Он преспокойно выложил Антону, что после слабой игры на московском турнире (пятое место) его пребывание в сборной под угрозой. Есть мнение, что его незачем включать в команду для поездки в Мексику.

При слове «Мексика» Антон не мог скрыть волнения. Он объездил почти полмира, но в Мексике не бывал. Хорошо также знал, что на четыре места в команде есть по крайней мере вдвое больше кандидатов.

— Среди них молодые, как принято говорить, перспективные ребята, — нажимая на слово «молодые», сказал Грачев. — Тебе надо показать, что неудача в Москве — случайность.

И продолжал, как всегда, логично и конкретно. Уверенная игра на этом, хотя и второстепенном, турнире будет подтверждением, что он набрал отличную спортивную форму. Грачев пошлет тренеру сборной такую характеристику на Антона, а тот его знает лично и очень уважает, что все ахнут. Антон понял: путь в Мексику лежит через кубок в Горске.

— Ты прав, Грач, — сказал он коротко. — Мне надо себя показать. Иду собирать чемодан.

— Спасибо, сынок. — Грачев отбросил официальность, он искренне обрадовался, что Антон едет не просто отбыть номер, а себя показать. Это значит, что кубок будет на столе у председателя — Антон слов на ветер не бросает. Грачев в этом убеждался не раз.

Гостиница находилась возле старинного парка с многостолетними липами. Аккуратно подстриженная трава, ровный кустарник, чисто подметенные аллеи радовали глаз. Цветы на клумбах, тишина и напоенный ароматом зелени воздух помогли успокоиться, раздражение прошло. Антон хорошо побегал, размялся до пота и вернулся в гостиницу, оставив плохое настроение в парке. Накинув темно-бордовый, купленный в Марселе махровый халат, он зашагал по длинному коридору к душу, и плохое настроение вернулось.

В очереди стояли двое: парень с заспанным лицом, который непрерывно зевал, прикрывая рот рукою, и грузный мужчина с покатыми женскими плечами. Кроме спортсменов, в гостинице жили командировочные, они торопились по своим делам и вставали рано. Антон же рассчитывал принять душ без всяких хлопот. Потное тело требовало освежающих струй теплой воды, а кто знает, сколько придется простоять? Дорвется какой-нибудь любитель водных процедур до душа, клещами его не вытянешь.

— Давно стойте? — стараясь не волноваться, осведомился Антон у мужчины с покатыми плечами.

— Минут пять, — мужчина потер лицо ладонью, окончательно просыпаясь. — Или десять.

Сонливое добродушие командировочного разозлило Антона. Этот добряк может и час простоять, а он привык принимать душ немедленно после бега и разминки.

— Надо пошевелить товарища! — заявил Антон и решительно направился к двери, чтобы напомнить любителю долго мыться об очереди.

Но дверь внезапно распахнулась.

— Леня!

— Антон!

Командировочный разочарованно сморщился. Он ожидал словесной перепалки, сам собирался вмешаться, чтобы поддержать решительного человека в темно-бор-

довом импортном халате, а тут вместо объяснений — объятия.

Они не виделись с того самого дня, когда Антон приходил к Лене в больницу. Вернулся он домой накануне Нового года усталый от множества соревнований, но полный впечатлений от пребывания за границей. Хотелось поделиться с Леней, рассказать о технических новинках, увиденных у грандов мирового тенниса, а главное — договориться о совместных тренировках. Он ни на секунду не сомневался, что Леня полностью выздоровел («Сам говорил, что травма несерьезная») и тоже желает скорее возродить их дуэт. Получилась осечка, с кем не бывает, но в новом году они будут тренироваться, как звери, и обязательно получат свои «законные» золотые медали. Вряд ли еще найдется пара, где игроки так здорово понимали и дополняли друг друга. Тренер сборной страны, с которым Антон сдружился во время зарубежных поездок, сказал ему об этом, добавив, что планирует для них участие в нескольких международных турнирах, считая их очень перспективной парой.

Как и в день финала, трубку подняла Ленина мама. То, что она сказала, Антона просто оглушило, для ответа не нашлось сразу нужных слов. После длинной паузы он пробормотал несколько тривиальных фраз и осторожно повесил трубку. Его огорчило бы известие о длительной командировке, расстроило бы сообщение о том, что Леня не совсем здоров и пока не может тренироваться. Но Ленина мама спокойно, даже равнодушно, как показалось Антону, проинформировала о переезде сына в городок, где учительствовала Лера.

«Зачем?» — чуть не вырвалось у Антона, но он постеснялся об этом спросить, а выйдя из телефонной будки, прошагал на негнущихся ногах к скамеечке и сел, собираясь с мыслями.

Отколол Леня номер, ничего не скажешь. Уехать из большого города, где родился и вырос. Отказаться от на-

учно-исследовательского института ради районной больницы?

А теннис? Неужели и он не удержал в столице? Ведь в этой тмутаракани о теннисе понятия не имеют. Может, Леня захотел прославиться? Выпускник столичного мединститута, молодой врач едет навстречу трудностям, бросая городской комфорт. Он налаживает работу в районной больнице, совершаet массу благородных дел, знакомится с замечательной девушкой... Стоп, девушка уже есть. И вообще желание прославиться не из Ленинного репертуара. Здесь что-то более серьезное. Но что?

— Не знаю, — сухо ответил Швайдецкий, который, по мнению Антона, должен был быть в курсе дела. По выражению его лица Антон сразу понял, что разговор на эту тему ему крайне неприятен.

— Понятия не имею, — равнодушно признался Грачев. Леня давно выпал из его поля зрения, перестал интересовать, поскольку к теннису отношения теперь не имел, а с Министерством здравоохранения Грачев не контактировал.

Так и остался Антон наедине со своими мыслями и сомнениями. Потом навалились новые дела и заботы, налаживать контакт с Леней не было времени, и если чисто-сердечно признаться, то и желания. Где-то в глубине души затаилась обида. Он так надеялся выступать с Леней, верил, что у них впереди еще совместные поездки, победы, был готов на все ради этого. А Леня позабыл о теннисе, как забывает повзрослевший мальчик о красненьком автомобильчике, который еще вчера был самой любимой игрушкой. Очевидно, и теннис был для него игрушкой юности, не больше.

Правда, Леня раз дал о себе знать. Через год после их злополучного финала Антон получил от него открытку. Но ответил не сразу: предстояли хлопоты с получением квартиры, надо было представлять справки, писать заявления, ходить по инстанциям. Потом он переехал мать,

достаточно она натосковалась, месяцами не видя сына. И ему хорошо, знает, что дома всегда ждут, есть с кем словом перекинуться, отвести душу. В сутолоке беготни и переездов он потерял открытку с адресом. При желании адрес можно было узнать, достаточно поднять телефонную трубку. Но Антон считал это неудобным. Признаться, что потерял открытку, — стыдно, поинтересоваться адресом — спросят, почему целый год не звонил? Так все тиной и затянулось. Жили два очень нужные друг другу человека в одной республике и ничего друг о друге не знали.

У Антона от былой обиды и следа не осталось, рад был увидеть Леню чертовски. Каким ветром занесло его в Горск? Командировка?

— Старая любовь не ржавеет. — Леня принялся вытирать влажные после душа волосы. — С теннисом не разлучаюсь.

— Играешь? — вырвалось у Антона. Других связей с теннисом для Лени он не представлял.

— Частично. — Леню забавляло растерянное лицо Антона, однако он не торопился разъяснять, а лукаво щурился, ожидая новых вопросов. Но Антон больше не спрашивал, а выложил свои сомнения — все, что мучило его после того телефонного разговора с Лениной мамой. Леня спокойно выслушал сбивчивую речь Антона, ответил, чекая каждое слово:

— Ты мыслишь литературными штампами. Трудности меня ожидали в столице. Вот я от них и удрал на периферию. Там полегче.

— Шутишь. — Антон искал на лице Лени скрытую улыбку, старался угадать суть розыгрыша. — Какие могут быть в родном городе трудности?

— Ты просто не в курсе. — Леня принялся загибать пальцы, перечисляя трудности, которые ожидали его после окончания института.

Когда он выписался из больницы, сразу пошел на мес-

то будущей работы, куда подписан назначение. Тут понял, что пройдет немало времени, пока он получит возможность самостоятельно оперировать. В клинике при научно-исследовательском институте работали опытные, с большим стажем врачи. Один из них доверительно сообщил Лене, что больные просят только профессора или доцента. Ситуация, характерная для большого города, где в избытке высококвалифицированных специалистов. Но это его не испугало, хотя и озадачило. И еще одно: если он останется, надо искать работу Лере. Навели справки и выяснили: физики и математики нужны, а биологи — нет. Правда, можно было кое-что придумать, но во весь рост вставала главная проблема — квартирная. Жить с Лерой у его родных?

— Понятно. Несовместимость с мамой. Две женщины у одной плиты, — усмехнулся Антон. — Ну а теннис? О теннисе ты думал?

— Теннис, Антон, стал главной причиной моего отъезда.

Травма оказалась серьезнее, чем определили на первый взгляд.

Известный профессор-травматолог сказал, что играть он сможет, а выступать в соревнованиях по большому счету едва ли. Рука будет плохо переносить значительные тренировочные нагрузки, в решающий момент может подвести. Конечно, можно было рискнуть, страшного ничего бы не случилось...

— Конечно! — с жаром воскликнул Антон.

— Это ты говоришь, а у Леры сложилось совсем иное мнение. Ею вдруг овладел комплекс, что теннис может помешать мне в жизни, как помешал отцу продолжать выступления на сцене. Я хирург. Руки для меня, сам понимаешь... Короче, вопрос был поставлен жестко: либо мы едем вместе, либо она едет одна. Лера хорошо понимала, что если я останусь в столице, то непременно выйду на корт. А там...

— И ты положил голову под каблук.

— Опять штамп. Что за домостроевские штучки. Потвоему, правильные решения в семье принимает только муж? Если соглашаешься с женой, значит, под каблуком?

— Не злись, — примирительно поднял руки Антон. — Ну не так выразился. Поясни.

— Чего пояснять? Все просто. Выиграй я золотую медаль или две — это хорошо. А потом что-то с рукой — и пропал хирург. Что может быть дороже людей, которых я вытащил с того света? Какие медали или кубки? Про обычные операции я не говорю. У меня их сотни за эти пять лет. И в бытовом отношении все хорошо сложилось: у Леры работа была, мне дали сразу. Через восемь месяцев, как молодые специалисты, получили квартиру.

— Повезло.

— У нас много строят. Очередь на квартиру движется значительно быстрее, чем в некоторых больших городах. Открыли новую больницу — меня назначили завотделением. Оклад вырос. А тут Сережка родился, деньги как раз кстати. Мои сокурсники в столице только читают о таких операциях, которые я делаю.

— А теннис? — краем глаза Антон увидел, что командировочный с покатыми плечами выплыл из душа, широким жестом приглашая его войти. Но он не мог оставить Леню, не получив ответа на главный для него вопрос, поэтому пропустил впереди себя человека, который стоял за ним.

И услышал, что на первых порах Леня «прописал» себе теннис, чтобы хорошо разработать руку. Всем своим пациентам он непременно рекомендовал спорт для восстановления подвижности суставов после переломов. В городке был плохонький корт, нашелся и партнер — врач-уролог. Он приехал из Ленинграда, имел первый разряд, а когда узнал, что Леня квалифицированный игрок, то стал приглашать его чуть ли не каждый день «постучать по мячику». Так и втянулся.

Потом появились мальчишки («Смотрели, как я когда-то»,— с неожиданной грустью подумал Антон). Сперва только подавали мячи, а затем он начал их учить, потому что уролог стал часто дежурить, его коллега уехал на курсы повышения квалификации, и надо было с кем-то играть. Незаметно занялся тренерской работой всерьез, на общественных началах, конечно. Все свободное от работы время проводит на корте. Лера его поругивает, что дома бывает редко, но ребята попались мировые — все на лету схватывают. И занимаются с такой охотой, с такой радостью, что он, когда пропустит тренировку, чувствует себя виноватым.

Два его пацана выиграли кубок области и вот, пожалуйста, будут бороться на республиканских соревнованиях. Для Антона этот турнир второразрядный, может быть, даже третьеразрядный, а для них первый выезд из родного гнезда. Об Антоне он все знает, так как следит за спортивной хроникой... Недавно видел его по телевизору.

— Московский международный, — заметил Антон.— Или на приз «Литературки».

— Не помню,— сознался Леня и, лукаво прищурившись, добавил.— Вот было бы здорово, если бы наши команды встретились в финале.

— Ты надеешься выйти в финал?

— Надеюсь. Только так мальчишек и настраиваю. Иначе где им еще придется встретиться с таким знаменным маэстро?

В том, что команда Антона выйдет в финал, Леня не сомневался. И Антон тоже.

Каждая команда состояла из двух основных игроков и одного запасного. Основные проводили по две одиночные встречи и одну парную. Для командной победы требовалось набрать три очка из пяти возможных. Грачев

твёрдо рассчитал, что в каждом матче Антон выиграет обе одиночные встречи и в паре с Гаевым добудет третье победное очко. Гаевому и Покровскому он в тайниках души разрешил проигрывать, хотя от них тоже требовал играть не щадя себя и добиваться успеха.

Кубок спортивного общества проводился раз в два года и проходил обычно без особых неожиданностей. Игроки хорошо знали друг друга, результат командной встречи можно было почти безошибочно предсказать заранее. На этот раз возмутителем спокойствия оказался Леня с его мальчишками. Уже после первого круга они чисто переиграли команду Харькова, а в полуфинале — Донецка. Всеобщее восхищение вызвал первый номер команды — высокий, не по годам атлетически сложенный юноша, который играл в атакующем стиле, напористо, смело и выдерживал высокий темп от начала и до конца поединка. Впрочем, его поединки длились недолго, все четыре встречи он выиграл с одинаковым счетом три-ноль. Хватит ли его на изнурительную пятисетовую борьбу?

— Хватит, — уверенно определил Грачев, который вместе с Антоном не пропустил ни одного поединка Вовчика, так ласково называл почти двухметрового юношу Леня. Грачев, который сумел добыть себе одноместный номер в новой гостинице, стал часто появляться там, где разместили остальных участников. Антон несколько раз видел его беседующим с Вовчиком и Славиком, вторым питомцем Лени, таким же рослым и мощно сложенным юношей. Причем беседы всегда проходили без Лени. Антон без всякой задней мысли поинтересовался, что общего у старшего тренера общества и пацанят? Обычно уверенный в себе Грачев вдруг замешкался с ответом, потом нашелся: «Изучаю кадры», — и ловко перевел разговор на другую тему.

Вовчик учился на втором курсе машиностроительного техникума, а Славик закончил восемь классов и готовил-

ся к вступительным экзаменам. Он не расставался с учебником математики, ожидая начала встречи, листал страницы и, зажмурив глаза, повторял теоремы и формулы.

Вечером накануне финала Антон столкнулся со Славиком и Леней в дверях гостиницы.

— Куда это на ночь глядя?

— Провожаю Славика на вокзал. Уезжает в двадцать два десять.

На лице Антона выразилось такое изумление («Уезжать накануне финала, когда в команде даже запасных нет?!»), что заулыбался даже Славик. Леня похлопал Антона по плечу, приводя в нормальное состояние, и деловито сообщил: «Через день начинаются вступительные экзамены в техникум». Конечно, если бы заняться этим делом всерьез, подключить кое-кого, можно было бы договориться с дирекцией техникума, перенести срок экзаменов. Славик как-никак защищает спортивную честь родного города. Но он не хочет, чтобы парень чувствовал свою исключительность, возомnil, что он выше тех мальчишек и девчонок, которые послезавтра придут на экзамены в техникум. Он говорит это при Славике, и пусть малыш сразу усвоит: успехи в теннисе не будут давать ему права выделяться среди учащихся техникума. Если он, конечно, не провалится на вступительных экзаменах и наберет нужные баллы.

— Наберу, — с достоинством ответил Славик. — Готовился, как зверь.

Он смотрел на Леню с любовью, даже с обожанием, видно было, что верит ему беспредельно и считает каждое его слово для себя законом. На Антона так никто никогда не смотрел. Восхищались его игрой, поздравляли с победами, он понимал, что многие ищут с ним дружбы для престижности. Приятно невзначай заявить в компании о приятельских отношениях с человеком, который вчера приехал из Парижа, а завтра улетает на Кубу, небрежно пересказать, с собственными добавлениями,

впечатления о зарубежных модах, фильмах и прочих развлечениях. А здесь все было искренне, сердечно, и Антона что-то царапнуло по сердцу, ему вдруг стало грустно, даже горько.

— Значит, Славик теряет шанс встретиться со знаменитым маэстро?

— Теряет пока что. Его шансы впереди. Другой человек получает этот шанс.

— Другой? Интересно. Назови, если не секрет.

— Какие тут секреты. Я этот человек. — Он громко рассмеялся, пырнул Антона большим пальцем в бок. — Извини. Мы опаздываем.

Леня и Славик ушли. Антон сел в холле на диван и медленно переваривал услышанную новость. Здесь его отыскал Грачев, который уже дважды заходил к нему в номер, чтобы огородить потрясающей информацией, но желаемого взрыва не получилось. Правда, Грачев особенно не огорчился, рассказал подробности. Главная судейская коллегия разрешила Лене, тренеру и представителю, выступить в финале, потому что запасных в его команде не было, а участник уехал по уважительной причине.

— Я не протестовал, — заявил Грачев. — Пусть играет. Леха не фигура. Ты его заделаешь, Гаевой может и проиграть. Ты свое дело сделаешь и против Вовчика, и в паре. Кубок будет наш. Я правильно излагаю?

Антон промолчал. Он, конечно, понимал, что Леня не соперник, но пренебрежительный тон Грачева ему не понравился. Перед его глазами еще стояли лица Лени и Славика. Открытые, добрые, искренние лица людей, живущих на земле без всяких расчетов и уловок.

Грачев не смотрел на Антона и не видел его реакции на свои слова. Он делился своими планами: после выигрыша Кубка республики надо выиграть Кубок Центрального совета общества, заявить о себе во всесоюзном масштабе. Тогда он выбьет у председателя две ставки трене-

ров, лимиты на квартиры, пригласит нескольких перспективных мужичков из провинции. Он так поставит дело, что все ахнут. Тогда можно будет и на заслуженного тренера республики подавать.

Антон разговор поддерживал вяло, отдельываясь однозначными репликами, казалось, предстоящий поединок с Леней, а именно он стал первым номером, отодвинув Вовчика на второй, его нисколько не волнует. Но Грачев тонко уловил, что Антон не в духе, причин доискиваться не стал, однако решил подбодрить. У него в запасе была еще одна новость и, конечно, потрясающая.

— Сынок, с тебя бутылка. Я днем говорил с Москвой. Тебя утвердили в Мексику. — Он хлопнул Антона по колену. — Доволен?

Антон встал. Для одного вечера столько новостей мгновато. Ему захотелось побывать одному, скороговорка Грачева раздражала.

— Я пойду к себе, отдохну немного.

— Посиди. — Грачев был в прекрасном расположении духа. Все шло отлично: он выполнил обещанное Антону, кубок в кармане. — Ты чего-то невеселый, сынок? Может, незддоров?

— Здоров. Катись к черту!

— Уже в пути! — заверил Грачев, но с места не поднялся. Развалился на диване и покровительственно-добродушно смотрел на Антона. Ничего не поделаешь, звезда есть звезда, надо считаться с капризами знаменитого маэстро.

Он засвистел модный мотивчик, и под звуки популярного шлягера Антон медленно двинулся по лестнице к себе в номер.

Встречаясь с новым соперником, Антон старался прощупать его еще во время разминки. Обменявшись с Леней несколькими ударами, он сразу понял: между ними

огромная пропасть. Как играть? В полную силу — значит поставить Леню в неловкое положение, мало радости проиграть всухую даже сборнику страны. Попробовать в поддавки? Имитировать на равных? В открытую — Леня обидится, а сделать тонко он не умел. Ему уже давно не приходилось играть с соперниками, которые были намного ниже классом.

Нужный тон задал сам Леня. Он хорошо помнил, что всегда входил в игру быстрее Антона, и сразу смело пошел к сетке, достал, пока были силы, несколько трудных мячей. Антон сет выиграл, но борьба оказалась настоящей. Зрители, а их собралось очень много и все уже знали, что встречаются старые друзья, которые много лет играли в паре, шумно аплодировали. Они подбадривали Леня, хотя понимали: класс соперника значительно выше.

Антон продемонстрировал свой класс во втором сете. Каскад великолепных ударов, тонкая обводка, красивые комбинации привели трибуны в настоящий восторг. Вместе со всеми аплодировал Леня. Что и говорить, здорово вырос за эти годы Антон. В сборной страны слабаков не держат. В третьем сете Антон ослабил напор, заиграл эффектно, на публику. Леня устал, но такой темп оказался ему под силу. Они спокойно дотянули до финального свистка судьи. Леня лихо, как в старые времена, перепрыгнул сетку, поцеловал Антона и поздравил с победой. Они быстро надели шерстяные спортивные костюмы и зашагали к корту, где Гаевой сражался с Вовчиком. Все зрители уже переместились туда.

На трибунах не было ни одного свободного местечка, но их увидел Грачев и позвал к себе. Правда, он зарезервировал только один стул, для Антона, полагая, что Леня сядет отдельно, чтобы руководить игрой Вовчика. Но Леня примостился возле Антона.

— Пусть привыкает к самостоятельности. Я не смогу ездить с ним по турнирам. На мне отделение, операции. А парень на волне.

— На волне, — подтвердил Грачев. — Только игр, чувствует плохо. Сил много, а тратит их без толку.

Антон лишний раз убедился, как здорово разбирается в игре Грачев: несколько раз видел Вовчика на корте, а знает о его достоинствах и недостатках больше, чем Леня. Даже характер парня успел изучить. В первой партии Вовчик действовал по-мальчишечьи, необычно: чередовал сильные и средние удары с резанными и укороченными. Беспрерывно атаковал, поступая каждый раз неожиданно, с точки зрения Гаевого, даже неразумно, но завоевывал очки.

Уступив первый сет, Гаевой разозлился: проиграть сопернику почти вдвое моложе перспектива малоприятная. Он увеличил темп, после каждой подачи отчаянно рвался к сетке, смело бил с лета. Но Вовчик ответил тем же, тоже беспрерывно рвался к сетке, не жалея сил, бил любые мячи, стараясь подавить Гаевого мощью ударов. Они шли, как самолеты, на таран, и зрители, затаив дыхание, ждали: кто первым дрогнет, кто отступит на заднюю линию, кто перестанет рисковать. Гаевой не выдержал ураганного темпа. При счете четыре-четыре он решил «отсидеться» сзади, но проиграл оба гейма, а с ними и вторую партию.

— Сейчас Гаевой заиграет в тянуичку, — сказал Грачев. — Вовчик завязнет. Надо ему поумерить пыл.

Антон искоса глянул на Грачева и улыбнулся. Грач так увлекся игрой, что забыл: рядом тренер соперников. Или он не считает Леня соперником? Дает открытым текстом такую ценную информацию. Обычно он умеет держать язык за зубами. Но Леня не воспользовался полученными данными, а спокойно смотрел, как разворачиваются события в третьем сете.

Гаевой действительно резко снизил темп. Он действовал очень медленно, не спеша собирая мячи по корту, долго и тщательно готовился к каждой подаче. Вовчик не мог томительно ждать, тактика «замедленных дей-

ствий» выводила его из себя, он рвался в бой, хотел добить соперника, жаждал ураганного темпа и в спешке делал одну ошибку за другой.

— Скажи ты ему пару слов, — Грачев повернулся к Лене. — Мальца надо учить.

— Проиграет — научится, — философски ответил Леня.
«Ай да Грач, — развеселился Антон. — Просто влюбился в мальчишку. Впервые вижу его таким. Он за него больше болеет, чем за Гаевого». Впрочем, сам тоже горячо симпатизировал Вовчику, понимал Грачева, хотя впервые видел, чтобы тот поддерживал чужого игрока. Проигрыш Гаевого не помешает им взять кубок. Грач это знает, поэтому не прочь помочь Вовчику.

Когда во время смены сторон Вовчик проходил мимо них, Грачев тихо, но отчетливо произнес.

— Стань на якорь. Заиграй ещетише. Куда тебя несет, лопуха.

Грачев вмешался вовремя. У Вовчика хватило ума послушаться совета, он задвигался по корту еще медленнее, чем Гаевой, начал удлинять паузы, долго собирать мячи. Теперь занервничал Гаевой. Он ждал, что вмешается Грачев, но тот сидел безучастно. В начале турнира он попытался дать совет, однако Гаевой заявил, что сам знает, как ему играть. Грачев немедленно извинился и больше советов не давал.

— Поздравляю, — сказал Грачев Лене, когда закончился третий сет. — Один-один. Так, глядишь, ты со своим пацаном и кубок уволокешь.

— Кончай гудеть, — засмеялся Леня. — Дипломат. Катись по своим делам.

— Уже в пути, — отсалютовал папкой Грачев. — Иди Вовчука поздравь. Гаевой — крепкий перворазрядник. Обыграть его не каждому по зубам.

Парная игра прошла скучно. Гаевой хотел себя реабилитировать за проигрыш Вовчику и старался не жалея сил. Антон, как всегда, действовал напористо, не позво-

ляя себе расслабиться, хотя встреча не представляла для него спортивного интереса. Леня и Вовчик играли вяло. «Берегут силы для одиночных игр, — отметил Антон. — Леня рассчитывает обыграть Гаевого, что вполне реально. А Вовчик? Он-то на что рассчитывает?»

Антон оборвал себя. Вот так незаметно слава отравляет человека. А почему Вовчик должен завтра выйти против него, заранее сложив оружие? Таким ребятам и надо дерзать. Он вспомнил свой первый приезд в Австралию, когда все сиднейские газеты предрекали ему проигрыш со счетом ноль-три. А он выиграл у второй ракетки зеленого континента и получил приз. Эта ваза сейчас стоит у него на телевизоре. Умница Леня, что так по-боевому настраивает своих питомцев: не пугаться авторитетов. Вовчик уже победил двух мастеров спорта, трех перворазрядников. Теперь можно и на члена сборной страны замахнуться.

Антон и Гаевой победили, приняли от Лени и Вовчика поздравления. Потом все вместе отправились обедать. За столом много шутили, вспоминая различные курьезы, приключавшиеся с известными мастерами ракетки. К Гаевому вернулось хорошее настроение, а Вовчик был немного грустноват. Но не от огорчения за проигрыш в паре, его, очевидно, волновала предстоящая игра с Антоном. Говорили на разные темы, но по молчаливому уговору завтраших игр не касались. Когда вставали из-за стола, Антон не выдержал:

— Вовчик, не будь таким серьезным. Разве завтра решается твоя судьба? Смотри веселее.

Вовчик попытался улыбнуться, но улыбка получилась натужная, вымученная, и Антон, почувствовав себя неловко, принялся рассказывать о последней поездке в Будапешт.

Вечером Антон слушал по радио «Последние известия», синоптики обещали дождь. Но утро оказалось солнечным, ясным. Мурлыча задорную песенку из муль-

фильма, он быстро спускался по лестнице на привычную пробежку. Последний день, последняя игра, вечерним поездом уедет домой и завтра уже будет бегать по аллеям парка, где знаком каждый кустик. Листья старых лиственничных деревьев падали на голову, вспахивая землю. Слабый ветерок, дышалось легко. День начался отлично, впервые за время недельного пребывания его в гостинице у душа не оказалось очереди. Он сразу встал под теплые, бодрящие струи, и ему вдруг захотелось лихо по-мальчишески свистнуть, заложив два пальца в рот. Но он сдержался. Давно научился подавлять свои эмоции, делать только то, что полезно: помогает теннису, способствует успехам на корте.

В кафе, куда через полчаса они пришли с Гаевым, их ждал Грачев. Обычно он ел в ресторане своей гостиницы, встречались они уже на кортах. Но сегодня особый день, решается судьба кубка. И хотя на горизонте безоблачно, трудно поверить, что кубок достанется Лениной команде, Грачев не мог скрыть волнения. Вдруг Гаевой и Антон продуют свои поединки? История спорта знает немало парадоксальных примеров. Конечно, Грачев не выложил своих сомнений, разговор вертелся вокруг пустяков. Ожидание томило его.

Гаевого и Антона предстоящие поединки волновали мало. Выйдя из раздевалки, они пожелали друг другу удачи и отправились каждый на свой корт. Их встречи проводились одновременно.

Грачев остался на корте Антона. Встреча Гаевого с Леней его не интересовала. Выигрыш Антона обеспечивал командную победу. Зрители, хорошо знакомые с ситуацией, тоже собрались на встрече Антона и Вовчика. На трибунах горячо обсуждались шансы последнего: сколько он выстоит против известного мастера? В том, что Антон выиграет три-ноль, никто не сомневался. Интересовал вопрос, сколько геймов в каждой партии сумеет вырвать Вовчик.

Когда Антон смотрел игру Вовчика с Гаевым, он за-

метил, что юный теннисист менее уверенно обводит слева при ударах с низкой точки. Это помогло ему сразу захватить инициативу и сравнительно быстро выиграть первый сет. Но Вовчик сумел все-таки взять два гейма на своей подаче и заслужил аплодисменты зрителей. Старое правило всех соревнований — публика поддерживает слабого — действовало и на этот раз. Антон относился к такой ситуации спокойно, не раз и его поддерживали зрители, когда по ту сторону сетки стоял известный мастер, значительно старше возрастом и опытом. В роли именинного игрока ему еще не приходилось встречаться с таким юным теннисистом. Надо и это испытать.

Занятый своими мыслями, он не обратил внимания, как тучи незаметно закрыли солнце. Потемнело, а потом закапал реденький дождик. Такая погода всегда действовала на Антона удручающе, выводила из душевного равновесия. В пасмурные дни он значительно хуже выступал даже на закрытых кортах, где погода не имеет никакого значения. Он боялся играть на скользких от дождя кортах, хотя никому в этом не признавался. Однажды, еще первокурсником, выступал за свою группу на факультетских соревнованиях по баскетболу. Их команда шла на первом месте, в группе учился парень, уже игравший за команду мастеров высшей лиги. Он числился кандидатом в молодежную сборную страны, ему предрекали большое спортивное будущее. На скользкой от дождя площадке этот парень подвернул ногу, травмировался в заурядной игре. Антон навсегда запомнил его охваченные ужасом глаза. Не от боли, а от обиды, что травма может перечеркнуть спортивный путь, который практически еще не начался.

— Проклятый дождь, — с трудом сдерживая слезы, стонал баскетболист, когда его уносили с площадки на носилках. — Откуда он взялся?

С того дня Антон стал бояться играть на мокрых кортах. Неведомая сила сковывала мышцы, заставляла осто-

рожничать, лишала подвижности. Особенно это проявлялось в играх второстепенных, не имеющих значения, во встречах, где можно было добить победу малой кровью. Поединок с Вовчиком относился к таковым, и поэтому Антон сразу сбавил темп, перестал делать рывки, чтобы достать трудный мяч. А Вовчику было море по колено. Дождь, который постепенно усилился, его не смущал. Он играл отчаянно, дерзко, зрители не жалели ладоней, поощряя каждый красиво выигранный мяч, каждый точный удар, каждое удачное действие в защите.

— Вперед, Вовчик! Дави чемпиона! — надрывался какой-то не в меру ретивый болельщик.

Его истощный голос раздражал Антона не меньше, чем дождь, но приходилось терпеть. Крикун действовал в общем в пределах нормы, Антон заслужил бы неодобрение трибун, если бы прервал поединок и потребовал привести экспансивного болельщика в чувства. И все-таки трибуны на него обиделись, хотя Антон в этом не был виноват.

Вторая партия тянулась долго, в каждом гейме шла упорная борьба. Дождь стал союзником Вовчика, партнером, помогал ему добывать очки, которые при хорошей погоде он никогда не сумел бы выиграть. Но медленно, шаг за шагом Антон продвигался к финишу второй партии. В восьмом гейме, при счете пять-два в свою пользу, Антон, имея сет-бол, послал мяч за линию. Судья на линии показал, что мяч коснулся площадки.

— Гейм и второй сет — Ставко, — объявил судья на вышке. В его голосе Антон уловил скрываемую радость. Судья понимал, что победит Антон, и хотел, чтобы это случилось возможно скорее. Мокнуть под дождем мало приятное занятие.

Но зрители не позволили судье ускорить события. Они дружно заорали: «За! За!» А неистовый болельщик приложил руки рупором ко рту и забасил: «Чемпиона тя-не-шь! За сколько купили?» Кровь ударила Антону в го-

лову, в такой ситуации он оказался впервые. Всегда непримиримо относился к малейшим проявлениям нечестного судейства, не участвовал ни в каких сговорах, когда сильные «сплавляли» игру слабому, помогая получить недостающий мастерский балл, признавал только честную спортивную борьбу, а теперь на него посыпались незаслуженные обвинения. Он подошел к судье на вышке.

— Здесь ошибка. Мяч за.

Судья вытер платком воду с лица. Дождь почти перестал, но тучи сгустились, висели низко-низко, в любую минуту мог хлынуть поток. Каждая секунда на учете, а Антон требует отменить решение, поединок затянется. Зачем?

— Я очень прошу переиграть мяч, — нажимая на слово «очень», сказал Антон. Он напряженно смотрел на судью, мысленно умоляя его отменить решение. Неужели тот не понимает, что он не может закончить партию на спорном мяче. Зачем ему эта сомнительная концовка?

Бытует традиция, что игроки, получившие сомнительное очко, должны проиграть следующее очко или гейм, чтобы доказать свою честность и спортивность. Но в этой партии у него нет такой возможности.

— Все правильно! — громко произнес судья на вышке. — Станьте, пожалуйста, на свое место. — И неодобриительно посмотрел на Антона, глаза его говорили: «Не ищи дешевой популярности. Хочешь унизить судью и поднять свой авторитет?» Тоном, не терпящим возражений, он отчеканил: — Начинаем третий сет!

Вовчик вел себя спокойно, словно все это его не касалось. Трибуны неистовствовали, когда он медленно, даже очень медленно, по мнению Антона, проходил мимо во время смены сторон. Антон обменялся взглядом с Грачевым, тот показал рукой: «Спокойно, не бери в голову. Играй». Но играть Антон уже не мог.

С новой силой вспыхнуло раздражение, вызванное и

этим дурацким, абсолютно ему не нужным турниром, и старой гостиницей, и плохим обслуживанием в кафе, и проклятым мелко капающим дождем. А вот теперь с трибун ему орут гадости, обвиняя в словоре с судьей. И главное — против кого? Безудержная злость на несправедливых зрителей, на несообразительного судью, на черные тучи, закрывшие солнце, и еще неизвестно на кого заполнила Антона и выплеснулась на корт. Как боксер, который потерял контроль над собой после пропущенного удара и лезет безудержно вперед, забыв о технике и тактике, ведомый единственным желанием немедленно дать сдачу, так и Антон повел прямолинейную силовую борьбу, стараясь доказать этим крикунам, что он может обыграть Вовчика «одной левой».

А Вовчик, сохранив хладнокровие, быстро разгадывал откровенные удары соперника и набирал победные очки. Антон спохватился, когда проиграл четыре гейма подряд. Болельщики ликовали, все симпатизировали юному игроку, который не сломался, проиграв два сета, а смело, на равных ведет борьбу с корифеем. Антон глянул на скамейку, где сидел Грачев. Пусто. Не заметил, когда он ушел. Отправился на корт, где играют Гаевой и Леня. А в эту минуту, как никогда, он нуждался в его совете, в паре теплых, дружеских слов.

Антон подал и сразу вышел к сетке. Вовчик ответил свечкой. Антон в прыжке достал мяч и мощным смешем отправил к Вовчику. О точности своего удара понял по вздоху трибун. Приземления мяча он не видел — от острой боли потемнело в глазах. Опускаясь после прыжка, подвернул голеностоп, поскользнулся на мокрой пощадке и растянулся на липкой холодной земле.

Он быстро поднялся, зашагал к линии. Нога болела, но он жестом показал врачу: «Не надо. Все в порядке». Не хватало, чтобы крикуны обвинили его в симуляции. Перетерпит. Лучше сейчас уступить сет, а в перерыве врач наложит тугую повязку, и он в четвертом сете закон-

чит матч. Стараясь не наступать на травмированную ногу, Антон доиграл два гейма и под несмолкаемые крики болельщиков, которые на все лады превозносили Вовчика, отправился в раздевалку.

Врач, словно прочитав его мысли, зашел в раздевалку вслед за ним. Успокаивающему жесту Антона он не поверил, знал, что в азарте спортивной борьбы игроки часто не обращают внимания на боль. Теперь внимательно ощупал стопу, сказал, что без рентгена определить серьезность травмы не берется, но продолжать соревнование разрешает. Еще раз его пальцы прошлись по стопе, он пристально посмотрел Антону в глаза.

— Если бы можно было... — Врач вздохнул. На своем веку он обслужил сотни соревнований и знал, как трудно уговорить спортсмена прекратить борьбу. Особенно в финале, когда решается судьба главного приза.

Антон ответил ему понимающим взглядом. Спорт испытывает не только мускулы, но и характер человека. Нередко приходится переносить боль, надо уметь вытерпеть, не скинуться. Краем глаза он видел, как Вовчик, который устроился в противоположном углу раздевалки, внимательно смотрит на них, стараясь по выражению лиц понять содержание разговора.

Открылась дверь, на пороге застыл Грачев.

— Как дела, сыники? — Множественное число было формой вежливости. Он смотрел на Антона, ожидая услышать ответ, что все в порядке. Сидящему рядом с Антоном врачу не придал значения: Антон после победы отдыхает и рассказывает о своей последней поездке в Будапешт.

— Два-один! — Антон натянул на ногу шерстяной носок, стал тщательно зашнуровывать туфлю. — Как на улице? Капает?

Мозг Грачева мгновенно обработал полученную информацию. Встреча не окончена, у Антона травма. Этого он с порога не определил, спина врача закрывала от не-

го ногу Антона. Грачев не ответил, быстро направился к Антону.

— Как погодка? — спокойно осведомился Антон и встал, чтобы проверить, как поведет себя травмированный голеностоп в тугой повязке. И в этот момент за окном словно бомба разорвалась. Дождь хлынул с такой силой, что зазвенели стекла. Открылась дверь, в раздевалку влетели Гаевой и Леня. За считанные секунды они промокли насовсем, вода с них лилась ручьями. Лицо у Лени было веселое, озорное, он вымок до нитки, но это его ничуть не печалило, даже забавляло. А Гаевой нервничал, боясь, что испортятся его новые теннисные туфли. Он их берег, одел на финал, и вот такая история. Антон с иронией смотрел, как, стоя на одной ноге, Гаевой выливал воду из туфли. Лицо рассерженное, даже злое. Продул, а теперь всю вину валит на туфли.

— Как сыграли? — больше для порядка спросил Антон, хотя веселое лицо Лени было красноречивее любого ответа.

— Разве можно победить человека в новых туфлях? — Леня добродушно смотрел на Гаевого. — Володя сегодня играл, как бог. Три-ноль и примите мои поздравления с кубком.

— Чего же ты молчал? — Антон ткнул Грачева пальцем в бок. — Зашел таким скромником. Я грешным делом решил, что на мне теперь повисла вся ответственность. А дело уже в шляпе.

— Сматря какое дело. — Грачев отвечал Антону, но мысли его блуждали где-то далеко. Он быстро прокручивал в голове какие-то варианты. То, что встреча не закончена, а должна еще продолжаться, и внезапная травма Антона заставили его задуматься. Но о чем? Грачев научился хранить свои планы в тайне. Поэтому не раскрыл перед Антоном, что конкретно имеет в виду, а направился по коридору в судейскую комнату. Дождь лил не переставая, продолжать встречу пока не представля-

лось никакой возможности. Интересно, какое решение принял главный судья Кубка?

Вовчик сидел в глубоком кресле и перетягивал ракетку. Леня устроился рядом. Вполголоса задавал вопросы, восстанавливая для себя картину трех сетов. Антон прогуливался по раздевалке, нога побаливала.

Шум за окном стих — дождь прошел. Тучи стали медленно редеть, в раздевалке посветлело. Гаевой быстро выскоцил за дверь и также быстро вернулся.

— Море! — Он развел руками. — Лужи как озера. В водное поло можно играть.

Он снова вышел из раздевалки, за ним двинулись врач, Леня и Вовчик. Всем не терпелось посмотреть, в каком состоянии корты. Потом через раздевалку прошли к выходу судьи, с ними Грачев. Только Антон не пожелал проверить состояние кортов. Он сел в глубокое кресло и положил травмированную ногу на табуретку. Надо поберечься. На раскисшем грунте и здоровым ногам трудно.

Первым вернулся Грачев.

— Что решили?

Грачев кисло посмотрел на Антона.

— Главный судья распорядился привести корты в порядок и продолжить игру через два часа. Как нога?

— В порядке. — Антон внимательно смотрел на Грачева. Почему он недоволен решением главного судьи? А насчет ноги, конечно же, получил информацию у врача. — Где вся публика?

— Потопали перекусить. Ты не желаешь?

— Нет. Я сейчас выйду, посижу на воздухе, запасусь кислородом.

— Ладно, сынок, дыши. Я дую в гостиницу. Мне надо срочно поговорить по телефону.

Он круто развернулся, звонко хлопнула дверь. «Что за срочность? — удивился Антон. — Еще утром его, кроме кубка, ничего на свете не интересовало. Какие события взволновали его душу?»

Когда нога лежала на табуретке, почти совсем не болела. Но долго сидеть в кресле Антону надоело. Решил взглянуть на корты: как там дела? Двое рабочих собирали тряпками воду на одной половине, на второй вода еще стояла. Качество площадок оставляло желать лучшего, дренаж полностью отсутствовал. Антону приходилось попадать под дождь на кортах в больших городах, там через полчаса о воде напоминал только потемневший песок. Да и абсолютно ровная поверхность не собирала таких огромных луж. «Надо сперва корты привести в порядок, а потом проводить соревнования республиканского масштаба,— рассердился Антон.— Популяризовать теннис хорошо, но не за счет здоровья игроков. Вернусь домой, выложу все это членам федерации тенниса. Жаль, никого из них сейчас нет. Не перевелись еще любители много говорить и мало делать».

Облегчив душу беззвучным монологом, Антон вернулся в раздевалку. От недолгого стояния нога заболела. Он вспомнил, что в судейской комнате есть диван, и решил прилечь на полчасика. Корты приведут в порядок еще не скоро, а сон лучшее лечение от трепки нервов, которая выпала на его долю сегодня.

Спал он недолго, но крепко и проснулся от стука шагов. Через раздевалку в коридор прошли Грачев и Вовчик. Они остановились возле двери судейской комнаты. Наполовину прикрытая, она сделала Антона невольным участником их разговора. Полагалось бы встать и плотно закрыть дверь, но уже было поздно.

— Слушай внимательно, сынок. — Грачев говорил, словно читал по писанному. — Пока народа нет, можно поговорить спокойно.

— А где Антон?

— Кислородом дышит.

Антона покоробила фамильярность Вовчика, он в его годы даже в мыслях не называл игроков старше себя по имени. Но Грачев, видимо, считал такое положение нор-

мальным, потому что не поправил Вовчика, а торопился передать содержание двух телефонных разговоров.

Оказывается, он с первых дней турнира начал переговоры с Вовчиком и Славиком, приглашая их переехать в столицу. Славик сразу наотрез отказался, не желая расставаться с Леней и родными. («Стопроцентный лопух,— оценил Грачев.— Зачахнет в своей дыре. Разве Леха тренер? Настоящий тренер не только играть учит, а заботится о материальных благах своего питомца»). А Вовчик согласился. Только потребовал отдельную комнату в общежитии.

— Значит, сынок, картина такая, — чеканил Грачев.— Переводишься в техникум. Правда, не в машиностроительный, а топографический.

— Мне по боку, — вставил Вовчик.

— Конечно, — согласился Грачев. — Я потом тебя в инфиз определю. С комнатой пока красный свет. Временно поживешь на общих основаниях.

— Тогда я не поеду. Наобещаете, а потом ходи клянчи. Отец говорит, в жизни сразу все бери. Обещаниям не верь.

— Для начальства ты пока темная лошадка. Обыграл здесь пару мастеров, но их заслуги в прошлом. Надо что-то весомое бросить на бочку.

— А что?

Наступила пауза. Очевидно, Грачев обдумывал, как пояснее изложить свои мысли. Он начал медленно.

— Я только что говорил со старшим тренером юношеской сборной страны. Мой приятель. Обещал тебя втиснуть в состав. Усекаешь? Тогда есть основания просить для тебя отдельную комнату в общежитии.

— Усекаю.

— Но тут одна заковыка. Он тебя возьмет как моего ученика, а не Леонида Арсентьевича. Значит, ты в специальной анкете, я тебе ее дам, напишешь в графе «тренер» мою фамилию. Усек?

— Делов куча, — засмеялся Вовчик. — А я испугался. Заковыка... Давайте анкету.

— Не торопись. — Грачев, видно, не ожидал, что Вовчик так быстро согласится, и не взял анкету. — Бумаги мы оформим мигом. Это первый шаг.

— А второй?

— Эх, — вздохнул Грачев. — Результаты нужны, сынок. Результаты. Для сборной это главное. Утром я не сомневался, что Антон тебя сделает три-ноль, и в Москву звонить не собирался. А когда узнал, что два-один и дождь... Короче, черепок заработал. Намекнул, что готовится сюрприз, что ты можешь зацепить Антона. А это уже вешь. И для сборной, и для моего начальства. Усекаешь?

— А что? — вырвалось у Вовчика. — Могу. Антон по корту пешком ходит.

— Дурачок, — засмеялся Грачев. — Ты плохо знаешь Антона. Он, если захочет, на костылях у тебя выигрывает.

«Спасибо, Грач, и на этом, — повеселел Антон. — А я уже грешным делом решил, что ты только на людях мне комплименты отвешиваешь. Но как же ты рассчитываешь на мне еще заработать? Кубок я тебе сделал. А дальше?»

Мысли Антона сразу заработали в другом направлении, от веселости не осталось и следа. То, что он помог своей команде выиграть кубок и этим способствовал служебной карьере Грачева, было делом нормальным. Он — спортсмен и выполнил свой долг. Но теперь его втягивали в какую-то комбинацию. Пауза, наступившая в разговоре Грачева и Вовчика, волновала, злила, заставляла делать различные предположения, ставить вопросы, на которые не находил ответов. И еще жгла обида за Леню.

«Эх, Леня, Леня, друг ты мой старинный. Даже и не предполагаешь, какая заварилась каша, хотя твоей вины

в этом нет. А может, есть? Ты научил парня хорошо держать ракетку в руках, научил грамотно мыслить на корте. Для своих лет Вовчик играет просто здорово. А что у него на душе, не знаешь. Сам прямой, честный, искренний, а его таким не сделал. Чтобы поскорее прорваться в большой теннис, пацан на все махнул рукой. Поманил первый встречный человек, и он легко бросает тебя, первого тренера, расстается с родными, друзьями... Без колебаний меняет техникум. Неужели, кроме тенниса, его в жизни больше ничего не интересует? Считает, что ракетка и мяч способны заменить родителей и товарищей? — И вдруг Антон вздрогнул, словно прикоснулся к раскаленному железу. — А разве я не ограничивал свою жизнь белыми линиями корта?»

Он будто наяву увидел Леню, вечно занятого лекциями и экзаменами, увлеченно говорящего о роли медицины в наше время и читающего на память стихи поэтов, совершенно незнакомых Антону. Вспомнил и других теннисистов, с ними ему приходилось играть или тренироваться на сборах, круг интересов которых был значительно шире, чем у него.

«Ладно, пусть интересов у меня меньше, но друзей я никогда не предавал, как это собирается сделать Вовчик. Не предавал? Это хорошо. Плохо, что приятелей много, а друзей настоящих нет. Таких, чтобы за них в огонь и в воду. И семьи не завел. Сколько раз мать говорила, что подруги ее уже внучат нянчат...» Антон вдруг словно со стороны взглянул на свою жизнь. Все ли он правильно делал? Всегда ли правильно поступал?

Его приглашали на день рождения или просто в дружескую компанию, а он отказывался: можно засидеться за полночь, а у него режим. Постепенно перестали приглашать. Он пропускал свидания, если они совпадали с тренировками, и дружба с девушкой рвалась, еще не успев окрепнуть. Девушки обижались, одна даже в сердцах обозвала его пижоном. Антон не решился объяснить

девушке, что ради встречи не может пропустить тренировку. Боялся сознаться, что теряется в обществе девушек, не знает, о чем с ними говорить. Тонкости обводок и подач их не интересовали, а в остальных вопросах он чувствовал себя недостаточно уверенно и предпочитал слушать. А девушки, как известно, молчунам не симпатизируют.

С годами ослаб контакт и с матерью, она не всегда его понимала, но гордиась кубками и медалями, которые он привозил с разных турниров. Иногда допытывалась, почему сын так много времени уделяет теннису, все его мысли только на корте. Антон откровенного разговора избегал, кратко объяснял, что успех любого дела требует полной концентрации физических и моральных сил. Мать сперва соглашалась, но со временем Антон стал замечать в ее глазах настороженность, хотя открыто высказать свои мысли она не решалась.

«Чем я недоволен? Что потревожило меня? — лихорадочно думал Антон. — Ведь я всегда ко всему, что не касалось тенниса, относился спокойно. Считал, что живу правильно. Есть ли у меня причины сомневаться в этом? Есть или нет?»

Звонкий голос Вовчика оборвал ход мыслей.

— Так что же делать?

— Есть идея, — твердо произнес Грачев. — Попробую уговорить Антона прекратить игру.

— Разве ж это победа?

— Лопушок, — нежно проворковал Грачев. — Со всем еще зелененький. Для начальства главное результаты. В протоколе что написано? Три-два в мою пользу. Кто у меня забрал два очка? Вовчик. Подробности через неделю забудутся. А очки остаются. В сводках, отчетах и прочей бухгалтерии. Усек?

— О чём разговор. А если он откажется?

— Придется добиваться победы на корте. Я расскажу тебе о его слабинках, чего не знает никто. Мне побе-

да Антона уже не нужна, да и ему... Его уже в Мексику утвердили.

— Счастливчик! — вырвалось у Вовчика. — А может, попросить, чтобы сплавил? Кубок ведь уже у вас.

— Исключается, — отрубил Грачев. — Или — или. Антон никому не сплавлял, сынок. Чист, как стеклышко. Пора за дело. Я пойду поищу Антона, время не ждет. Есть у меня один аргумент.

— Значит, — медленно произнес Вовчик, — надо готовиться к бою. — И вдруг выпалил: — А если везде пустой номер? Антон выйдет на карт и обыграет меня? Значит, ни сборной, ни отдельной комнаты? Учите, на обещания я не поеду.

— Обманывать не люблю, — сухо сказал Грачев. — Что имею, то даю. Я бы на твоем месте рванул в столицу на любых условиях. Жить в такой дыре...

— А я на любых не хочу, — твердо сказал Вовчик.

Гулко прозвучали шаги по коридору, хлопнула дверь раздевалки. Кругом стало тихо. Грачев и Вовчик ушли. Антон встал с дивана, мягко ступая, прошел по коридору. Отдохнувшая нога не болела. Он подошел к окну. Ярко светило солнце, подсушивая карт. Вовчик стоял посредине карты и ногой пробовал крепость грунта. «А парень все-таки с характером, — подумал Антон. — Жаль, что успел ему свернуть мозги набекрень. Но ведь мальчишка еще, исправить можно».

Вовчик сделал несколько прыжков, присел, стал вращать кистями. Лицо спокойное, сосредоточенное. «Все в порядке, все нормально, я разминаюсь, я готовлюсь к игре», — говорили его глаза.

«Нет, не все в порядке, — рассердился Антон. — Сам, дурачок, не понимаешь, куда можешь угодить. Надо сейчас, немедленно начать вправлять ему мозги. Потом будет поздно».

Он вспомнил, как на лекции по педагогике профессор приводил высказывание Антона Семеновича Макаренко,

что ребенка надо воспитывать с первых минут появления на свет. Значит, и с Вовчиком нельзя откладывать. «А твое ли это дело?» — вдруг спросил сам себя. Герард Васильевич не уставал повторять, чтобы жил для себя, чтобы в чужие дела не вмешивался, чтобы берег нервную энергию для корта. Он так и жил. И оказался один, хотя для медалей и кубков уже не хватает места на полках импортной мебельной стенки. На тех самых полках, где большинство держат книги.

Вовчик продолжал разминаться, Антон отошел от окна.

«Пожалуй, моя жизнь не может послужить образцом для юного спортсмена. Но я шагал по жизни прямо, кубки и медали завоеваны честно. А Вовчик еще ничего не достиг, хочет урвать. Вернее, его толкают на это. Талантливый пацан, может здорово заиграть, если не сожрет его корысть. Я обязан вмешаться!» — Антону стало легко, он всегда чувствовал себя уверенно, когда принимал решение.

Перед ним, словно на киноэкране, возникла ссора с ребятами из сборой, припомнились советы Швайдецкого. А ведь он тогда впервые не послушал Герарда Васильевича, убедил все-таки ребят бегать по утрам. И как они потом его благодарили, потому что это помогало им побеждать.

Он не знает, получится ли из него хороший воспитатель, но в стороне стоять не будет. И немедленно придется вправлять мозги Вовчику. Первым раундом этой переделки будет разговор с Грачевым. Антон был полностью к нему готов.

Грачев не вошел, а ворвался в раздевалку. Увидев Антона, всплеснул руками.

— Я тебя по всему стадиону ищу. Разминулись, значит?

— Разминулись, — подтвердил Антон.

Но Грачев против обыкновения не стал допытываться, почему разминулись, где Антон пропадал, повернулся к двери, крикнул:

— Леха, он здесь!

Леня вошел так же стремительно и потребовал, чтобы Антон снял туфлю и освободил ногу от бинта. На протесты Антона, что его смотрел уже один врач, не обратил внимания. Не промолчал и Грачев.

— Ты с ногою не шути. О Мексике забыл?

«Вот он, его аргумент», — молниеносно определил Антон. И от сознания, что разгадал план соперника, а Грачев был для него теперь соперником, улыбнулся. Но тотчас же скривился и ойкнул от боли.

— Спокойно, спокойно, — Леня скрупулезно, сантиметр за сантиметром обследовал ногу. Чувствовалось, что он мастер своего дела. Антон еще ойкнул несколько раз, лицо у Лени было бесстрастным, но нахмуренные брови говорили о том, что состояние ноги Антона ему не нравится.

— Ну что? — лицо Грачева выражало высшую степень напряжения.

Леня осторожно опустил ногу Антона на табуретку, стал медленно заматывать бинт.

— Отрадного мало, даже очень мало.

Грачев облегченно вздохнул. «Именно такого ответа ты и ждешь, — спокойно констатировал Антон. — Сейчас возьмешь Леня в союзники и начнешь давить. Интересно, как поведет себя Леня?»

Леня принял сторону Грачева, заметил, что все позади, кубок разыгран, это встреча практически не имеет смысла.

«Имеет, — чуть не закричал Антон, — имеет, добрая твоя душа!» Но он спокойно полулежал, лицо его не выражало никаких эмоций. Леня сказал, что, в принципе, можно выйти на корт и отыграть за милую душу. Грачев при этих словах заерзal на стуле, но Леня тут же до-

бавил, что опасается последствий перегрузки. Сейчас такое состояние, что после нескольких дней отдыха и физиотерапевтических процедур Антон будет как огурчик. Игра же может усугубить травму, тогда меньше чем за две недели залечить не удастся. А может, и двух не хватит.

— Прощай, Мексика, — четко подытожил Грачев. — Усекаешь?

— Что ты предлагаешь? — вкрадчиво спросил Антон.

— Иду к главному, докладываю результаты медэкспертизы. — Он посмотрел на Леня. — Ты подтвердишь? — Леня кивнул, и Грачев закончил: — От продолжения встречи мы отказываемся. Забираем кубок, на вокзал и утром дома. Ты с хода в диспансер, процедуры и прочее, через неделю Москва. А там Мексика, пальмы, сомбреро...

Леня кончил бинтовать ногу, натянул шерстяной носок. Антон поблагодарил его, крепко сжав пальцы, встал во весь рост, забыв даже одеть туфлю.

— Спасибо, ребята, за заботу. Но игра состоится. Как писали когда-то в афишах: при любой погоде.

Грачев не выдержал.

— Псих! Леха, объясни этому долдону. Ты же из меня лопуха делаешь. Я еле добился, чтобы тебя взяли в Мексику. Не в тмутаракань, богом забытую, а в экзотическую страну. Ты там не был, и неизвестно, побывавши ли. И вот благодарность. — Он тоже встал, лицо у него побагровело. Леня непонимающе смотрел на Грачева. Почему он так переживает? Голос Грачева задрожал. — Антон, я тебя прошу. Давай откажемся. Это нужно. Очень нужно.

— Зачем? — невинным голосом спросил Антон.

Грачев стиснул зубы.

— Сейчас не могу сказать. Поверь мне.

Антон зашагал к стене. Нога побаливала, но терпимо. Он повернулся.

— Закончим эту конференцию. Поговорили и баста. Я выхожу на корт.

Антон всегда выходил на корт с желанием победить, боролся до последней секунды поединка, не раз становился победителем в самых критических ситуациях. Но такой, в какой он оказался сейчас, никогда еще не было. И никогда он так не жаждал победы, которая ему практически ничего не давала. Кто возьмется осудить имениного игрока, который с травмой ноги уступил пусть даже новичку? И болельщики, а они, переждав дождь, вновь до отказа заполнили трибуны, уже не так горячо поддерживали Вовчика. Даже горластый приутих, а однажды, когда Антон красиво разыграл свою коронную комбинацию, названную известным телекомментатором «antonовский дубль», не выдержал и рявкнул: «Молодец, Антон! Здорово!»

Но «дубль» удался ему всего несколько раз. О его комбинации знали, ее описывали в спортивных журналах, печатали кинограммы с комментариями специалистов. Изюминка состояла в том, что Антон применял ее внезапно, всегда неожиданно для соперников. Сперва проводил отвлекающие маневры, заставлял соперника поверить, что атаки не будет, потом все происходило молниеносно и неотразимо.

Сейчас он двигался по корту намного медленнее, чем значительно снижалась результативность «дубля». Но это в игре с опытными соперниками. Для неопытного Вовчика даже замедленный «дубль» оставался бы неразрешимой загадкой, если бы не Грачев. Он рассказал Вовчику то, чего не могли уловить теннисисты, с которыми Антон не раз встречался на корте, и зафиксировать кинограмма. Грачев по положению плеча, ног, туловища мог безошибочно определить, что сейчас сделает Антон. Поэтому отвлекающие маневры его не давали результата, а «дубль» не приносил очков.

Судья на вышке объявил о победе Вовчика в четвер-

том сете и растерянными глазами смотрел на Антона, когда тот, прихрамывая, прошел мимо него. Сохраняя положенную судье беспристрастность, он в глубине души болел за Антона. Сам в прошлом известный теннисист, он хорошо понимал, как обидно проигрывать из-за травмы, когда боль тисками сжимает ногу, виснет многогрудым грузом, не дает делать то, что в здоровом состоянии выполнял шутя, играючи, без всякого напряжения. Ему хотелось посоветовать Антону прекратить поединок, но он уже знал от Грачева, что Антону делали такое предложение и тот наотрез отказался.

«Как играть дальше? Что предпринять?» — думал лихорадочно Антон, начиная пятый, решающий сет. Наигранные годами многоходовые комбинации требовали отличной физической формы, консультации Грачева Вовчику еще больше снизили их результативность. Травмированная нога мешала стремительно выходить к сетке и доставать свечи, которыми для своего юного возраста прекрасно владел Вовчик. «Эх, Леня, — мрачно пошутил про себя Антон, — для чего ты научил мальчишку кидать свечки? Пусть лучше бы лупил с задней линии, в перестрелке я бы против него выстоял».

— Ноль-ноль! — судья-информатор откашлялся, он тоже волновался. Его симпатии, как и многих зрителей, перешли на сторону Антона, который с невероятным упорством сражался в четвертом сете. Сет длился около часа, счет девять-семь в пользу Вовчика отражал необычную остроту поединка, чего несколько часов назад никто не ожидал. Время было врагом Антона, чем дольше затягивался поединок, тем больше повышались шансы Вовчика на победу. Усталось удваивала, утраивала ошибки Антона, вынуждала его к промахам, которых он уже много лет не совершал.

Критичность ситуации заставила ум и волю работать с особой силой. Антон глянул на Грачева и Леню, они сидели рядом, увидел на побледневших лицах напряже-

ние, тревогу и растерянность. Каждого из них терзали разноречивые чувства. Если бы в теннисе была ничья! Антон понимал, что Лене больно видеть его беспомощность на корте, не такой победы желал он своему ученику. Но спорт есть спорт, действовал Вовчик уверенно и не мог не вызвать законной гордости Лени как тренера. Игра Вовчика радowała и Грачева, но он тревожился за ногу Антона больше, чем сам Антон. Ведь впереди кубок страны и ряд других соревнований. Не дай бог Антон надолго выйдет из строя. Без такого мастера его команда не добьется успеха, значит, и Грачеву не о чем будет рапортовать начальству.

— Тридцать-ноль!

К Антону, который начал подавать, решение пришло внезапно. «Надо заиграть не в свою игру. — Краем глаза он видел Грачева, но цепко держал в поле зрения Вовчика. — Никаких многоходовок. Играть просто и отказалось от коронных ударов. К ним Вовчик немного приворовился. Посмотрим, сумеет ли он перестроиться?»

Первый гейм, гейм на своей подаче, за Антоном. Но в этой напряженной игре, в решающем сете, когда уже ничего нельзя поправить и наверстать упущенное, победы добьется тот, кто возьмет гейм на подаче соперника. Это важно всегда, но теперь особенно. Антон до боли в пальцах стискивает ракетку, собирает волю, силы, мужество. «Взять гейм, взять гейм», — невидимый метроном четко отбивает слова команды.

Он встречает подачу Вовчика тихим ударом слева, а тот ждал «пушки» справа, и добывает первое очко. Вторая подача. На этот раз Вовчик начеку, выходит к сетке, готовый отразить обводку по прямой. Но Антон неожиданно бьет по диагонали, вызывая у него отчаянный крик досады. Трудно сдержать эмоции, когда попадаешь в простую ловушку. «Случайность», — решает Вовчик и снова упрямо рвется вперед, стараясь подавить Антона темпом. Его позиция позволяет перекрыть любые прямые

и косые удары. Но Антон идеально выполняет свечу. В невероятном прыжке Вовчик настигает мяч и возвращает Антону... под удар, от которого нет спасения. Отлично выполненная укоротка, вызвавшая восторг трибун, приносит Антону четвертое очко и победу во втором гейме.

— Два-ноль! Два-ноль! — динамики далеко разносят голос судьи-информатора.

Начало хорошее, инициатива в руках у Антона. Как себя поведет Вовчик дальше? Пока он спокоен. Антон готовится к подаче и бросает быстрый взгляд на Грачева. Тот несколько раз взмахивает перед собой рукой, словно маятником. «Предлагает Вовчику успокоиться, прекратить выходы и покачать, — молниеносно разгадывает Антон. — Грач чувствует игровую ситуацию, как борзая дичь. В этом ему нет равных. Леня еще не понял, что случилось, а он уже уловил перемену. И вовремя отсигналил».

Вовчик уходит к задней линии и начинает обмениваться с Антоном ударами, сил у него хватит еще на пять сетов. И тогда Антон, стиснув зубы, отчаянно рвется к сетке. От острой боли из глаз текут слезы, смешиваются с потом.

Игра постепенно выровнялась, каждый брал гейм на своей подаче. Уверенность в победе начала покидать Антона. Где-то в глубине мозга проскользнула предательская мыслишка: «Может, еще есть смысл отказаться? Чтобы не до конца угробить ногу и сохранить шансы на поездку в Мексику». Нет. Он борется не за победу. Их было немало и будут еще. Он борется за Вовчика, а тот ни черта не понимает, делает все, чтобы выиграть. Но ведь иначе нельзя себя вести на корте.

Хоровод мыслей мешает Антону сосредоточиться. Обычно он ни о чем на корте не думает, но сегодня все не так, как всегда. Надо играть, играть четко, контролируя свои действия. Одно неточное движение, и все может

пойти наスマрку. «О боли не думать,— приказывает себе Антон.— Очкі. Мне нужны очки». Только они способны прекратить боль, дать отдых сердцу, которое едва справляется с такой нагрузкой, снизить нервное напряжение. Очкі — это победа. Без нее он не имеет права покинуть корт. Место его любви, радостей, надежд. Место, которому он отдает всего себя, лучшие дни своей жизни.

Нельзя терять уверенности в себе, нельзя упускать инициативу. Каждое удачное действие отнимает у Вовчика частичку надежды на успех. Ну кто мог подумать, что после изнурительного четвертого сета Антон сумеет продолжить борьбу? После каждого разыгранного очка он, уже не скрывая, возвращался на исходную позицию, буквально волоча ногу. Но снова мяч в игре — и исчезала хромота. Какие адские муки испытывал при этом Антон, зрители могли лишь догадываться.

Разговор с Грачевым вывел Вовчика из равновесия, сделал близким и достижимым то, что еще вчера было далекой мечтой. Переезд в столицу республики, сборная страны, поездки по различным городам и, может быть, за границу... Многокилометровое расстояние вдруг сузилось до одного шага. Но как сделать этот шаг? Антон скалой стал на его пути. И чего упирается? Что ему надо? Отдельная квартира, объездил полмира, теперь Мексика. У человека все ол райт. Жалко, что ли, проиграть одну встречу? Для него это тыфу, эпизод, о котором и вспоминать не стоит, а для Вовчика решается жизнь. Боится, что будут подначивать: «Проиграл пацану!» Так уважительная причина была — травма.

— Сорок-пятнадцать! Подача Ставко!

Вовчик чувствует, что проигрывает гейм, что не может стать хозяином положения в решающем сете. А значит, все прощай. «Надо было самому попросить, чтобы сплавил игру. Слезу пустить, поклянчить. Грачеву неудобно, он тренер, начальник, а мне можно.— От досады, что он так поздно сообразил, Вовчик скривился, точно от бо-

ли.— Эх, балда я, козел рогатый». Но сразу себя успокоил: с Антоном это пустой номер. Ведь Грачев ясно сказал, что Антон никому никогда не сплавлял. Ни при каких обстоятельствах.

А что если он продует? Ехать в столицу без всяких гарантий, под честное слово Грачева? Ведь он его совсем не знает. «Никому не верь,— не раз повторял ему отец.— Бери только наличными. Деньги на бочку».

Отец всегда так и поступал. В молодые годы он работал слесарем-сборщиком на большом заводе, а потом уволился и поступил сантехником в ЖЭК. Работа в ЖЭКе отнимала не много времени и давала всегда «живую» копейку. Вовчик не раз видел, как, придя вечером домой, он вытягивал из кармана мятые рубли и трешки, разглаживал их и аккуратно складывал стопочкой. О своих клиентах отзывался презрительно, цения только тех, кто давал пятерки. А о профессоре, уплатившем за пустячный ремонт крана десятку, выразился коротко:

— Вот это человек!

И Вовчик увидел в его глазах уважение.

Сперва на увлечение Вовчика теннисом отец не обращал внимания, даже считал это занятие пустой тратой времени, баловством.

— Лучше бы в футбол играл. У них, знаешь, какие премии? И за границу ездят. Импортные вещи привозят...

Сведения о жизни футболистов отец черпал у одного из жильцов, брат которого играл в известной московской команде, присыпал красивые цветные фотографии с видами европейских и южноамериканских столиц, разные сувениры, вещи. Однажды футболист сам пожаловал на несколько дней. Судьбе было угодно как раз в этот день испортить кран, и отец Вовчика удостоился личного знакомства с известным игроком.

Быстро орудя гаечным ключом и молотком, он упомянул об увлечении сына. И, к своему огромному удивлению, услыхал такое, что заставило его на следующий

день пойти на тренировку и представиться тренеру, чтобы поподробнее узнать об успехах своего чада. Футболист рассказал, что теннис — это вещь, теперь он в моде. Большие люди приезжают на корты, чтобы укрепить здоровье, и почтительно выслушивают указания какой-то девчонки, которая учит их правильно держать ракетку, а классные теннисисты бывают чаще за рубежом, чем дома.

— А чтобы директор завода или академик гонял в футбол, не видел ни разу,— закончил москвич.— Вы еще будете благодарить судьбу, что она привела вашего пацана на корт, а не на футбольное поле.

Отец немедленно передал разговор с футболистом Вовчику, а сам при случае подробно расспрашивал Леню о теннисных перспективах сына. Тот, не очень четко представляя, куда клонит отец Вовчика и чего добивается, ведь сам он мыслил и жил совсем другими категориями, сказал, что у Вовчика способности к теннису большие, относится он к тренировкам серьезно.

— Может, значит, большим чемпионом стать, за границу ездить? — напрямик рубанул отец.

— Вполне. Только придется ему с вами расстаться.

— Для счастья родного сына я не против...

— Это еще не скоро,— успокоил Леня, которому показалось, что отец Вовчика загрустил.— Думаю, годика через два. Он как раз техникум закончит, специальность получит. Я повезу его в Киев, там помогут ему на работу устроиться и тренироваться будет у лучших тренеров страны.

Упоминание о работе вызвало у отца Вовчика еле заметную улыбку. Чтобы его сын вкалывал техником на сто рублей, которые он за неделю зарабатывает без труда? Пусть пока учится, все теперь участься. Диплом кушать не просит, а работа нужна денежная, чтобы с «живой» копейкой. Какая — он еще не знал, поэтому не говорил об этом, но чтобы обязательно давала навар. После разговора с Леней его волновало только одно:

«Стоит ли ждать два года?» Может, тренер для чего-то придерживает Вовчика, сам хочет снять пенки? Он испытывающе вглядывался в Леню, но известный в городе врач не производил впечатления деляги. И это вызывало в его душе смятение.

Он зачастил к брату футболиста, человеку предприимчивому и деловому, мысли и суждения которого целиком и полностью совпадали с его понятиями. Всеми добытыми сведениями непременно делился с сыном, напоминая, что надо брать от жизни все, что можно. Главное — не опоздать, не упустить свой шанс.

— Сорок-тридцать!

Вовчик успевает к мячу, который летел в дальний угол площадки, и возвращает Антону. Зрители награждают его аплодисментами. Они захвачены драматизмом поединка, видят в нем только спортивную сторону. Но вичок может победить известного мастера, а знаменитый теннисист демонстрирует мужество, доказывая, что в сборной страны играют настоящие спортсмены.

— Теперь ты сам кузнец своего счастья, — успел шепнуть Вовчику перед началом четвертого сета Грачев. — Я должен положить шефу твою победу на стол.

Вовчик хорошо понимает, что кроется под этим коротким словом «иначе». В случае поражения он приезжает как обычный пацан, согласный на любые условия. И впервые у него мелькает мысль, что, может быть, Леонид Арсентьевич сказал отцу правильно: рано ему еще уезжать из дома, сырой он еще. Вот выиграет чемпионат республики, прорвется на всесоюзный... Тогда Грачев вокруг него запляшет. Да и другие тренеры тоже. Москвичи и ленинградцы. Не надо торопиться, чтобы не прошешивить.

Перед началом игры Леня обсудил с ним план на предстоящие два сета. Но в его мозгу четко отпечатались все указания Грачева, он старался ничего из них не забыть, ничего не упустить, поэтому не обращал внимания на взволнованное лицо своего тренера.

Пригнув голову, выставив плечи вперед, Вовчик отчаянно боролся за каждый мяч. Расчет он компенсировал азартом, огромным желанием выиграть, молодые силы и выносливость помогали ему выдерживать высокий темп, щедро тратить энергию, которой так недоставало Антону.

— Счет геймов пять-четыре! Впереди Ставко!

Начинается гейм, в котором может решиться все, даже наверняка решится. Четыре очка отделяют Антона от победы, принесут избавление от боли, которая охвачила все тело, колет, жжет, ломает мышцы и кости, четыре очка дадут возможность сердцу прекратить бешенный бег, позволят облегченно вздохнуть. Какая огромная радость принять теплый душ и растянуться в шезлонге. Он поднимает руку с ракеткой, чтобы подать, и острое шило вонзается в поясницу.

— Нет! — судья не засчитывает мяч. Он, наверно, тоже понимает, что такое боль в пояснице, сидит на вышке третий час. Но это на его решения не влияет. Важно, в какой стороне от белых линий приземлился серый от влаги мяч.

— Снова нет! — Антон поторопился подать, пока поясница не болела, и проиграл очко. Такое важное, такое нужное. И словно в наказание так ожгло бедро, что он чуть не крикнул.

— Ноль-пятнадцать! — голос судьи точно команда на штурм. И он идет вперед, но Вовчик повторяет его маневр, мяч, описав параболу, уже приземляется на задней линии. Все. Проиграно второе очко. Нет! Нет! Антон достает и демонстрирует свой знаменитый удар, успевая еще при этом закрутить мяч. Высоченный Вовчик прыгает в угол, его длинная рука с ракеткой перекрывает путь мячу, но, коснувшись струн, мяч летит в аут.

— Пятнадцать-пятнадцать!

Теперь до победы три мяча. Всего три. Но именно тогда, когда до конца поединка остаются считанные ми-

нуты или очки, силы внезапно покидают спортсмена. Светит солнце, а у Антона перед глазами пелена. Он видит только мяч, слышит только голос судьи.

— Ровно!

Борьба длится вечность, а до победы еще два очка. Если он их сейчас не возьмет, то упадет здесь на корте и больше не сможет сопротивляться. А почему сопротивляться? Он наступает, он ведет пять-четыре в решающем сете. Это Вовчик упирается, старается удержаться над пропастью, зацепиться, чтобы выбраться наверх.

— Больше!

Впервые у Антона задрожали руки, победа близка. И тотчас пришло наказание.

— Ровно!

Проиграл простой мяч, потому что потерял бдительность. Мяч медленно перелетает через сетку, оба соперника не решаются рисковать, у зрителей от волнения кровь молоточками стучит в висках. Они уже не кричат, они симпатизируют обоим игрокам. Нить поединка натягивается до предела. Кто первый ее оборвёт? Кто решится? Решился Антон. Он так стремительно вышел к сетке, что Вовчик не успел среагировать, забыл про обводку, сыграл просто. Удар Антона был неотразим.

— Больше! — Голос судьи хрипит. Это слово он повторяет уже в шестой раз. Опять Антону до победы остается одно-единственное очко и опять он не может его взять. Кричат зрители или это гудит в ушах? Раскалывается голова, нога словно чужая. Ракетка кажется стопудовой, нет сил поднять ее над головой, нет сил подбросить мяч. Но он подает. Сильно и точно.

— Нет! — Кажется, голос судьи дрожит, ему, наверное, обидно за Антона. Но ведь он попал. Мяч приземлился у самой линии. Сейчас не время выяснять отношения. Судья, как и игрок, может ошибаться. Он тоже устал, он тоже скроен не из железа. Надо улыбнуться и спокойно подать вторично, нельзя дать выход гневу, да-

же справедливому. Надо беречь крохи нервной энергии, которые еще остались.

Снова поднимается над головой ракетка, мяч молнией летит к Вовчику. Тот принял и без промедления вышел к сетке. Молодец, малыш. Только играя так, ты сможешь сделать ровно, а потом... Не будет потом! Антон поднимает мяч и сам идет в атаку. Вовчик отбивает свечу, подрезая мяч. Но Антон угадывает направление полета мяча, замахивается для удара. Вовчик задерживается в углу, он уже успел выучить эту комбинацию Антона, когда мяч дважды посыпается в один и тот же угол. И тогда ловушка захлопывается. Подавив нервную дрожь от близости победы, мобилизовав всю волю для одного-единственного удара, Антон бьет косо... в другую сторону. Вовчик, как вратарь, бросается за мячом, который ударяется о землю, взлетает вверх и... опускается на площадку. Рядом с ним во всю длину своего атлетического тела растягивается Вовчик. Антон мгновение смотрит на эту картину, еще не веря, что все кончено.

— Игра, партия и встреча Ставко! — перекрикивая гул голосов, сообщает судья. И тогда Антон садится на мокрую, скользкую, холодную землю, а потом ложится на спину, потому что и сидеть у него нет сил.

В дверь кто-то два раза тихонько постучал. Антон не успел крикнуть: «Войдите!», как дверь распахнулась. Широко шагая, вошел Леня, за ним Вовчик.

— Самочувствие? — не здороваясь, спросил Леня.

— Нормальное!

— Врешь! — Леня присел на кровать, взял Антона за кисть. Частота пульса его удовлетворила. Он повеселел.— Тогда здравствуй.

— Здорово! — Антон поднятой рукой поприветствовал Вовчика. — Ты садись. Места хватит.

Места действительно хватало. В номере Антон остал-

ся один. Гаевой и Покровский уехали вчера вечерним поездом. Укатил с ними и Грачев. Он первый бросился к упавшему Антону, вместе с Леней на руках принес его в раздевалку, достал машину и привез в гостиницу. Хотел было в больницу, но Леня отсоветовал.

— Ему надо отдохнуть. В гостинице будет спокойнее.

Грачев высказал желание остаться с Антоном, чтобы завтра вместе ехать домой, но Леня предложил:

— Я с ним побуду, усажу в поезд. Вовчик поможет. А там встретят.

— У тебя же больница, операции,— вмешался в разговор Антон. Леня так на него глянул, что он осекся.

Грачев особенно настаивать не стал, поблагодарил Леню за участие, посетовал, что дел невпроворот. С Антоном он и словом не обмолвился, но сделал все, чтобы обеспечить нужный комфорт, договорился, чтобы еду приносили прямо в номер и до отъезда никого не поселяли — покой для Антона сейчас лучшее лекарство.

Прощаясь, он протянул руку, Антон крепко сжал ее.

— Спасибо, Грач. За все.

Грачев руки не отнимал, но скривился, словно Антон сказал что-то обидное.

— Не пойму я тебя. Блаженный, ты, что ли? Идеалист, тебя бы к богу в рай. Себе навредил. Пацану навредил.

— Пацану? Какому?

Грачев крякнул, махнул рукой. Времени на объяснения уже не было, да и желания тоже. Он круто развернулся и ушел не оглянувшись.

Так закончился вчерашний день, а сегодняшний начался с визита Лени и Вовчика. Проверив пульс, Леня осмотрел ногу, заявил, что страшного ничего нет, но с полмесяца придется поскушать без тренировок.

На одной из кроватей, где никто не спал, был разложен спортивный инвентарь Антона: три «данлоповские», ракетки, одна совершенно новая, ни разу не игранная,

коробка с зелеными «данлоповскими мячами», шорты, майки, туфли производства лучших импортных фирм, специализирующихся на выпуске теннисной формы, и много разных нужных мелочей, которые Антону дарили на зарубежных турнирах, где ему приходилось выступать. Вовчик взял в руки новую ракетку.

— Красавица! — и осторожно положил, словно она была стеклянная. Потрогал элегантные солнцезащитные очки, щегольскую шапочку с козырьком, напульсники: — Это для чего?

— Чтобы пот не стекал к ладоням. Рукоятка ракетки не скользит.

— Толковая штука.

Антон улыбаясь наблюдал за Вовчиком, его забавляло восхищение юноши вещами, которые для него давно стали привычными.

— У нас с инвентарем и формой туговато, — заметил Леня, который пересел на кровать и тоже начал с интересом перебирать разложенные вещи. — Вас в сборной, я вижу, снабжают по высшему разряду.

— Само собой.— Антон переменил положение, в бедре кольнуло.

Вовчик снова взял в руки ракетку. Приложил струны к щеке.

— В сборную трудно попасть?

— Трудно,— ответил Антон.— Но можно.

— А что для этого надо?

— В первую очередь, порядочность.

— Что-что? — Леня бросил примерять солнцезащитные очки. — Это что-то новое. Помнишь, нам всегда говорили, что в первую очередь нужны атлетизм, высокая техника, воля. И я так ребят настраиваю...

— Понятно, потому что порядочность для тебя качество неотъемлемое, — перебил Леня Антон, боясь, что разговор примет не то направление, которое было нужно ему. Он лихорадочно подыскивал самые главные, самые

убедительные слова, чтобы каждая сказанная им фраза дошла до этого пацана, до этого почти двухметрового Вовчика. Чтоб последний понял, зачем он вчера так яростно мотался по корту, чтобы обыграть его, никому не известного мальчишку, а теперь лежит и старается не показать, что бедро разламывает острая боль.

— Лет пять тому на Урале появился парнишка. Быстрый, ловкий, ракетку держал двумя руками и действовал ею, как хоккейной клюшкой.

— Как клюшкой? — удивился Вовчик.

— Именно,— подтвердил Антон, радуясь, что сумел вновь втянуть парня в разговор. Нельзя было допустить, чтобы тот оставался пассивным слушателем, просто присутствующим при беседе старших. И он продолжил, чутко улавливая реакцию Вовчика на каждое свое слово: — Начинал с хоккея, привык. И это не мешало ему побеждать. Пригласили его в столицу, он все бросил, ни с кем не посоветовался и помчался. Новый тренер пообещал включить в сборную, но потребовал изменить технику. Играть одной рукой.

— На уровне международных стандартов,— демонстрируя эрудицию, солидно добавил Вовчик.

— Верно, — поддержал его Антон. — Мыслишь четко. Но не учитывашь, что высоких стандартов достичь насоком нельзя. Нужно время. А парнишка заторопился, быстрее хотел в сборную прорваться, забыв, что молодой организм к сверхнагрузкам еще не готов. Пошли неудачи, он рассорился с тренером. Ничего не получилось и с другим. Исчез парень с теннисного горизонта.

— Обожди,— прервал его Леня, с изумлением взглядавшийся в Антона. Таким разговорчивым он его не знал.— Ты что, против переездов?

— Нет, но...

Леня не дал ему продолжить мысль.

— Испокон веков артисты из провинциальных театров переезжали в столичные, на большую сцену. Сейчас

тоже такое водится. Это не считается зазорным. И спортсмену, чтобы не тормозить свой рост, нередко бывает необходимо покинуть родной город. Особенно в таком виде спорта, как теннис. Нужны хорошие корты, сильные партнеры, тренеры высокой квалификации. Мой Вовчик тоже через год-другой отправится в полет. И я рассчитываю на твою помощь.

— Через год-другой,— ухватился за ниточку Антон, продолжая разговор. Он смотрел на Леня, но краем глаза наблюдал за Вовчиком. Слушает ли? Доходит ли до него хоть что-то?

Но лицо Вовчика было вежливо-спокойным, казалось, его больше всего интересует «данлоповская ракетка». И тогда Антон усилил натиск.

— Переход — дело нормальное, а вот перебег... — Он поморщился от неудачного слова, но с ходу не мог подобрать точного. — Я хочу сказать, что переход от одного тренера к другому должен быть честным, открытым. Неприятно, когда начинаются переговоры за спиной первого тренера...

Лицо Вовчика побагровело, он поднял перед собой ракетку, словно любовался полированным ободом, и Леня ничего не заметил. Но Антон понял, что Вовчик не пропускал ни единого слова из их разговора и что он наконец попал в цель. Теперь следовало развить успех, так он привык действовать на корте.

— И даже не переговоры, а настоящий торг. Игрок требует отдельную квартиру...

— Не просил я отдельной квартиры,— выпалил Вовчик. — Только комнату. В общежитии.

— Какая комната? Какое общежитие? — рассердился Леня. Он понял, что Антон и Вовчик знают то, что неизвестно ему. — Расскажите, что у вас за тайна?

Антон откинулся на подушку. Атаку он провел великолепно и выиграл очко. Теперь тактика меняется. Он показал рукой на Вовчика.

— Пусть сам все расскажет. Я устал немного, вчера трудный был денек. Давай, малыш, выкладывай как на духу. Здесь все свои.

В том, что Вовчик парень с характером, Антон убедился еще вчера. И когда был невольным свидетелем разговора с Грачевым, и на корте. Понимал, что вызвать его на откровенный разговор — дело не простое. Но Вовчик раскрылся сам, и это было самой большой победой, ради нее стоило пожертвовать поездкой в Мексику и терпеть острую боль в бедре.

Вовчик начал без предисловия. Отбросив лишние подробности, изложил свои взаимоотношения с Грачевым. Антону понравилось, что он не выставлял себя жертвой, а Грачева искусителем. «Значит, не пропаща душа,— отметил с удовлетворением. — Можно сделать из него человека». Он ждал реакции Лени. Обидится, возмутится? Но Леня о себе даже не подумал.

— Жалко Грача, — сказал со вздохом.— Игру понимает, а игроков — нет. Разве можно срывать недозрелые плоды? А потом что — выбросить? Для большого успеха нужно терпение. Терпение и труд. Понял, Вовчик?

Вовчик кивнул. На Леня он старался не смотреть, понимал, что поступил непорядочно, может быть, даже подло, это уже как расценит Леня! Мельком взглянул на него и увидел, что тот улыбается. Спокойно, доброжелательно, как никогда не улыбался ему отец, который за малейшую провинность в детстве пускал в ход ремень, а потом, когда Вовчик вытянулся и раздался в плечах, безжалостно ругал, не выбирая выражений.

Леня тоже чувствовал себя виноватым. Учил Вовчика играть в теннис, а чем еще живет парень, к чему стремится, не интересовался. О жизни говорил с ним редко, решив: если учится без троек, не курит и к бутылке не тянется, как некоторые его сверстники, то значит, на верном пути. Сегодня впервые он вдруг почувствовал, что несет ответственность за судьбу Вовчика, что тренер обя-

74

зан не только обучить ученика технике нападения и защиты, раскрыть премудрости тактических комбинаций, но и воспитать его нравственно. Поэтому и не обрушил в адрес Грачева водопад резких слов, которого ожидал Антон, а даже пожалел его. Если бы Грачеву с юных лет внущили, что для личного успеха нельзя выбирать любые средства, что надо думать о последствиях своих поступков, взвешивать свои действия, опасаясь поломать чью-то судьбу, все, возможно, в данной ситуации получилось по-иному. Антон не лежал бы с травмой, зачеркнувшей для него долгожданную поездку в Мексику, а он не мучился бы, подыскивая слова, чтобы начать разговор с Вовчиком. Надо будет повнимательнее присмотреться ко всем пацанам, узнать, что у них за душой. Спорт это не только тренировки и соревнования, есть в нем скрытые от зрителей стороны, где не всегда действуют законы справедливости и морали. И надо, чтобы питомцы были готовы к таким ситуациям, умели отличать настоящее от поддельного, не «клевали» на обещания, когда за красивыми словами скрывается эгоистический расчет и желание получить проценты, не вкладывая капитал. Но это все он скажет им потом, дома, а сейчас примирительно похлопал Вовчика по колену.

— Ладно, малыш. С кем не бывает. Домой приедем, разберемся,— и, чувствуя, что говорит совсем не то, мысленно ругнул себя.

Но вдруг увидел, как лицо Вовчика просветлело, он вздохнул, выпрямился, словно донес тяжелый мешок до места и сбросил наземь.

— Может, нам пора? — Вовчик встал с кровати, где лежала импортная теннисная амуниция.— Человеку отдохнуть надо...

Он сказал «человеку», потому что отчества Антона не знал, а называть просто по имени, как при разговоре с Грачевым, уже не решался. Антон это понял и не обиделся на грубоватое «человек».

— Да я не устал. Садись. — И быстро перевел тему разговора. — Ракетка нравится? Я смотрю, ты ее из рук не выпускаешь, даже глашишь, словно кошку.

— Мировая, — без всякой дипломатии выпалил Вовчик. — Мечта.

— Бери! — скомандовал Антон. — Те две тоже. И всю амуницию забирай. У меня шкаф доверху забит. Девять некуда.

— Что вы, — Вовчик растерялся, не ожидал такого поворота. Взял туфлю с кровати. — Она на меня мала. У меня сорок пятый растоптанный...

— Другому будет, верста ты коломенская. Разве ты у тренера один?

— Тринадцать их у меня, чертова дюжина, — подключился к разговору Леня. — Тренируются с охотой. Жаль, классного тенниса не видят. Все по журналам, по фотографиям. А на Востоке говорят, лучше раз увидеть...

— Теперь увидят, — уверенно заявил Антон. — Обязательно увидят. Только поправлюсь, немедленно заявлюсь к вам.

— Уже холодно будет, — с сожалением сказал Вовчик. — А крытого корта у нас нет.

— Вот я и пойду к вашему начальству, попрошу, чтобы начали строить корт. А летом еще раз приеду и прихватчу кого-нибудь из корифеев. Проверим твоих панцов по всем параметрам. Сами кое-что покажем.

— Ты не очень к нам приглашай, — остановил его Леня. — Гостиница у нас старая. И корты не ахти. А вы, в сборной, — народ избалованный.

— Ты меня не пугай, — деланно нахмурился Антон, но не выдержал и улыбнулся. — Я, к твоему сведению, не в отеле люкс живу, а в обыкновенной малогабаритной квартире. И вырос в маленьком городке. Ребята из сборной тоже не принцы датские...

— Ты меня не так понял. Разве я против приезда? Приезжайте. Встретим, как родных.

Антон с любовью смотрел на Леню. Как здорово, что они встретились, пусть даже в такой малорадостной обстановке. Боль пройдет, нога поправится, все станет на свои места. Только он, Антон, будет уже другим человеком.

— Леня! Теннис — это счастье?

Леня пожал плечами, но Антон не стал ждать ответа.

— Не помню, где я прочитал, что теннис не счастье, но вполне может его заменить. Немало лет я был уверен в справедливости этой формулировки.

— А теперь?

— Счастье — это дружба. Когда ты нужен людям, они тебе. Когда радость и горе — все пополам. Настанет время, рано или поздно придется расставаться с кортом. Спорт неумолим, он отсрочки не дает. И очень важно, чтобы, навсегда покинув корт, не потеряться в жизни. А если ты один, без друзей, это легко может случиться.

В дверь постучали. Вошла девушка с подносом.

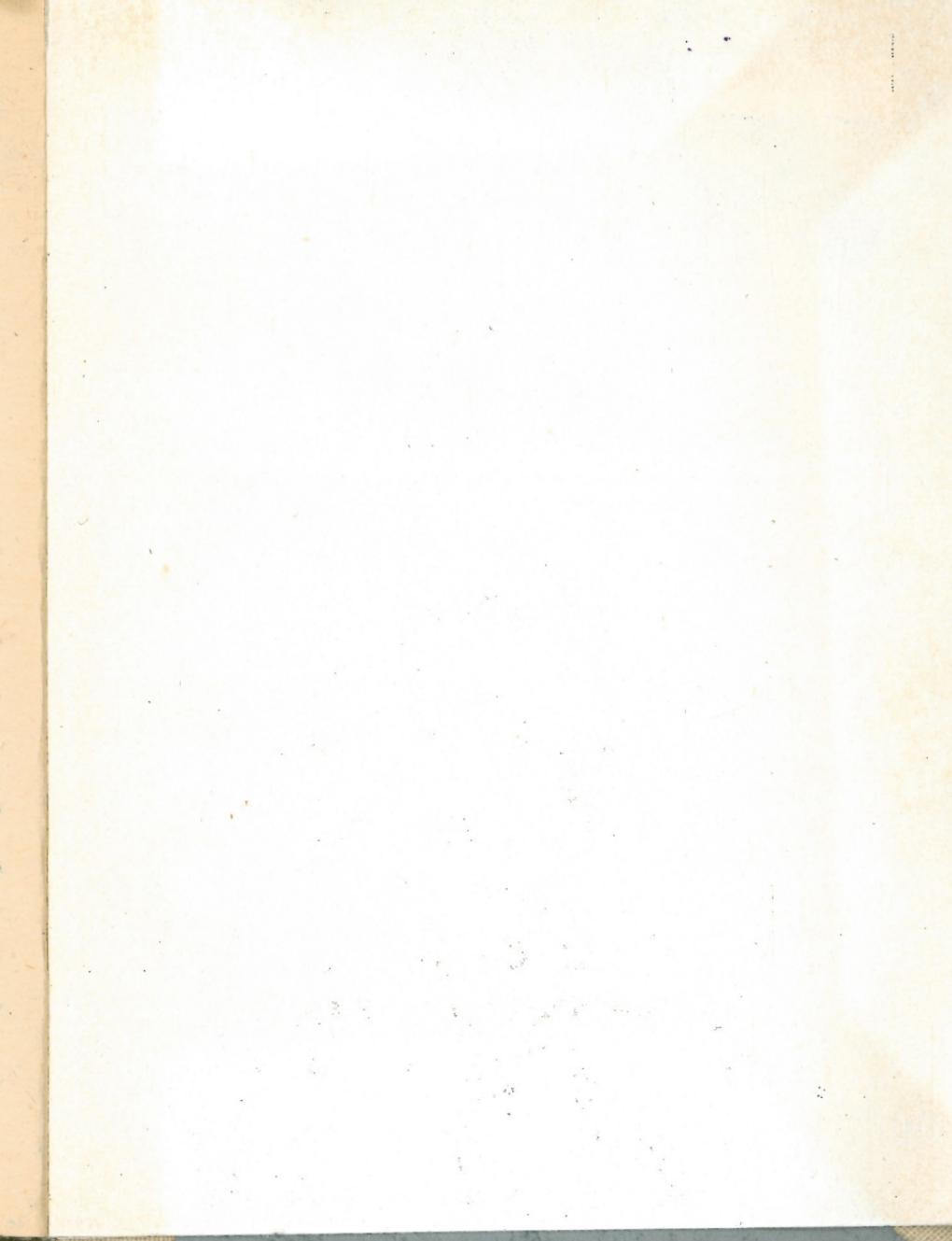
— Вы завтракали? — спросил Антон.

— Не успели, — ответил Леня. — Ты приступай. А мы с Вовчиком в кафе.

— Нет, — запротестовал Антон. — Хотя и есть пословица «завтрак съешь сам», но сегодня я хочу разделить его с друзьями. И вы не можете мне отказать.

— Вам на троих здесь мало, — засмеялась девушка и посмотрела на двухметрового Вовчика. — Я принесу добавки.

— Несите, несите, — сказал Антон. — Но эту порцию мы все-таки разделим на троих.

70 κ.

